Помнить нельзя забыть: антропология депортационной травмы калмыков

Э.-Б Гучинова

Ibidem-Verlag, 2005

SOVIET AND POST-SOVIET POLITICS AND SOCIETY
Edited by Dr. Andreas Umland

Эльза-Баир Гучинова

Помнить нельзя забыть

Антропология депортационной травмы калмыков

С предисловием Кэролайн Хамфри

ibidem

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Калмыки – монголоязычный народ, проживающий с начала XVII в. в границах Российской империи / СССР / Российской Федерации. Его численность варьирует с 200 тыс. в 1898 г. до 174 тыс. в 2003 г. Историко-культурный облик этой общности сформировался на современной территории западной части Республики Монголия и северо-западных областей Китая (Джунгария). Известные из ранних исторических источников («Тайная история монголов», «Сборник летописей» Рашид-ад-дина и др.) как *ойраты*, представители этой этнической группы получили в России новый этноним *хальмг – калмыки*, с самоназванием *улан залата хальмгуд – краснокистные калмыки*. Прикочевав в пределы России первоначально на территорию Сибири, калмыки к середине XVIII в. обосновались в междуречье Волги и Урала, а позже большая их часть переселилась на земли в низовьях Волги и Прикаспия, которые стали называться Калмыцкая степь. С тех пор для всего монголоязычного мира калмыки стали *ижлин хальмгуд – волжскими калмыками*, или *арасян хальмгуд – российскими калмыками*.

В соответствии с административным делением Российской империи Калмыцкая степь входила в состав Астраханской и Ставропольской губерний; на этой территории проживали группы калмыков, известные как *торгуты, дербеты, хошеуты и донские калмыки* (б*узава*), населявшие Калмыцкий район Великого Войска Донского. *Терские, кумские* и *оренбургские* калмыки были переселены из прежних мест своего проживания в Калмыцкую степь уже в начале 1920-х гг. Традиционное калмыцкое хозяйство было основано на экстенсивном скотоводстве и связанном с ним кочевом образе жизни. Согласно двусторонним договоренностям, принятым при

вхождении в состав Российской империи в первой половине XVII в., Калмыцкое ханство было самостоятельным в хозяйственной, религиозной и судебной сферах, но имело обязательство координировать с царской администрацией свою внешнюю политику. Однако колониальная политика царизма, активно осуществлявшаяся в Калмыцкой степи, в частности принудительная христианизация населения, активная колонизация территорий, вызывала недовольство калмыцкой аристократии, нередко выражавшееся в откочевках феодалов со своими подданными на прежние территории – в Джунгарию. Самая крупная из таких откочевок, когда хан Убуши увел с собой три четверти населения, произошла в 1771 г. послужила поводом к ликвидации Калмыцкого ханства в составе Российского государства. Исход 1771 г. остался в народной памяти и в историко-литературных памятниках как первая в России катастрофа национального масштаба: вместе с большей частью народа покинула пределы Калмыцкой степи ее социальная и культурная элита - аристократия (включая ханский род). После этой откочевки в наказание калмыцкому народу была ликвидирована его государственность – было упразднено Калмыцкое ханство, ликвидированы титул хана и наместника ханства, управление калмыцкими делами перешло к особой Экспедиции калмыцких дел, учрежденной при канцелярии астраханского губернатора[1]. Калмыцкая степь стала типичной колониальной окраиной Российской империи. Такой политико-административный статус сохранялся практически вплоть до Октябрьской революции.

После установления в 1920 г. Советской власти в Калмыцкой степи была создана Автономная область калмыцкого народа, с 1936 г. – Калмыцкая Автономная Республика. Последняя была ликвидирована в 1943 г. и восстановлена в 1957 г. сначала как автономная область в составе Ставропольского края, которая вскоре, с 1958 г.,

---

[1] См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука. 1967. С. 222.

получила статус автономной республики и стала называться Калмыцкой АССР. Так называемая политика коренизации – политика привлечения в органы управления республики представителей коренного населения и усилия советской власти в «ликвидации исторической отсталости ранее угнетенных народов» существенно изменили этнокультурный облик калмыков. Переход с мобильного на стационарный тип ведения хозяйства, изменившийся характер поселения и тип жилища, модернизированный рацион питания, языковая русификация, включавшая отмену традиционного алфавита в пользу кириллицы, кампания по ликвидации безграмотности, борьба с религией стали чертами социалистического образа жизни[2].

Исторические перипетии XX в. отразились на калмыках самым драматическим образом. В период гражданской войны в России многие калмыки, особенно из числа калмыцкого казачества, эмигрировали через Турцию в различные страны Европы. В основном это были донские калмыки, служившие в рядах Белой армии и разделившие ее судьбу, их было 3-4 тыс. человек. В Европе калмыки селились в разных странах, преимущественно славянских – Болгарии и Югославии, позже часть их переехала во Францию и Чехословакию. В ответ на активную агитацию Советского государства часть эмигрантов в первой половине 1920-х гг. вернулась в СССР. Практически всех репатриантов на родине ожидали репрессии: ссылки, тюрьмы, некоторых – расстрел.

В период Второй мировой войны был сформирован Калмыцкий кавалерийский корпус, и его сотрудничество с фашистскими оккупантами стало главным официальным аргументом для тотальной депортации калмыцкого народа в конце 1943 г. Ушедшие же с германскими военными властями

---

[2] См.: Очерки истории Калмыцкой АССР; Калмыкия в единой семье народов СССР. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, далее – ККИ.1989.

калмыки примкнули к более многочисленной калмыцкой общине первого исхода.

Депортация для калмыков длилась 13 лет и стала в полном смысле глубокой коллективной травмой, переживаемой народом даже после возвращения из депортации в 1956 г., – в самых разных формах на протяжении трех поколений.

В период политической либерализации и роста этнонационализма среди советских народов, наступивший с перестройкой, у калмыков появились самые разные ожидания и устремления. Часть их была связана с процессом так называемой суверенизации и параллельным осуществлением рыночных реформ в экономике, особенно после провозглашения Республики Калмыкия – *Хальмг Тангч* (1990 г.), ставшей одним из 89 субъектов новой Российской Федерации. Тогда же на мощной эмоционально-политической волне рождается движение за полную реабилитацию народа, особенно активизировавшееся после принятия в апреле 1991 г. закона «О реабилитации репрессированных народов СССР». В это же время стало возможным установление связи с зарубежными калмыками, что повлекло за собой новое осознание этнической общности. Интеллигенция и медиа были вовлечены в процесс нового осмысления истории депортации в общем курсе истории калмыцкого народа, который, однако, не может подменить аналитической академической работы.

Такая работа имеет свою, уже длительную традицию. Изучение истории и этнографии калмыков началось сразу же после появления этого народа в составе Российского государства и преследовало, прежде всего, цели оптимального управления инородческим населением. Этнографические описания калмыков появляются как в общих работах Г.Ф.Миллера, Ф.А.Бюлера, П.С.Палласа, С.Г.Гмелина, И.Лепехина, так и в специальных исследованиях П.Небольсина, И.Житецкого, Н.Нефедьева и др. В советский период изучение истории и культуры калмыцкого народа продолжалось. Однако

историческая судьба калмыков в XX в. была такова, что в довоенный период профессиональные этнографы среди калмыков не успели появиться, и понадобилось время, чтобы после депортационных лет выросли кадры ученых, имеющих исследовательский интерес к этнографии. Наиболее полно этнографическое описание калмыцкого народа дается в монографии одного из родоначальников современной калмыцкой этнографии У.Э.Эрдниева «Калмыки»[3]. С тех пор вышли десятки монографий и сотни статей по разным направлениям этнографической науки[4]. Однако они были посвящены наиболее устоявшимся научным направлениям (этногенетические исследования, проблемы семьи, влияние религии и др.). Таких вопросов, как насильственные перемещения калмыков в XX в., советская научная литература избегала. Тем более оставались за рамками историко-этнографических исследований сложные процессы в сфере этнического самосознания депортированного народа.

В современной исторической науке проблема массовых насильственных перемещений населения, в частности на территории СССР, становится предметом все большего внимания. Эти перемещения, называемые по-разному (массовые переселения, выселение раскулаченных, депортации), объединяет то, что они не были следствием автономно принимаемых индивидуальных решений (А.Ричмонд), а происходили в результате гражданской войны, двух мировых войн, политических репрессий, межэтнических конфликтов. По оценкам некоторых специалистов (Н.Ф.Бугай), только в пределах бывшего СССР около 20 миллионов человек стали жертвами насильственных переселений, примерно 3,5 миллиона из которых были депортированы по этническому признаку. Калмыки стали одним из 14 депортированных

[3] Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста: ККИ.1980.

[4] См.: Ленкова М. История Калмыкии XX века в современной историографии. Элиста: ККИ. 2001.

народов. Историко-культурный анализ их депортации поможет лучше осмыслить схожие ситуации с другими народами.

Одна из актуальных проблем отечественной истории советского периода, а также истории Второй мировой войны в целом – это проблема коллаборационизма. Военных коллаборантов в составе вермахта из числа советских граждан насчитывалось более одного миллиона (К.Александров), среди них были и калмыки.

Более пяти тысяч человек – военных коллаборантов и гражданского населения покинули республику и страну вслед за отступавшими немецкими войсками зимой 1942-1943 гг. Эти люди составили так называемый Калмыцкий кавалерийский корпус, большая часть которого после пленения в 1945 г. была репатриирована в СССР. Одна из задач исследования – выяснить, какова природа этого явления, каковы социально-политические последствия коллаборационизма для представителей той или иной этнической или социальной группы населения, какие аргументы и переживания сопровождают представителей «наказанных» народов в их последующей истории и как все это оценивать с позиций сегодняшнего дня. Важно отметить, что проблема коллаборационизма дается не с позиций военного историка, а социального антрополога со всеми вытекающими академическими приоритетами.

Поэтому для данного исследования наиболее важной представляется проблема травмы и памяти: переживания, сохранения и трансляции в народной памяти вынужденных переселений, которые по политико-идеологическим и культурным причинам долго замалчивались в официальной истории и часто табуировались в массовом сознании. В принципе речь идет о трансформации коллективной идентичности в контексте коллективной травмы – вопрос, который до сих пор остается мало изученным в российской науке.

Один из аспектов проблемы – разная оценка коллективным сознанием народа драматических событий массовых перемещений. Исторические ситуации, когда «калмык убивал калмыка», оказываются в зоне умолчания или вытеснения. Можно предположить, что причины умолчания были различны. В советское время обращение к этим сюжетам было нежелательным для власти, потому что оба исхода калмыков, как в гражданскую, так и во Вторую мировую войну, были восприняты ею как протест против господствовавшего политического режима. Это было опасным и для ученых, которые понимали, что суждения, не совпадающие с официальными в общественном дискурсе, наказуемы, и всегда знали ту грань, переходить которую им было нельзя.

Эпоха гласности сняла запрет с табу на многие события российской истории. Демократизация общества и падение роли КПСС сделали общественные науки свободными от принципа партийности, который был основным для советской науки. История СССР подлежала деидеологизации и многие ее события были переосмыслены. Пересмотр истории гражданской войны происходил в калмыцком историческом самосознании в целом безболезненно.

Иначе обстояло дело со вторым исходом калмыков в XX в. – в годы Второй мировой войны, связанным с частичной оккупацией Калмыкии немецкими частями и историей Калмыцкого кавалерийского корпуса. Эта часть истории народа все еще табуирована в публичном дискурсе, поскольку коллаборационизм части калмыцкого населения стал поводом к тотальной депортации возмездия 1943 г. Коллективная вина, навязанная советским режимом всему народу, усугубленная не только самим наказанием, но и публичными процессами 1967-1984 гг. над участниками корпуса, еще живо присутствует в сознании народа. Как приватно, так и официально люди предпочитают не говорить о корпусе вслух, во многом из-за

самого факта измены родине, который для многих не может быть оправдан или прощен.

Последовавшая в 1943 г. депортация в течение всего советского периода тоже находилась вне публичного обсуждения. В период либерализации общественной жизни эта «тайная история» калмыков стала широко обсуждаемой и закрепилась в этническом самосознании. Представление о депортации как самой массовой трагедии калмыцкого народа прошлого столетия благодаря политическим и журналистским усилиям формулируется как наиболее яркая страница истории народа в XX в. Годы депортации ныне вспоминаются с определенным достоинством и даже с гордостью, в особенности это касается перенесенных страданий и утрат, а также опыта выживания в трудных природно-климатических и социальных условиях. Здесь исследовательская проблема заключается в том, как осмыслить инструменталистское усвоение травмы и преодолеть политизированные оценки коллективных депортаций исключительно как геноцида, а также оценить механизмы и пути сохранения целостности и культурной самобытности группы в экстремальных условиях.

Сравнение опыта переживания травмы калмыками с опытом травмы других по историко-культурным параметрам народов, также имеющих опыт депривации, например, чеченцев в СССР или американцев японского происхождения в США, – тема, ждущая своего исследователя. В данной книге автор ограничивается лишь рядом примеров.

Можно думать, что калмыки, в прошлом кочевой народ, должны были бы легче перенести вынужденное переселение – как очередную перекочевку. Однако к моменту переселения калмыки уже не были кочевниками, а все предыдущие исторические перемещения, связанные с годовым хозяйственным циклом, тщательно планировались во времени и пространстве. Так что вынужденная «перекочевка» не имела ничего общего с предыдущим опытом.

При анализе материалов, связанных с интерпретацией прошлого, автор ориентировался на исследования в области исторической памяти (М.Хальбвакс[5], П.Вен[6], П.Рикёр[7], Я.Ассман[8], В.А.Шнирельман[9]). Сюжеты, связанные с историей депортации, были осмыслены с учетом научных достижений в исследовании антропологии насилия и истории депортаций, содержащихся в монографиях А.М.Некрича[10], В.А.Тишкова[11], Н.Ф.Бугая[12], П.Поляна[13], В.В.Бочарова[14], В.Б.Убушаева[15], а сюжеты, связанные с коллаборационизмом, – с учетом исследований К.М.Александрова[16], И.А.Гилязова[17]. Хочется вновь подчеркнуть, что данная книга написана не об истории депортации и не рассматривает специально правозащитные аспекты проблемы. В первую очередь, это работа об антропологии депортационной травмы калмыков: что и как сохранилось в памяти. В этой связи мне были полезны

[5] Halbwashs Maurice. On Collective Memory. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1992.

[6] Вен Поль. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.:Научный мир. 2003.

[7] Рикёр Поль. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2004.

[8] Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 2004.

[9] Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига». 2003.

[10] Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк. 1978.

[11] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука. 2001.

[12] Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: Джангар. 1991.

[13] Полян П. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И. – Мемориал. 2001.

[14] Антропология насилия. СПб.: Наука. 2001.

[15] Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943-1957 гг. Элиста: Санан. 1991.

[16] Александров К.М.Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб.: Ювента, 2003.

[17] Гилязов И.А. На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы второй мировой войны). Казань: Издательство Казанского университета.1998.

исследования антропологов, занимавшихся сходными проблемами, – Й.Такезавы[18], М.Поль[19].

У многих народов, особенно переживших авторитарные режимы в прошлом, происходят радикальные переоценки исторических событий. Подобный процесс переосмысления политической истории XX в. прослеживается в исследовании на примере калмыков. Историческая память, особенно связанная с коллективной травмой, становится не просто ресурсом этнической мобилизации, но при ее политическом использовании нередко ведет к эскалации конфликта. Приобретение знания о травме способствует сбалансированному отношению к истории, может послужить моральной терапией и способствует реабилитационному процессу. Изучение истории каждого репрессированного народа и того, как она помнится, сохраняется и создается людьми, – есть осмысление перенесенного опыта, необходимое как для данного народа, так и для других сообществ.

Одновременно я стремилась преодолеть другие «недостатки native anthropologist», в которых обычно их/нас упрекают, и не идеализировать свой народ, не романтизировать и не драматизировать его историю. Я понимала, что сама тема коллаборационизма в целом моим землякам покажется нежелательной. Им кажется, что если уж человек захотел поведать миру о своем народе, то должен выбрать «достойную» тему, которой можно гордиться. Зачем же выставлять на всеобщий суд то, о чем трудно говорить даже между «своими», что просто постыдно – измену родине. Старики учили меня уму-разуму: «Кто знает о Корпусе – с теми ничего не поделаешь, но зачем нам (калмыкам) самим делать усилия, чтобы о таких стыдных вещах узнали и те, кто об этом

---

[18] Takezawa Y. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. Cornell University Press. 1995.

[19] Поль М. «Неужели эти земли нашей могилой станут?» Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944-1957 гг.) // Диаспоры. 2002. № 2.

не знает. Другое дело – депортация: это тема, достойная пера. О наших страданиях и потерях должны знать все люди. Но стоит ли в связи с этой темой упоминать об агентуре НКВД среди депортированных, это ведь еще одно пятно на народ?»

Однако я калмычка по происхождению и не хочу скрывать свою историю, как и свои эмоции, которые в любом случае неочевидно проявляются даже при научном обсуждении. Что же теперь, не заниматься родной культурой, сознательно выбирать другие/чужие объекты исследования, отдавая родную культуру в руки других/чужих исследователей, которые будут объективнее, потому что хуже ее знают и менее привязаны к этому сообществу? Кто же будет исследовать в этом случае те проблемы, которые важны для меня лично и для других калмыков именно сейчас?

В конце концов я поняла, что чувствую себя несвободной в своем исследовании, что начинаю опасаться угодить под эту примордиалистскую категорию, очевидно, сконструированную «постколониальными» антропологами для того, чтобы не только предостеречь коллег от ошибок, но и указать ученым из бывших колоний их навсегда провинциальное место в науке, их предел, очерченный географическими границами малой родины. Почему любой заезжий антрополог (traveling anthropologist), часто не понимающий самых простых вещей в чужой культуре, может ошибаться сплошь и рядом, но не боится ярлыков? Нередко он пользуется помощью и работами местных коллег, но не считает их ровней: ведь постколониальная наука продолжает оставаться западноцентричной, ведь такой ученый представляет европейскую науку с вековыми академическими традициями, а за спиной антрополога своего народа – шаманы и знахари.

В ходе своего исследования я столкнулась с проблемой памяти и забывания на своем личном опыте. В 2001 г. вышла монография Валерия Тишкова «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны». В ней упоминаюсь и

я: «Эльза Гучинова рассказывала мне, что в детстве и ранней молодости вообще ничего не слышала о депортации в Сибирь ни от своих родителей, ни от других людей»[20]. Прочитав эти строки, я пришла в ужас, мне показалось, что все было не так. Я стала припоминать, когда и при каких обстоятельствах я сообщила В.Тишкову эту информацию. В 1995 г. я получила электронное письмо от Тишкова с просьбой ответить на несколько вопросов по этой проблеме. Я как прилежная ученица ответила немедленно, не дав себе времени хорошенько подумать, мои ответы были первой реакцией на вопросы о депортации, которые задавались мне по этой проблеме впервые. К этому времени я уже семь лет как защитила кандидатскую диссертацию и была как будто вполне зрелым ученым. Однако я была совершенно не готова обсуждать деликатные вопросы семейной истории или истории моего народа с посторонним исследователем, даже с коллегой, которого я безоговорочно уважала. В 1995 г. мне еще не встречались антропологические исследования по этой проблеме, исторические работы о депортации уже появились, но ограничивались публикацией документов НКВД, и персональный опыт репрессированных людей еще не был объектом изучения в России. В этом случае сыграла негативную роль и дистантная форма общения. Если бы общение было лицом к лицу, возможно, моя память отреагировала бы иначе и во мне проснулись бы необходимые воспоминания.

С тех пор я вспомнила многое. Я, как и чеченские респонденты Тишкова моего поколения, и в детстве знала, что моя семья и все калмыки какое-то время жили в Сибири. В какие это было годы, почему так случилось – в детстве и юности меня не интересовало. Я знала, что родители преподавали в школе в Новосибирской области, что отцовские ученики обожали его уроки истории и географии. Я знала и

---

[20] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С.80

многое другое, но это были как бы тексты, которые не подлежали развитию. Как будто родительский тон воспоминаний оставлял их в фиксированном виде, и я не должна была интересоваться бо́льшим, потому что, как мне теперь кажется, в родительских повествованиях практически не было вопросов, а были только факты, будничные факты нашей семьи. Имевшие опыт выживания в СССР мои родители, как и многие другие представители того поколения, считали за благо не обсуждать с детьми сущность или частные проявления сталинизма, чтобы не отягощать мысли и судьбы своих детей.

Когда же я сама стала заниматься антропологией депортационной травмы, я смогла понять, как у одного и того же человека память меняется в зависимости от аудитории, от конкретных условий опроса, от мотивации и от общего социального контекста. Теперь, написав несколько статей, работая над книгой и понимая, насколько эта тема важна для меня как исследователя, память моя стала настроенной на эту проблему. Я вспоминаю родительские реплики и реакции на те или иные связанные с депортацией события. Сейчас, когда я знакомлюсь с калмыком, я мысленно прикидываю, родился он в Сибири, был вывезен туда ребенком или родился позже, уже на родине. Моя память спала, пока эта тема не стала для меня особенно важной. Тем не менее, на сайтах, где представлена указанная монография Тишкова, я так и осталась «коллегой из Калмыкии, которая о депортации не знала долгое время»[21].

Мое «не знаю» не было незнанием, а отражало вытесненное знание. То, что произошло со мной, не было только моим уникальным опытом. Подобный процесс «узнавания» своего прошлого и пробуждения памяти стал наблюдаться и у всего народа благодаря тому, что место «Сибири» в самосознании народа, в государственной политике изменилось и депортация стала главным событием для

[21] Там же. С. 503.

калмыцкого народа в XX в., переместившись с задворков памяти/прошлого в его центр.

В исследовании использован широкий круг источников. Это опубликованные документы НКВД и КГБ СССР[22]. Ценный материал по истории и антропологии коллаборационизма содержится в архиве УФСБ по РК, в Элисте. Мне удалось познакомиться только с уголовными делами ныне реабилитированных бывших корпусников, таких всего было двое. Остальные тысячи дел, к сожалению, пока недоступны.

Особую ценность для исследования коллаборационизма имели глубокие интервью с самими бывшими корпусниками и их младшими ровесниками, проживающими ныне в США (штаты Нью-Джерси и Пенсильвания) и в Германии (Мюнхен, Людвигсфельд).

Основной корпус источников – воспоминания самих депортированных и свидетелей тех событий. В первую очередь я анализировала опубликованные мемуары. Они изданы в тематических сборниках воспоминаний «Боль памяти»[23], «Поезд памяти»[24], «Мы – из высланных навечно»[25], а также печатались на страницах республиканской прессы в рубрике «Письма читателей».

Для изучения ежедневных практик выживания в период депортации, а также для анализа дискурса вины и наказания активно использовалась пресса Республики Калмыкия (РК): газеты «Советская Калмыкия» (СК), «Комсомолец Калмыкии» (КК), «Известия Калмыкии» (ИК).

---

[22] Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: ККИ. 1991; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943-1957. Элиста: ККИ.1991; Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было. Сб. документов и материалов. Т.1. Кн.1. Элиста: ККИ. 1993.

[23] Годаев П.О. Боль памяти. Элиста: Джангар. 1999.

[24] Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. Элиста: Джангар. 1994.

[25] Мы – из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943-1957 гг.). Элиста: Джангар. 2003.

Глубокие интервью о депортации с людьми, перенесшими ее на личном опыте, существенно продвинули мое понимание стратегии выживания и переживаемой калмыками в те годы стигматизации этничности. Многие интервью я проводила лично (ПМА – полевые материалы автора), часть интервью делегированные, проведены по моему опросному листу Б. Корнусовой, а также старшеклассниками Элистинского лицея под руководством преподавателей истории К.Э.Манцевой и С.И.Шевеновой (они обозначены как ПМА - ДИШ, делегированные интервью школьников). Сотрудничество с преподавателями лицея вдохновило меня начать исследовательский проект «Память в третьем поколении» (ППТП), в котором я анализирую тексты сочинений учеников о депортации, собранных С.И.Шевеновой на протяжении 1993-2004 гг.

Бесспорно украсили это издание фотографии из частных архивов семей Есиновых, Кульковых, Сельвиных, Нарановых, Ланцановых, Левгиновых, которым я выражаю свою признательность, и особенно Саналу Сельвину за помощь в подборе фотографий. К сожалению, не все приведенные фотографии атрибутированы. Их современные владельцы зачастую не имеют представления о старых сибирских фотографиях, не знают кто, когда и где изображен, и им не у кого спросить. Это в целом отражает сложившееся отношение к депортации в народной памяти: кто-то помнит хорошо, кто-то фрагментарно, а наследники часто не знают ничего. Под такими не атрибутированными фотографиями я поставила общую подпись «Калмыки в Сибири».

Выражаю благодарность фонду Александра фон Гумбольдта, благодаря стипендии которого я смогла исследовать материалы по проблеме коллаборационизма среди калмыков, частично вошедшие в эту книгу.

Моя искренняя признательность коллегам, которые своими замечаниями и рекомендациями способствовали тому,

чтобы мое исследование было более глубоким, а текст – более строгим: В.А.Тишкову (ИЭА РАН), Л.Абрамяну (ИЭА АН Армении), Н.Л.Жуковской (ИЭА РАН), В. Шнирельману (ИЭА РАН), Г.Пюрбееву (ИЯ РАН), В.Санчирову (КИГИ РАН), Б.Корнусовой (КГУ). Особая благодарность – Эле Мачерет, взявшей труд первого прочтения рукописи, что не только сняло множество стилистических шероховатостей, но стало нашим совместным переживанием далеких событий и вновь объединило нас вопреки расстояниям.

Долгие беседы не «у дерева», а за столом в доме Левона и Эды Абрамянов позволили взглянуть на мою работу в более широком историческом контексте – в сравнении с другими травмами и другой памятью, придали мне исследовательскую уверенность. Доброе и требовательное отношение Абрамянов – неоценимая поддержка в моей работе и жизни.

Кэролайн Хэмфри, олицетворяющая для меня высокий академический стандарт современной социальной антропологии, одна из немногих западных ученых, чьи исследовательские интересы тесно связаны с внутренней Азией, воспитавшая блестящих учеников-монголоведов, при этом имеющая свой опыт жизни в колхозе им. Карла Маркса, любезно согласилась написать предисловие к этой книге. Для меня это большая честь.

Я посвящаю эту книгу памяти двух дорогих для меня людей – Эзы Каляевой и Надии Александровой, утрата которых для всех, кто их знал, невосполнима. Без присутствия в моей жизни Эзы и Надейки была бы другой я, и, следовательно, эта книга.

Моя безграничная благодарность мужу Рубену Мкртчяну, который поощрял мои научные занятия, разделял мои исследовательские тревоги и был самым строгим читателем.

Список фотографий

1 ВЫСЕЛЕНИЕ НАРОДА

1.1. Коллаборационизм среди калмыков и дискурс вины

История Калмыкии советского периода долгое время имела две тайны – два сюжета, нежелательные для публичного обсуждения: история военного коллаборационистского соединения – Калмыцкого кавалерийского корпуса (ККК)[26] и депортация народа (1943-56). Оба сюжета тесно связаны между собой. Обвинение в коллаборационизме стало основанием для тотальной депортации возмездия калмыков. Тринадцатилетний статус народа-изгоя, большие человеческие потери, а позже – публичные судебные процессы над офицерами ККК в конце 1960–1970-х табуировали его историю в публичном обсуждении. Эти судебные процессы навязали и закрепили в общественном сознании чувство «коллективной вины», которое вытесняло из памяти все, что вину составляло - коллаборационизм.

Явление коллаборационизма настолько сложно, так много противоречивых обстоятельств переплетено в каждом его проявлении, что любой его пример следует изучать конкретно–исторически, ведь война – это страшное испытание, такой перелом в судьбах стран, народов и отдельных людей, что ее последствия в психологическом восприятии каждого человека, в его поступках, в каждой конкретной ситуации могут быть самыми разными. Потому и природа коллаборационизма не так проста и не так однообразна[27]. Сегодня это также сложный вопрос. Можно выделить полярные мнения в современной исторической науке: от однозначной оценки коллаборантов как

---

[26] О социальном составе и истории ККК см.: Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk road». История, культура и идентичности калмыцкой общины США. СПб.: Алетейя. 2004.

[27] Гилязов И.А. Указ. соч. С. 4.

предателей[28] до желания увидеть в них героев, выражавших «самостоятельный, стихийный протест части общества против внутренней политики советского государства»[29].

Сложность человеческих эмоций, характеризующих людей той ситуации, красноречиво показывает история майора Абушинова, который на вопрос: «Где же пленные партизаны, которых нужно допросить?», – ответил: «В боях калмыков с русскими уже пятьсот лет (так!) как не берут в плен»[30]. Эта яркая фраза создает образ непримиримого врага. Однако его личность была не столь однозначна, об этом говорит всплывший на судебном процессе эпизод. Как показала свидетельница, в ее хате стоял на постое Абушинов; как-то он попросил пришить на френч оторвавшуюся пуговицу. Случайно женщина пришила пуговицу от советской формы. Абушинов пришел в ярость; женщина упала на колени, потом дрожащими руками перешила пуговицу. Он вновь примерил френч, остался доволен и сказал ей: «Запомните, хозяйка, я не достоин носить даже одну эту пуговицу»[31].

Дискурс о Корпусе был представлен двумя сторонами: советской – официозом судебных процессов с заведомо известной риторикой обвинения и не менее идеологизированной позицией противника, представленной в первую очередь немецким военным историком Й.Хофманом. Обе стороны за военной формой корпусников видели не живых людей с их страхами и заботами, а оловянных солдатиков, озабоченных только политическими целями. В своей монографии «Немцы и калмыки. 1942-1945» Хофман стремился

---

[28] Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Росспэн. 2000; Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941-1942) // Свободная мысль. 1993. № 14.; Рошин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994.№ 8.

[29] Александров К.М. Указ соч. С. 8.

[30] Hoffmann J. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg, 1974. S. 143.

[31] Полевые материалы автора. Далее - ПМА. Анонимный информант. М., 2003.

доказать, что коллаборационизм части калмыков был следствием национальной политики государства и имел исключительно освободительную мотивацию. Как считает автор, дело было не столько в неблагонадежности некоторых народов, сколько в общем крахе национальной политики советского правительства[32].

Исследование Хофмана опиралось не только на архивные материалы, но и на воспоминания бывших корпусников. Пока они жили в Баварии в статусе ди-пи[33], они охотно сотрудничали с мюнхенским Институтом СССР, войдя в образ борцов за свободу и демократию. Однако, переехав в США и получив гражданский статус, они предпочитали свою военную биографию не вспоминать. В 1997-98 гг. я изучала калмыцкую общину в США и встречалась с теми, кто покинул Калмыкию в 1943 г. «Новые» эмигранты неохотно вспоминали военное время. Их рассказы о себе после подробного описания довоенной жизни сразу перескакивали на жизнь в лагерях для перемещенных лиц. Даже те, кто был готов к разговору, все-таки предпочитали при обсуждении военных событий 1942-45 гг. отвечать на поставленные вопросы, отказываясь от монолога, чтобы не наговорить лишнего. Такое нежелание ворошить прошлое – один из признаков сознания вины и раскаяния. Из моих собеседников только Д.Арбаков, последний в 1998 г. живой лидер-коллаборационист, открыто обсуждал историю Корпуса, оставаясь уверенным в своей исторической правоте.

Бывший начальник штаба ККК Д.Арбаков избежал репатриации, присоединился к калмыкам первой волны эмиграции и после нескольких лет жизни в ди-пи-лагере перебрался в США. Когда я беседовала с ним в 1998 г., ему было 85 лет. Соглашаясь на встречу, он наверняка считал, что «приехавшая из России женщина», как меня представляли, вряд ли отнесется к нему без предубеждения – слишком много

32 Hoffmann J. Op. cit. S. 167.
33 Displaced persons - перемещенные лица (англ.).

мифов сопровождало его имя. Арбаков поразил меня своей памятью. Все имена, должности, звания, даты, географические названия он знал назубок. По моему впечатлению, его логически выстроенная и снабженная необходимыми историческими данными речь – не только следствие долгих раздумий, но и результат, возможно, неоднократного ее воспроизведения, так сказать, официальная легенда. В приведенном ниже его нарративе не исключены искажения действительности; надо учитывать возможные ошибки памяти и другие личные причины.

> Началом конца убийства калмыцкого народа была инициатива, проявленная генерал-полковником Окой Городовиковым. В ноябре 1941 г. он подал прошение Сталину об организации двух калмыцких кавалерийских дивизий из калмыков республики. По М. Кичикову[34], в ноябре 1941 г. в рядах Красной Армии было 5 тыс. калмыков. По статистике 1939 г., в Калмыкии проживало 130 тыс. калмыков, из них 65 тыс. мужчин, среди них 40% детей, значит, взрослых мужчин было 40 тыс., включая стариков. Из них 5 тыс. уже служили в армии. Для одной дивизии надо было мобилизовать 10 тыс. мужчин, для двух – 20 тыс. Чем руководствовался О. Городовиков, предлагая это? Несмотря на это, ЦК ВКП(б) решил создать две дивизии. Обе дивизии должны были создаваться на свои собственные средства, получать на местах обмундирование, питание, транспорт, кавалерию. С декабря 1941 по январь 1942 г. собралось по одной тысяче человек. Средствами передвижения были волы и возилки. Абсолютно отсутствовал автомобильный транспорт, так как, по тому же М. Кичикову, республика отправила на фронт 700 автомашин. Новобранцы – пастухи и чабаны. Они не знали русского языка, не имели даже начального образования. Поэтому команды подавали на калмыцком языке, и то с большим трудом новобранцы исполняли приказы.
>
> К концу февраля 1942 г. было решено вместо двух создать одну дивизию. Я был призван в ряды этой 110-й дивизии и

[34] Кичиков М.Л. – автор монографии «Калмыкия в Великой Отечественной войне». Элиста. 1974.

командованием назначен писарем штаба дивизии. С марта до середины июля 1942 я прослужил старшим писарем штаба. В апреле 1942 г. численность 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии (ОККД) была 3,5 тыс. человек. 10 июня 1942 дивизия заняла оборону на Дону, около 50 кв. км.: Багаевская станица – на юге, Семеновская – на севере, Меликовская – на западе. В это время мы вели оборонительные бои против до зубов вооруженной дивизии СС: 20 тыс. бойцов, 500 танков и более 100 самолетов. Живые люди против железа. Мы были обречены на полную гибель. Наш тыл охранялся войсками НКВД, отступать нельзя было ни шагу. Кто осмеливался, тех убивали энкаведешники. Дивизия потеряла 1000 человек убитыми, 300 пленными, тысяча бойцов бежала домой, несмотря на НКВД, так как из дома писали, что семьи голодают и умирают.

Калмыцкий обком и СНК по распоряжению Москвы вынес постановление об угоне скота на восток, за Волгу, и об эвакуации зерновых продуктов. Люди голодали, пухли, писали своим сыновьям и мужьям о смерти детей от голода, просили их быстрее вернуться домой. Это было в июле. Мне кажется, что постановление о высылке калмыков в Сибирь было подготовлено Берией еще в июне. По непроверенным данным, в том числе по рассказам Виктора Бурлицкого (март 1954 г., Мюнхен), Берия доложил Политбюро, что калмыцкая дивизия сдалась немцам полностью... План создания двух дивизий – это трагедия. Советское правительство проявило великодержавный шовинизм с целью уничтожить народ и захватить территорию для соседних областей, которым были нужны пастбища. Поэтому и отправляли людей на фронт. В течение семи тяжелых боевых дней командование 51-й армии Южного фронта не оказало помощи ОККД ни одним танком, ни одним самолетом. Мы были обречены на гибель. Плюс выгон скота из республики, голод родителей никак не настраивал солдат вести героическую борьбу. Тысяча бойцов вернулась в республику. В июле-августе скот из Ставрополья, Краснодарского края, Ростовской области уже стали выгонять за Волгу. Вернувшиеся солдаты 110-й начали отбирать этот скот и кормить семьи. Там и тут возникли до ста различных группировок из 15-20 человек, которые отбирали скот соседних областей и кормили народ.

Советы их назвали бандитами. К приходу немцев уже существовали кавалерийские отряды – кормильцы народа.

Немецкая разведка хорошо работала. Немецкий аппарат был хорошо знаком с традициями калмыцкого народа. Главным образом они обрабатывали буддийских священников, чтобы те передавали местному населению, что немецкая армия, безусловно, победит коммунизм и калмыцкий народ приобретет свою свободу. Около двух дюжин наших священников стали проводниками немецкой пропаганды. Они убеждали население, что немецкая армия несомненно победит коммунизм, поэтому калмыки должны любыми средствами поддерживать оккупационную власть. Калмыки были измучены колхозно-совхозной системой, морально подавлены после разрушения буддийских храмов. Не немцы создали так называемый Калмыцкий корпус, а советская система логически создала этот Корпус. Поэтому обвинение Советской власти неточно. Измученный народ ждал внешнего врага, чтобы избавиться от этого тоталитарного режима. Эти военные вместе с местными жителями бежали в конце 1942 г. В обозе следовало около 10 тыс. человек. В январе 1943 г. на станции Дивное выпал большой снег, и людям было трудно двигаться на запад. Я ходил по обозам, уговаривая людей вернуться домой. Мы рекомендовали им вернуться домой: впереди неизвестный путь. Едва ли будет возможность кормить скот. Наконец в феврале 1943 г. мы собрались в станице Буденовка Таганрогского округа, на берегу Азовского моря, и там происходило так называемое формирование калмыцкой воинской части. Верховых кавалеристов было приблизительно 2 тыс., остальные – приблизительно 3 тыс. – беженцы. Сперва это соединение называлось Калмыцкое соединение, которым руководил доктор Долл[35], он же Рудольф Верба, судетский немец. Он отлично владел русским языком, был хорошо знаком с традициями калмыцкого народа, в том числе с буддизмом. Позже это соединение было переименовано в Калмыцкий кавалерийский корпус доктора Долла. Этот так называемый Корпус никакой военной силы не имел. Он состоял из около двух тыс. солдат в возрасте от 18 до 60 лет, остальные – женщины и дети. Наша служба заключалась в охране тыловых объектов: железнодорожных линий, мостов и военных складов. В течение

---

35 Так произносил Д.Арбаков, Doll читается Долль.

трех лет мы только три раза участвовали в так называемых боях. Первый раз – в Запорожской области против советских партизан, где участвовало около 300 наших солдат. Второй раз – летом 1944 г. в районе Люблина, где участвовало около 300 солдат против Советской армии, там д-р Долл пропал без вести. Третий раз – в бою за железнодорожный мост в районе Спаржиско Каменна, где мы потеряли 19 человек. Таким образом, так называемый Калмыцкий корпус – это раздутый советской разведкой миф. Мы ни в каких боях не участвовали.

Советская пресса обвинила нас в карательных действиях против местного населения в тех местах, где мы двигались на запад. Приводят астрономические цифры. Якобы отдельные военные этого Корпуса производили массовые убийства и отправку населения в Германию. Ни одно государство в мире не допустит, чтобы какие-либо военные, граждане чужого государства, учиняли разгромы и убийства местного населения, тем более, чтобы немецкое командование допустило степному калмыку господствовать над местным населением. Это сами служащие тайной разведки допускали эти зверства и кричали на нас – держи вора. Нам больно и обидно, что нас обвиняют в этих ложных преступлениях. Мы не имели никаких административных и военных прав командовать над местным населением. Везде и всюду местное население находилось под командованием военной немецкой комендатуры, они же насильно отправляли людей на работы в Германию.

Конечно, Ока Городовиков не виноват, но официально виноват он, потому что дивизии создавались по его инициативе. Он мог доложить Верховному совету, что нас мало и народ не может выставить две дивизии. К празднованию 500-летия “Джангара” с марта по июль 1940 г. Калмыцкая республика своими силами строила шоссейную дорогу Элиста – Дивное протяженностью почти в 100 км, и вся республика выставила своих рабочих и транспорт, техники не было никакой. Это тоже подорвало экономику республики. К осени 1940 г. половина урожая не была собрана, и скот остался без корма. Мало того, осенью 1941 калмыков направили на Дон, чтобы они приняли участие в строительстве оборонительной системы Дона. Это был напрасный труд, так как левый берег Дона – луговой, супесчано-глинистый. Сегодня вынешь песок, а назавтра – провалы. Взрослое население примерно три месяца продолжало

эти работы. Мало того, Москва силами калмыков решила построить новую стратегическую железную дорогу Кизляр – Астрахань, 150 км по калмыцкой территории. И опять население своими примитивными силами строило эту дорогу. Мало того, по государственным поставкам забирали кожу, мясо, шерсть. Зная это, Ока Городовиков не должен был выдвигать идею организации двух калмыцких дивизий. Теперь нам ясно, что это была великодержавная политика Советского правительства. Но это стало понятно только после трагедии 1943 г.

Тогда, в 1942 г., многие думали, что немцы войну выиграли, и многие эмигранты собирались ехать на родину. Кое-кто из Комитета[36] посетил Элисту в 1942 г.: Шамба Балинов, Санджи Балданов. Они приезжали для того чтобы калмыки поддержали немцев. Им удалось созвать представителей тех улусов, которые были оккупированы. По рассказам людей, целью поездки было желание Балинова стать президентом калмыцкой независимой республики. Он не встретил поддержки на месте, где были свои желающие занять власть, но при известном расположении фашистов он вполне мог быть назначен из Берлина. Мы ждали встречи с Ш.Балиновым, но Цуглинов, староста Элисты с калмыцкой стороны, отказал им в организации такой официальной встречи… Это была борьба за власть.

Позже, в 1943 г., когда уже был сформирован Корпус, Долл объявил Цуглинова походным президентом республики. Таким образом, будучи новоиспеченным президентом республики, он не признавал какой-либо другой организации, которая защищала бы калмыцкий народ, в том числе и Калмыцкий комитет в Берлине. С согласия Долла он дал распоряжение по Корпусу о том, что если каким-нибудь образом представители Комитета в Берлине появятся в месте их дислокации, их немедленно арестовывать.

В ноябре 1944 г. генерал-лейтенант А.А.Власов в Праге создал Комитет освобождения народов России. 14 ноября был опубликован манифест и объявлено об организации Русской освободительной Армии (РОА). К сожалению, меня не пустили на совещание, в штабе Южного фронта в Кракове мне заявили,

---

[36] Калмыцкий национальный комитет состоял при Восточном министерстве в 1942-1945, его главой был Ш.Балинов.

что немецкий военнослужащий на политические акции не допускается.

В январе 1945 растрепанные остатки корпуса прибыли в Германию и были размещены в лагере для военнопленных в местечке Нойхаммер. Оружие и лошадей отобрали, стариков, женщин и детей с помощью Комитета отправили в Баварию, а остальных военнослужащих направили в Югославию в состав 15-го Казачьего корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Гельмут фон Панвиц. Их было от 2,5 до 3 тысяч человек. Казачий корпус находился в Хорватии, из калмыков был сформирован 606-й пехотный полк, которым командовал немецкий ротмистр. 29 марта 1945 г. казаки Корпуса решили войти в состав РОА под командованием А.А.Власова. Переговоры о переходе 15-го Казачьего корпуса в состав РОА вел генерал-майор Иван Кононов, бывший командир советского казачьего полка, полностью перешедшего на сторону немцев. В начале апреля 1945 г. я и 26 бывших офицеров Калмыцкого корпуса прибыли в штаб Южного фронта, находящийся в Загребе. Нам заявили, что отныне Казачий корпус находится под командованием РОА и нас отправляют в штаб РОА. В то время 606-й калмыцкий пехотный полк находился в местечке Furthermore Пополачи, в 70-и км восточнее Загреба. В это время казачий корпус участвовал в боях против наступающих советских войск, полк попал в плен к Тито и был передан в руки советской власти. Спаслись немногие. Может, 15-20 человек только.

В последний день я решил собрать всех офицеров и произнести прощальную речь. Присутствовали 42 человека, были только доверенные люди. Я заявил, что немцы при наступлении советских войск нас направят на передовые позиции, что означает неминуемую гибель. Поэтому группам по 10-12 человек с вьючной лошадью по горным тропам надо двигаться на запад, чтобы попасть в плен к западным союзникам. Если же немецкий персонал будет вас направлять на фронт, то свяжите их в мешок, привяжите камень и опускайте в горные речки. Таким способом вы можете остаться в живых.

Никто не предполагал, что кто-либо из наших передаст мои слова немецкому командованию. На рассвете я был арестован и отправлен в Загреб, где в течение трех суток немцы всячески добивались моего признания… За отсутствием

> доказательств я был выпущен на свободу. Мучения были невероятные, хуже чем в НКВД. Били пистолетом по зубам. В сентябре 1945 г. я был арестован американскими войсками за сотрудничество с немцами[37].

В 1963 г., когда, казалось бы, война, депортация и лагеря были в прошлом, в советской прессе началась активная кампания, разоблачавшая деяния Калмыцкого корпуса. Судебные процессы в Калмыкии не были исключением, подобные акции шли по всей стране и были реакцией на постановление о том, что военные преступления не имеют срока давности. В то же время они хронологически совпали с ростом национального самосознания после возвращения наказанных народов и воспринимались крайне болезненно. Процесс реабилитации калмыков шел активно: была восстановлена государственность, в республике воссоздавались наука, образование, театр, печать. Поверившие хрущевской оттепели калмыки ждали полной территориальной реабилитации, то есть возвращения двух экономически сильных районов, оставшихся в составе Астраханской области, и воссоздания Калмыцкого района в составе Ростовской области. Для того, чтобы пресечь территориальные требования, было достаточно напомнить о вине перед государством. К тому же это был бы и хороший урок для остальных «провинившихся» народов.

Кампания началась с публикации в самой читаемой газете «Советская Калмыкия» статьи «Следы ведут на запад». В ней использовались почти все идеологические штампы военных лет: банда убийц, карателей и вешателей, гитлеровские наймиты, чудовищные зверства, кровавый маршрут палачей. О составе Корпуса говорилось: «притаившиеся до поры до времени враги Советской власти, бывшие богатеи, уголовники, морально разложившиеся люди»[38]. В местных откликах на эту

---

[37] Здесь приводится сокращенный вариант. Полностью см.: Гучинова Э.-Б. Улица… С.76-83.

[38] СК. 1963. 7 декабря.

статью выражались гнев и ненависть к отщепенцам и фашистским холуям. Авторы – калмыки дистанцировались от бывших корпусников идеологически и этнически. Вот отрывок из статьи «Им нет пощады», помещенной под рубрикой «Убийц и предателей родины – к ответу!»:

> Их было, конечно, немного. Это были люди, давно потерявшие стыд и совесть, жившие шкурными интересами, с ненавистью в душе смотревшие, как наш народ под руководством партии Ленина активно участвует в строительстве новой жизни. Те из этих палачей, кто успел удрать на Запад, нашли сейчас новых хозяев и верно служат им, усердно участвуя в работе антисоветских организаций, выдавая себя за «представителей» калмыцкого народа. Но они никого не обманут. Ничто не связывает их с нашим народом, который проклял их еще двадцать лет назад[39].

В 1966 - 1974 гг. прошли семь судебных процессов над бывшими на командирских должностях корпусниками, которые были репатриированы, осуждены и к тому времени еще отсиживали в лагерях свои сроки или недавно освободились. Если первое наказание было вынесено за закрытыми дверями и обнародованию не подлежало, то процесс 1968 г. был публичным. Он еще только начался, а газеты уже знали, что к чему, и ни в чем не сомневались. Как писала СК, следствием установлено, что в августе 1942 г. из бандитов, националистов, реакционно настроенных авторитетов буддийского духовенства, дезертиров, конокрадов и другого уголовного и антисоветского элемента германскими разведывательными органами было создано карательное формирование, которое в начале 1943 г. стало преднамеренно выдаваться немцами за национальное соединение под названием «Калмыцкий кавалерийский корпус». ККК в газете представал как банда

[39] Им нет пощады. СК. 1963.18 декабря.

разбойников и головорезов, управлявшаяся отдельными озверелыми садистами[40].

Кто же был арестован и привлечен к уголовной ответственности? Это С.А.Коноков, бывший кадровый офицер Красной Армии, Ш.Б.Мукубенов, бывший народный судья Яшкульского р-на, Б.И.Хаджигоров, бывший замминистра здравоохранения республики, С.А. Немгуров, до войны работавший в органах милиции. Как показало следствие, Коноков летом 1942 г. дезертировал из 110-й ОККД и поступил в Корпус в декабре того же года. Остальные трое попали в плен и оказались в Корпусе, уже имея опыт службы в других частях на службе вермахта: Мукубенов через отряд Огдонова, Хаджигоров через Туркестанский легион, Немгуров через 1-й Донской казачий полк.

Репортеры, освещавшие процесс, не задавались вопросом или не могли писать о том, как же подсудимые принимали решение перейти на другую сторону.

> Почти полтора дня рассказывал Хаджигоров о том, как сдавался в плен немцам, изменил родине, как оказался в «Туркестанском легионе»... и наконец перешел на службу в «корпус». Суд терпеливо выслушивал и этого убийцу. Прикидываясь невинной овечкой, он вспоминает, что его на каждом шагу раздирали «сомнения» и что он даже «искал» случая бросить банду убийц и встать в ряды защитников Родины[41].

Этот судебный процесс своей заданной тональностью обсуждения и привлечением детей подсудимых, которых вынуждали так или иначе публично отрекаться от отцов, очень напоминал политические процессы 1930-х. Вот, например, обвинительное письмо в редакцию, вряд ли написанное по доброй воле человеком, переживающим семейную трагедию:

---

[40] Преступников – к суровому ответу. СК.1968. 5 января.

[41] Клубок преступлений распутывается. СК. 1968. 18 января.

Хаджигоров, сидящий сейчас на скамье подсудимых, лишь формально является моим отцом, а я – его дочерью. Этот человек никогда не был настоящим отцом и порядочным семьянином. Он не только расстреливал и убивал мирных, невинных людей, но и искалечил жизнь моей матери, женщины, родившей от него четверых детей. Я самая старшая в семье и поэтому познала и пережила вместе с моей мамой все ее горе и весь позор так называемого отца.

В 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось 8 лет. Я уже тогда чувствовала, что в семье творится что-то неладное, часто видела, как мать плачет. Впоследствии узнала, что отец еще до войны пил, гулял, изменял маме, издевался над ней, стараясь превратить в домашнюю рабыню. А бедная мать все надеялась, что он образумится, со временем станет хорошим мужем, любящим отцом. Он же совершал одну подлость за другой...

Мне стоило огромного напряжения высидеть в зале суда, слушая из его уст, из уст потерпевших и подсудимых о тех злодеяниях и преступлениях, которые Хаджигоров, человек, именующий себя моим отцом, совершил в годы Отечественной войны, будучи на позорной службе у фашистов. Он и сейчас пытается лгать, изворачиваться. Следовало бы вам, Хаджигоров, хоть один раз быть мужчиной, чистосердечно признать свою вину перед Родиной, рассказать людям, советскому суду всю правду о себе и своих преступлениях в период Отечественной войны.

Я давно отреклась от такого отца. Отцом была для нашей семьи Советская власть, и мы гордимся этим. Наша любимая мама не щадила здоровья, своей жизни, молодости, чтобы вырастить нас настоящими советскими людьми. В этом ей помогала Советская власть, советские люди, но не Хаджигоров.

Я требую от своего имени, от имени своей семьи, сестры, ее семьи, от имени сотен безвинно замученных людей, погибших от рук палача, от имени всего калмыцкого народа вынести изменнику Родины Хаджигорову самый справедливый приговор – высшую меру наказания[42].

---

[42] Правда о моем отце. СК. 1968. 20 января.

В ходе слушаний состоялась выездная сессия Верховного Суда Калмыцкой АССР в Кривом Роге, потому что там когда-то дислоцировался ККК и многие свидетели его преступлений были живы. Они рассказали жестокие подробности:

> Палачи не просто без суда и следствия расстреливали свои жертвы, а перед этим глумились над ними. В селе Журавино почти у всех погибших на шеях были затянуты ремни или веревки, разбиты головы, отрезаны уши и вырваны языки, а у учительницы Мельнич отрезаны груди[43].

Читать о таких зверствах жителям республики в 1968 г. было жутко. Не так давно калмыков вернули из мест выселения; кто знает, может, за такими вновь открывшимися делами снова последует наказание всему народу? Сотрудники КГБ и прокуратуры, принимавшие участие в следствии и присутствовавшие на заседаниях, и ныне отказываются говорить на эту тему. Меня поразил аргумент «мне было неинтересно», который я слышала от нескольких офицеров. Как же могло быть им неинтересно? Но, видимо, подробности зверств, учиненных корпусниками, были столь ужасающими, что в совокупности с общей этнической идентификацией, не пускали в сознание калмыков – офицеров КГБ информацию о ККК, которая должна была быть логически выстроена по их профессиональным канонам с последующим возмездием по закону. Но где страх, там и смех. Рассказывают, что когда у одного свидетеля спросили на судебном процессе в Кривом Роге: «Вы узнаете палачей?», этот житель Украины уверенно сказал: «Да» и указал рукой на группу калмыцких судей и сотрудников прокуратуры, которые были приблизительно такого же возраста, что и подсудимые, но в годы войны. В этой анекдотической истории, рассказанной юристами, кроется сомнение в подлинности всех свидетельских показаний. Если

---

[43] Суд продолжается. СК. 1968.17 февраля.

для украинцев все калмыки были на одно лицо, то и события двадцатипятилетней давности могли быть в памяти искажены.

Открытый судебный процесс 1968 г. проходил в самой большой аудитории Элисты – в здании Калмыцкого государственного театра. Все общественные обвинители: ветеран войны и персональный пенсионер, знатный животновод и писатель – требовали высшей меры наказания. То же самое писали многочисленные читатели «Советской Калмыкии». Характерная для калмыков терпимость была забыта начисто, как и буддийские нравственные основы. Люди опасались, что процесс над корпусниками превратится в процесс над калмыцким народом. Поэтому подсудимых рассматривали как искупительную жертву: чтобы спасти народ и его честное имя, надо было пожертвовать этими четырьмя стариками, которые, очевидно, так или иначе были виноваты. Сами по себе, как личности они уже никого не интересовали, став козлами отпущения. Все подсудимые до этого уже отсидели свои «срока», но были наказаны вновь и получили высшую меру наказания. Заповедь римского права «не дважды за одно и то же» была забыта. В воздухе висел вопрос: «Снова в Сибирь?». С тех пор еще долго калмыки не будут вспоминать ни историю Корпуса, ни судебные процессы.

Многие выступления на процессе 1968 г. транслировались по радио в прямой передаче. Жители республики стали ассоциировать калмыков с военным коллаборационизмом. Участились массовые драки между молодыми людьми калмыцкого и русского происхождения. Чтобы снизить степень межэтнической напряженности, на предприятиях Элисты выступали специально подготовленные лекторы из КГБ, разъяснявшие людям разницу между Корпусом и народом. Один из семи процессов был организован так, что на скамье подсудимых оказались коллаборанты славянского происхождения, служившие полицаями на территории Калмыкии. Этих людей, как я поняла, специально разыскивали

сотрудники КГБ калмыцкого происхождения, чтобы показать, что коллаборационизм – явление интернациональное и не одних калмыков можно обвинять в этом.

Последний процесс состоялся в 1983 г., когда судили корпусника Лукьянова, к тому времени гражданина Бельгии, приехавшего с туристической целью в СССР. Спустя сорок лет на суде в Элисте его опознал свидетель военных преступлений на Украине. Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа приговорил 79-летнего подсудимого к смертной казни – расстрелу[44].

Обвинение народу, подкрепленное громкими судебными процессами, оставило несмываемое «пятно на репутации» калмыков. Упрек в пособничестве оккупантам держат наготове и молодые российские расисты. В соперничестве футбольных фанатов элистинской команды «Уралан» и астраханской команды «Волгарь» последние нашли и исторические причины. Это давало право астраханцам нападать и избивать калмыцких болельщиков, поскольку:

> Взаимоотношения калмыков и жителей Астраханской области испорчены уже давным-давно. Еще во время войны 1941-1945 гг. при обороне села Хулхута имели место факты наглого перехода калмыков на сторону фашистов и оказывание гитлеровцам нехилого приема в процессе захвата калмыцких селений[45].

Однако память актуализируется в связи с современными проблемами. Не случайно внуки военного поколения стали припоминать эти факты истории. Они всплыли как реакция на вопрос о невозвращенных областях Астраханской области – чтобы оградиться от территориальных притязаний, легче всего вспомнить аргументы эпохи сталинизма.

---

[44] Не уйти от возмездия. СР. 1983.

[45] См.: http://volga-poachers.boom.ru/Action/Kalmik2.htm Последний раз проверялась 26 октября 2004.

> К тому же, калмыки шалили и в мирное время. Не секрет, что до определенного времени Лиманский район был частью Калмыкии, но потом был присоединен к нам. Калмыки же, добиваясь возврата территорий, частенько похаживали в «гости» к астраханцам в Лиманский район и занимались… их вырезанием (в удачном случае порезанием)[46].

Обличительные публикации о Корпусе, написанные в этом же стиле, появлялись в центральной прессе в периоды, когда обсуждались Указ о реабилитации репрессированных народов, а также льготы и компенсации, которые могли бы быть выделены государством в связи с этим указом. Так, в 1991 г. в «Советской России» вышла большая статья почетного чекиста СССР Тарасова «Большая игра. Стреноженные эскадроны»[47]. Автор повествует, как была сорвана операция по высадке воздушного десанта из 36 калмыцких эскадронов, которые должны были поднять восстание в советском тылу. Статья вызвала отклик калмыцких журналистов. М.Конеев парирует удар:

> Что же меня заставило взяться за перо? Признаюсь, обидно читать такое. После того как принят закон о репрессированных народах, перед съездом представителей этих народов появилась для вящей убедительности статья, написанная чекистом. Мне думается, что не просто так написана «Большая игра» и не просто так начинается со стреноженных эскадронов. Нам, калмыкам, «документальным», сухим выдержанным языком указывают на якобы позорное прошлое, где-то подвергая сомнению священный для калмыков закон о репрессированных народах. Газета раскрывает глаза нашим соседям, особенно астраханцам, с которыми возникают территориальные споры… Примут ли на веру люди в России, что так крупномасштабна была операция по высадке целого корпуса калмыков в калмыцкие степи? Могут. Верили ведь в начале незлобивые сибиряки, что едут переселенцы с кинжалами у пояса, любители полакомиться

46 Там же.

47 Тарасов В. Большая игра. Стреноженные эскадроны. СР. 1991. 29 июня.

> человечиной... Как знать. Может, на этот раз иной читатель хмыкнет: надо же, 36 эскадронов хотели открыть германский фронт в нашем тылу. Оно-то ясно, калмыков же выселяли не просто так[48].

Массовый коллаборационизм советских людей Р.Конквест расценил как плебисцит[49]. Однако, по справедливому замечанию П.Поляна, результаты плебисцита всегда зависят от конкретных условий его проведения. Можно ли рассматривать второй исход как результат раскола в калмыцком обществе? Следствием раскола был самый массовый исход калмыков из России в 1771 г.[50] и первый исход в XX в. в гражданскую войну. В 1920 г. часть народа ушла, бежав навстречу неизвестности. Который раз в истории народа именно в движении, в миграции виделся спасительный выход. Это была откочевка от старых бед навстречу новым. Исход 1943 г., будучи ситуативным и стихийным, оказался результатом раскола в обществе, когда часть населения была поставлена в такие условия, что оставаться означало погибнуть.

Первая волна эмиграции способствовала возникновению второй волны. Во-первых, среди лидеров Калмыцкого корпуса были бывшие реэмигранты, уже имевшие представление об уровне и качестве жизни в Европе, во-вторых, активному сотрудничеству с оккупантами также способствовала деятельность Калмыцкого национального комитета, созданного эмигрантами первой волны. Наконец, в Корпусе оказались многие родственники эмигрантов первой волны, которых притесняли за родство с классовым врагом.

Как же относиться к людям второй волны эмиграции? Уместны ли оценочные термины при освещении

---

[48] Конеев М. Стреноженная правда в «Большой игре». КК. 1991.19 июня.

[49] Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London. 1970. P. 188.

[50] В 1771 г. из России в Джунгарию откочевало 33 тыс. кибиток (2/3 населения) во главе с Убуши ханом.

малоизученного периода? Не было ли это «предательство» вынужденным ответом на действия военного руководства, отказавшего в приказе № 260 от 17 августа 1941 г. своим воинам в праве на жизнь, не подписавшего Женевскую конвенцию о военнопленных, из-за чего из 5,7 млн. советских военнопленных за годы войны погибли в плену из-за голода и болезней 3,3 миллиона[51]? Значительная часть калмыцких коллаборантов была завербована в остлегионы из лагерей для военнопленных. Вначале военнопленным калмыкам предлагалось идти на службу в северокавказские легионы, с 1943 г. – в 1-й и 2-й туркестанские легионы, откуда ими доукомлектовывали Корпус[52]. Успех таких вербовок, по выражению П.Поляна, «зависел только от одного фактора – от уровня ада, который в данном лагере существовал». Наиболее вероятной альтернативой коллаборационизму для советского военнопленного была смерть. О том, насколько бесчеловечными были условия в лагерях для военнопленных, говорят неоднократно зафиксированные факты каннибализма[53].

Среди корпусников были военнопленные, которые понимали, что путь к своим, в Красную Армию, у них один – через службу в Корпусе. Эти люди стали перебежчиками из ККК, а позднее – героями французского Сопротивления или партизанского движения в Югославии.

В наши дни, когда ценность человеческой жизни в России существенно выросла по сравнению с описываемым периодом, вправе ли мы идти на поводу у старых клише? Является ли измена воинской присяге безусловно тяжким преступлением, относящимся к категории неоправдываемого? Но армия и государство не обеспечили безопасность семей фронтовиков в тылу, не поддержали солдат подкреплением, оружием, едой.

---

[51] Полян П. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, уничтожение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: Росспэн. 2002. С.130.

[52] Архив УФСБ по РК. Ф. 9. Оп. 52. Д. 8.Т. 3. Л. 13.

[53] Полян П. Жертвы двух диктатур. С. 228.

Можно ли абсолютизировать факт присяги в таких обстоятельствах? Или же коллаборационизм – всегда судьба проигравших войну?

Действительно, измена своему государству – явление, сплошь и рядом встречающееся в истории. А почему, собственно, надо быть ему верным? Если человек живет в стране, руководство которой проводит в жизнь чуждую ему идеологию, если он несвободен в своей стране, о какой лояльности можно говорить? О лояльности заключенного начальнику тюрьмы? Ведь не случайно в СССР возникли термины: «малая зона» (лагерь) и «большая зона» (вся страна)[54]. Должен ли был любой проживавший на территории Третьего рейха оставаться верным своему государству, включая цыган, евреев и гомосексуалистов? Этот вопрос нуждается в изучении[55].

Если вопросы вербовок рассматривать, отстраняясь от идеологических оценок, на базе личностно-ориентированного подхода, то «существуют достаточно признанные положения эволюционной теории, что индивид должен рассчитывать свое поведение и при возможности максимизировать свой собственный интерес во имя социального преуспевания и даже выживания. Поэтому пренебрежение собственным интересом есть отклонение от стандартной нормы, которое происходит в результате определенных когнитивных провалов личности, ошибки в расчетах»[56]. Таким образом, миллион военнопленных, выбравших вместо голодной смерти службу в остлегионах, следовали правилам видового поведения человека.

---

[54] Шаповалова В. Женские лагерные мемуары: лагерь как образ жизни // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и гендерная история. Под ред. Н.Л.Пушкаревой. М.: Росспэн, 2003. С. 466.

[55] Чубарьян А.О. Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война: актуальные проблемы. К 50-летию победы. М.:Наука. 1995. С.12.

[56] Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.:Наука. 2003. С.119.

Человеческая природа такова, что стремление выжить нередко оказывается сильнее идей, как природа часто сильнее культуры. Тяжкое испытание войной ставит перед каждым человеком вечный вопрос: быть или не быть, и чаще всего человек должен искать ответ на него самостоятельно. А подсказок нет, если только это не нажитый опыт. В мирных условиях человеку помогает найти выход традиция, которая сохраняет коллективный опыт. Но XX век, с его мировыми войнами и революциями, нарушил весь миропорядок. В это тяжелое время культурные приобретения отказывали, и редко кому удавалось превозмочь инстинкт выживания. А впоследствии стремление к жизни формулировалось в тех же терминах, что и сама необходимость воевать: ради семьи, ради жены и детей, ради самой жизни.

В оценках второй волны эмиграции нередко всплывает вопрос о присяге. Многие мужчины полагают, что, если коллаборационисты ранее не давали военную присягу, то «еще ничего», а если кто-то дал присягу и нарушил, он совершил преступление. Для многих людей в прошлом и в настоящем присяга имеет особое, символическое значение. Вопрос о ней волновал и других военных – «коллаборационистов наоборот», немецких генералов, попавших в плен Красной Армии и решивших бороться против Гитлера за освобождение Германии от нацизма, более удачливых «немецких Власовых». Эти пятьдесят пленных генералов вермахта организовали комитет «Свободная Германия», который в годы войны вел идеологическую диверсионную работу среди солдат армии, которой они изменили. Свое обращение от 15 декабря 1944 г. они начинают с объяснения того же морально сложного вопроса:

> Вначале пришлось преодолеть много предрассудков, связанных с ошибочным представлением о солдатских присягах. Закон соблюдения присяги и беспрекословного выполнения долга – все это нельзя было просто отбросить… С 1933 г. в Германии

> совершенно отсутствует право свободно высказывать свои убеждения. Немецкие офицеры и солдаты, попав в русский плен, вновь обрели это право. Провозглашение борьбы против Гитлера и против нынешнего немецкого государственного руководства является определенным и сознательным нарушением присяги, принесенной в свое время Адольфу Гитлеру, но по существу присяга относилась к народу и нации[57].

Как убедительно доказала Ханна Арендт, у обоих режимов – коммунизма и нацизма была одна бесчеловечная тоталитарная природа. Оба режима остались в истории как антинародные, разнящиеся тем, что нацисты уничтожали других, используя риторику превосходства одной расы над другими, а коммунисты уничтожали своих противников в стране, используя риторику превосходства одного класса-гегемона. Если нацисты отличались отлаженным механизмом изуверского государственного истребления людей в концлагерях, то и Советы уничтожали социальные группы и классы, репрессировали многие народы, – в целом в СССР было истреблено и репрессировано значительно больше людей, чем в нацистской Германии.

Итак, люди уходили в 1943 г. на Запад, чтобы выжить, потому что боялись. Эти страхи были связаны в первую очередь с тем, что многие не смогли эвакуироваться и остались на оккупированной территории, что само по себе было наказуемо. Другие страхи относились к Красной Армии, в которой, по слухам, были «китайские части», безжалостные ко всем, но к калмыкам особенно, ведь в мифологическом сознании всех монголов в китайцах сосредоточено мировое зло. Боялись, что в Красную Армию наверняка бы забрали всех парней, а возможно и девушек, потому что парней не хватало, и говорили, что девушек тоже мобилизуют. Последним к тому же надо было опасаться возможных надругательств. Другие страхи были связаны с советской властью, которая не простила

---

[57] ГАРФ. Ф. ГЧК. Оп.148. № 248. Л. 65-70.

бы не только сам факт нахождения на оккупированной территории, но и не простила бы всех родственников дезертиров из 110-й ОККД, всех участников «эскадронов самозащиты», всех, кто был вынужден так или иначе сотрудничать с оккупантами. А границы родства у калмыков практически безразмерные. Люди бежали из-за страха перед своим государством, механику террора которого они уже видели в 1930-е гг. Многие беженцы, если не подавляющее большинство, не сознавали своих целей, кроме желания выжить в тот год, в тот месяц.

Имели значение и этнодемографические параметры. Законодательно признанный многими странами долг беречь малые народы распространялся в СССР в основном на малочисленные народы Севера. Калмыки, численность которых по переписи 1939 г. составляла 123 тыс. чел., подлежали плановой мобилизации как и другие, более многочисленные народы, а также должны были дополнительно формировать добровольные соединения. Достаточно было одного некрупного сражения, чтобы истребить всех мужчин репродуктивного возраста. Людские потери были ощутимыми. Старшие стремились спасти молодежь, и это тоже влияло на ее поведение. Без одобрения старших столько молодежи в корпус не ушло бы. То был конец 1942 г., когда многие семьи уже получили похоронки, а в армию призывали 17-летних[58].

Надо отметить, что опасность войны для малых народов была очевидна и тогда. Известна реакция генерала Власова на слова Ш.Балинова о готовности калмыков участвовать в «общей антикоммунической борьбе народов» против России. Его решение было следующим: «Мы постараемся в предстоящей нам общей борьбе беречь живую силу таких

[58] Приказ по Военному комиссариату Калмыцкой АССР от 12.10.1942. // В боях за Северный Кавказ. Воспоминания воинов 110-й ОККД. Элиста: ККИ. 1973. С.112.

малых народов, чтобы было кому на свободной родине наладить жизнь своего народа»[59].

Замалчивание темы военнопленных и остарбайтеров в исторической науке в годы застоя прорвала русская проза[60]. Так было и в калмыцкой литературе. В 1978 г. вышла повесть А.Бадмаева «Белый курган», среди ее персонажей есть коллаборанты, попавшие в плен и завербованные в восточные легионы. Автор оценивает сотрудничавших с оккупантами людей с позиций традиционной калмыцкой этики. Неважно, какой мундир носит герой, вот что важно: родственник это или нет, добрый это или злой человек, готов ли он входить в положение других людей и помогать или нет.

Приблизительно так и оценивают судьбы корпусников в современной Калмыкии. Действия Корпуса как формирования осуждаются, а про судьбы конкретных людей мало что известно, разве что про родственников. А разве родственники могут быть плохими? Они по определению такие, как мы, только попали в неблагоприятные обстоятельства, им не повезло. Репатриированные корпусники скрывали от детей этот период своей биографии. Бывало, что их взрослые дети приходили в военкоматы с жалобой, что забыт и не получает соответствующих льгот их отец – участник войны. Как-то в интервью женщина рассказывала, что ее отец был угнан в Германию в 1943-м, но вдруг упомянула, что отец спас еврейскую семью: зная, что утром их ждет расстрел, он их ночью освободил. Такую возможность мог иметь только военнослужащий Корпуса. Как будто какому-то человеку удалось скрыть свою службу в вермахте, но, выпив, он начинал рассказывать военные байки и на вопрос: «Какие же «наши» самолеты так красиво планировали – Илы или МиГи?», – он гордо отвечал: «Нет, Юнкерсы!»[61].

---

[59] Кромиади К. За землю, за волю. На путях русской освободительной борьбы. Сан-Франциско. 1980. С. 176

[60] Полян П. Жертвы двух диктатур. С.17.

[61] ПМА. Анонимный информант. Элиста. 2003.

До настоящего времени сохранились разные мифы, связанные с корпусниками. Иногда в них моделируется более благополучная судьба Корпуса. Например, есть сюжет о счастливом спасении корпусника: будто бы человек не остался на чужбине, как преступник (тогда считалось, что на западе остались те, кто был карателем), но и избежал репатриации. Он в той же (немецкой) форме и с оружием пешком дошел до родных мест и жил сам по себе вольным охотником. Даже когда калмыки вернулись из Сибири, он продолжал жить отшельником вне населенных пунктов. Но когда у него кончались «промышленные товары», он приходил в сельский магазин средь бела дня с неразлучной винтовкой и спокойно покупал все, что нужно. Даже после денежной реформы у него были купюры нового образца, что означало тайную поддержку населения; так было до 1980-х гг., когда он умер. Органы НКВД будто бы знали о нем и знали также, какой он меткий стрелок, поэтому облавы, которые они устраивали, были формальными, чтобы дать ему уйти[62].

Принадлежность людей к Корпусу было непросто скрыть (никто не забыт, ничто не забыто). Как мне рассказывал бывший сотрудник КГБ, в 1970-е гг. пришло по разнарядке звание Героя социалистического труда для женщины-калмычки. Одна за другой были рассмотрены три кандидатуры, но все отклонены из-за того, что кто-либо из родственников каждой кандидатки был связан с Корпусом или был в оккупации. В итоге было решено присвоить это звание женщине славянского происхождения, которую, как было сказано, «и проверять не надо»[63].

Многие жители республики знают или слышали что-нибудь о корпуснике из их родного селения. Отношение к таким людям было сложным. О них упоминали как о чужих калмыках, «не наших».

---

62 ПМА. Горяев М.С. Элиста. 2003.

63 ПМА. Анонимный информант. Элиста. 2003.

> И в оккупации были. Фашисты последнее отбирали, да мы и сами готовы были последнее отдать, лишь бы не приставали. Ничего, яйца возьмут и уедут. Однажды остановился у нас эскадрон. Одни калмыки, а во главе их немец. Чужие калмыки, не наши. Людей они не тронули, но забрали с собой нашего лучшего скакуна. Хороший был скакун, до войны выставляли мы его на скачках от всего села. Холили его, берегли. От немцев бы уберегли, а от калмыков этих немецких разве убережешь[64].

В народном сознании они остались людьми умными, сильными, храбрыми, неординарными и в то же время зловещими фигурами, которые имели отягощающий жизненный опыт, знали, что такое убивать людей. Эти люди достойно перенесли наказание родины, многие отсидели 25 лет. Например, в поселке Х с осторожным уважением относились к старику по имени Замг Баджигаев, имевшему в вермахте чин обер-лейтенанта. Не забыли, что во время оккупации он иногда миловал земляков, хотя и расстреливал других, но хорошее (спасение) помнилось дольше. По слухам, вместе с другим корпусником они в военные годы спасли известного в республике буддийского священнослужителя Намку Кичикова, который не забыл об этом и всю жизнь считал себя им обязанным. Односельчане воспринимали их как особенных людей, живущих по другим законам, не так, как остальные. Например, тот же Баджигаев после освобождения из заключения нигде не работал, но жил хорошо, ездил на «Жигулях», даже на ферме ходил в костюме-тройке, а когда умер, оставил дочерям по 25 тыс. руб.[65].

По другой легенде, в 1942 г. д-р Долль упал с лошади, и знаток тибетской медицины Бюрчиев вылечил его. В благодарность Долль предлагал Бюрчиеву возглавить духовную академию, но врач отказался. Люди запомнили слова

---

64 Шел третий год войны…Рассказ старой калмычки // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы. В 3 т. Под ред. С.Алиевой. М. 1993. С.47.

65 ПМА. Анонимный информант. Москва. 2003.

Бюрчиева о том, что «рыжая собака как пришла, так и уйдет», то есть оккупация будет временной[66].

Самый актуальный вопрос истории Корпуса – это его личный состав: кто и сколько. То, что Корпус вобрал в себя отряды «самообороны», т. е. дезертиров, прятавшихся в камышах, дало основания некоторым называть всех корпусников «камышатниками», намекая, что значительная часть Корпуса была представлена торгутами, и таким образом создавая миф о конфликте внутри разных этнотерриториальных групп калмыцкого народа – о «войне улусов»[67], тем самым провоцируя новый конфликт. Как показал И.Хофман и как свидетельствуют сотрудники ФСБ, имеющие список корпусников не только «поименно, но и поулусно, и похотонно»[68], состав Корпуса репрезентативно отражал этнический состав народа[69].

В архиве УФСБ по РК хранится список личного состава Корпуса, в котором будто указаны 3254 человека, служивших с оружием в руках. Кроме того, при нем находилась так называемая цивильная группа, насчитывавшая 800 чел. Эти люди должны были стирать, чинить и шить одежду и обувь, кормить и ухаживать за животными. За передачу этого списка в НКВД внедренный агент Э.Батаев будто бы получил орден Боевого Красного Знамени. Он четырежды переходил линию фронта, в последний раз командование вынуждено было ему сообщить, что его семья погибла во время депортации. К этому времени он был повязан кровью, как офицера его заставили при свидетелях расстреливать мирных жителей, что делало путь назад невозможным. Потеряв связника, он перестал выполнять свои обязанности. Был репатриирован, получил 25 лет каторги, из них отсидел 23 года[70].

---

66 ПМА. Пюрвеев Д Б. Москва. 2003.

67 Серенко А. Война улусов. НГ. 1999. 26 января.

68 Хотон – небольшое поселение, улус – в данном случае район.

69 ПМА. Анонимный информант. Элиста. 2003.

70 ПМА. Убушаев В.Б. Элиста. 2003.

Мои элистинские коллеги считают, что эти почти четыре тысячи человек и есть самый полный личный состав ККК. Для них, как и для многих жителей республики, важно, чтобы количество корпусников не было «значительным». Не мотивы коллаборационизма, а количество коллаборантов продолжает оставаться главным вопросом для старшего поколения. Поэтому мне советовали называть Корпус не иначе как «так называемым Корпусом». На мое возражение, что они сами себя так называли, мне отвечали, что армейский корпус – это три дивизии числом в 30 тыс. и кто-нибудь обязательно поймет превратно и будет неблагоприятным для калмыков образом использовать в литературе. «Помни, что ты калмычка, народ тебя проклянет, если ты напишешь неправду», – предостерегал меня профессор КГУ В.Б.Убушаев. Его послание было более конкретным: не концентрируй внимание на злодеяниях, используй количественно наименьшие данные о Корпусе.

В отсутствие информации о Корпусе в народе возникла и другая, «мягкая», версия. Как будто он только назывался калмыцким, а всего-то калмыков в нем было не больше 20%, так что и народ пострадал ни за что, за чужие грехи[71].

Данные Калмыцкого представительства (КНК) от октября 1944 г. таковы: калмыков было шесть тысяч в батальонах (видимо, в Корпусе), среди восточных рабочих – 500 человек, и еще 1500 военнопленных[72]. Среди ушедших было 125 коммунистов, а четыре тысячи человек были угнаны как остарбайтеры[73].

Сюжеты, связанные с историей ККК, до сих пор по-разному воспринимаются в диаспоре и в республике. Но первым словом всех, с кем я беседовала о Корпусе, независимо от их индивидуальных пристрастий и взглядов, было «трагедия».

---

71 ПМА. Сельвин С.Д. Элиста. 2003.
72 Гилязов И.А. Указ. соч. С. 83.
73 Некрич А.М. Указ. соч. С.74.

> У вас в России его называют Калмыцкий карательный корпус, это неправильно. Он был скорее охранный корпус и в военных действиях участия практически не принимал. Так его стали называть коммунисты, потому что он боролся с советской властью. Иногда корпусников называют предателями родины. Никогда калмыки не воевали против России, оба исхода были связаны с борьбой против советской власти, а не против России. Это была борьба за свободу, а она легко не дается, за нее и с оружием в руках постоять не грех... Калмыцкий корпус – это идеологическое название, численно там было гораздо меньше людей, чем полагается в корпусе, ну никак не три дивизии[74].

Жители Калмыкии в XXI в. уже более свободны в оценке тех событий, понимая, что многие оценки прошлого были идеологизированы, уже не столь категоричны и в дилемме: интересы государства или интересы человека. Предпочтение современный человек отдает второму.

> Изменников родины было много у всех народов: у каждого свои понятия и цели в жизни. Я больше склонен винить государственное руководство, чем винить тех, кто ушел в 1943 за рубеж. Их действия – от безысходности[75].

Большая часть стариков и сегодня все-таки признает вину за корпусом:

> Если бы просто так уехали... Все-таки они бесчинствовали. Мне брат рассказывал, он был в составе 3-го Украинского фронта, они проходили по территории Запорожья. Когда, говорит, освобождаем украинские села, они так радостно встречают... А потом видят, что азиаты, спрашивают, кто вы по национальности. Калмыки, – отвечали. Украинцы говорят: были тут ваши калмыки, то делали, это делали. После этого они старались не говорить, что калмыки. Им неудобно было признаваться, что они калмыки.

[74] ПМА. Адьянов Н. Хауэлл.1997.

[75] ПМА - ДИШ. Кукеев Д.Д. Элиста. 2002.

> То, что мы попали в Сибирь, конечно, они сыграли [роль]. Если бы они не уходили, может быть, нас и не сослали бы[76].

Увязка действий ККК с депортацией калмыков 1943 г., трактовка второй трагедии как следствия первой до сих пор остается господствующей в общественном сознании народа. Тотальная депортация возмездия, которой был подвергнут калмыцкий народ, началась 28 декабря 1943 г., когда все калмыки от мала до велика были насильственно переселены на восток страны. В течение нескольких месяцев были высланы калмыки Ростовской и Сталинградской областей и отозваны с фронта солдаты и офицеры[77]. Бесправная жизнь в нечеловеческих условиях, высокая смертность от голода, холода и болезней, тринадцатилетнее положение народа-изгоя воспринимались калмыками как наказание в первую очередь за деяния Калмыцкого корпуса. Ответственность корпусников за их выбор в пользу противника считалась не поводом к депортации, а ее причиной.

Как уже отмечалось выше, чтобы противостоять негласному дискурсу вокруг «преступления и наказания», калмыцкие историки – многие из них были фронтовиками и все имели опыт выселения – обращались к теме участия калмыков в Великой Отечественной войне, особенно к истории 110-й ОККД. Первый вопрос, который обычно задают люди, желающие быть объективными: сколько человек сражалось по ту и по другую стороны линии фронта? Если в Корпусе насчитывалось единовременно не больше пяти тысяч сабель, то за 1941-1943 гг. в Красную Армию были мобилизованы все мужчины призывного возраста, годные к несению воинской службы; по подсчетам В.Убушаева, в действующей армии находилось примерно 30 тыс. калмыков, а в тылу врага на

[76] ПМА. Алексеева П.Э. Элиста, 2000.

[77] См.: Бугай Н.Ф. Операция «Улусы»; Убушаев В.Б. Выселение и возвращение; Гучинова Э.-Б. Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии. СПб.: Алетейя. 2003.

оккупированных территориях сражалось 20 партизанских отрядов[78].

Изучение роли ККК важно не только для исторической оценки событий прошлого века. Тщательное и беспристрастное исследование помогло бы многим осмыслить полувековую историю народа, сняло бы бремя ответственности с одних калмыков за коллаборационизм других, за «не их измену родине» в сложных исторических обстоятельствах. До сих пор темы, связанные с Калмыцким корпусом, табуированы в общественном дискурсе, да и в частной сфере их обсуждение возможно только между близкими, что говорит об актуальности публичного обсуждения. Очевидно, что табуация связана с работой воображения, которое рисовало, возможно, более чудовищный масштаб и характер преступлений Корпуса, чем это имело место быть.

Умолчание о Корпусе было истолковано в народе своеобразно. Дескать, столько лет прошло, и если обнародовать списки корпусников, окажется слишком много семей, в которых родственники были по разные стороны линии фронта. Чтобы предотвратить неизбежные конфликты, якобы было наложено табу на историю Корпуса, по крайней мере, для живущего поколения.

Чувство вины и стыда за других не покидает калмыков из-за того, что публичные судебные процессы второй половины 60-х гг. навязали им чувство коллективной вины. До сих пор в этом вопросе неявно продолжает преобладать представление о «коллективной вине», хотя вина всегда персональна и должна быть доказана в судебном порядке. Коллективная вина – это идеологический конструкт, который используется сильной властью для наказания слабых народов. В случае советского коллаборационизма наказаны были малочисленные народы, а не все народы, имевшие регулярные части на службе

[78] См.: Бакаев П.Д. О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: Джангар. 2003. С. 54.

вермахта; это было продолжением имперской политики государства.

В Калмыкии предпочитают не поднимать тему о Корпусе в первую очередь из-за самого факта измены родине, который для многих людей не может быть оправдан или прощен. Это также связано с тем, что этническая идентичность калмыков тесно увязана с гражданской. Как этническая общность калмыки сформировались после прихода на Волгу, что нашло отражение в изменении этнонима. Ойраты стали называть себя «калмыками», а для монгольского мира они стали «волжскими калмыками/*иҗлин хальмгуд*», или «российскими калмыками/*арясан хальмгуд*». Для покинувших Россию одно из слов, определяющих их этническую идентичность, оказалось лишним. Три столетия проживания сотен тысяч калмыков в России перечеркивались исходом малой группы. Также было существенным, что Калмыцкое ханство вошло в состав Российского государства с обязательством военной службы. В народе всегда гордились победами калмыцкой конницы в составе российской армии. Впервые за многовековую историю калмыцкое соединение оказалось в составе армии противника, именно это вызывало чувства вины и стыда. Сами корпусники в своей газете все время подчеркивали, что их врагом является «жидо-коммунизм», что их «цель – бороться с большевизмом всеми силами и средствами для лучшего будущего своего маленького народа»[79].

Другой причиной стыда из-за ККК были вошедшее в сознание всех советских людей отношение к Великой Отечественной войне как к святыне, сакрализация памяти ее жертв. Вопрос об ответственности за человеческие потери замещался увековечением памяти о погибших, количество жертв обосновывало величие победы. Такая священная война, тиражированная учебниками, литературой и кино, на протяжении пяти десятилетий внушала советскому человеку,

[79] Хальмг Дәәч («Калмыцкий воин», орган калмыцких добровольцев). 1944. №4. 23 сентября. С. 4.

что военный сценарий был прост: смерть или победа. Альтернатива «жизнь и плен» не рассматривалась. Патриотическое воспитание предполагало не любовь к родине, а любовь к социалистической родине. Преодолеть эти подходы до сих пор непросто, несмотря на то, что гласность приоткрыла множество примеров незаслуженно жестокого отношения советского государства к своим гражданам. Коллаборационисты, военнопленные, бывшие на оккупированной территории миллионы людей долгие годы были вне закона. А кто же судьи? Советское государство, которое не имело права судить людей за желание жить, поскольку само без суда уничтожало миллионы? Продолжать относиться к коллаборационистам (а не к военным преступникам, признанным таковыми по суду) безоговорочно как к предателям значит поддерживать идеологию сталинизма.

В молодежных беседах, в отличие от «стариковских», можно «услышать» другие настроения. То кто-то посетует, что с оккупантами ушли не все калмыки, а то бы жили сейчас в процветающих странах. То слышится скрытая гордость, когда речь заходит об особой жестокости калмыцких «карателей». Например, группа студентов-стройотрядовцев оказалась на Украине в каком-то доме, и у единственного азиата старуха спросила: «Ты калмык?». Парень догадался, почему она из всех восточных народов СССР выделила калмыков, и спросил: «Что, были здесь калмыки?». – «Были, ох, лютовали», – был ответ[80]. Коллега, рассказавший эту историю, слово «лютовали» произносил с нескрываемым удовольствием и торжеством. Я восприняла его рассказ как рефлексию на колониальный комплекс – вы («русские») считали нас дикарями, а до сих пор ведь помните свой страх.

Перестройка общественного сознания, начатая в середине 1980-х, изменила многие оценки: день создания латышского

---

[80] ПМА. Горяев А.Т. Элиста,1999.

легиона стал национальным праздником Латвии, и, пока не появилась перспектива войти в Европейское сообщество, в этот день в Риге проходил военный парад. Одна из улиц Львова носит имя С.Бандеры. В то же время Власовская армия, восточные легионы, Калмыцкий корпус только начинают становиться предметом отечественных исторических исследований. Первым, кто написал серию монографий о коллаборационистах с Кавказа и Урала, из Средней Азии, Поволжья и Калмыкии, о РОА, был Й.Хофман[81]. Принимаясь за монографию о ККК, он считал, что спустя 30 лет страсти утихли и люди смогут дистанцироваться от исторических событий. Но в 1974 г., когда его книга о калмыках увидела свет, проблема вины и наказания была еще болезненной. Сегодня историю военного коллаборационизма плодотворно изучает К.Александров, а И.Гилязов исследует историю коллаборационистов из волго-уральских татар.

Как показал Б.Андерсон, для успешного формирования нации народ должен не только многое помнить из своей истории, но и кое-что забывать. Например, французам нужно было забыть о Варфоломеевской ночи, американцам – об ужасах Гражданской войны[82]. Но «забыть» в этом контексте значит не «стереть из памяти», а избавиться от негативных эмоций, принять происшедшее как исторический факт, унаследовать историю.

Если при советской власти калмыков жестоко наказали из-за ККК тотальной депортацией, то не является ли это характеристикой самой власти? Можно ли за преступления одних людей наказывать других? Не та же методика захвата заложников единодушно осуждалась применительно к нацистским оккупантам и к современным террористам? И если

---

[81] Hoffmann J. Die Ostlegionen. 1941-1943. Freiburg. 1986; Hoffmann J. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. Freiburg.1991; Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж: Имка-пресс. 1990.

[82] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.:Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. 2001. С. 216-218.

народу, чтобы чувствовать себя в гражданском отношении комфортно, надо очистить совесть исповедью и понять, что коллективной вины за ним никакой нет, то и государству надо сделать все, чтобы острота этого вопроса притупилась, а там и проблема рутинизируется. Для этого принять соответствующие политические решения, открыть архивы, стимулировать исследования по актуальным проблемам отечественной истории.

Возникает вопрос: если есть оправдание для людей, ушедших в Корпус, то люди, оставшиеся верными воинской присяге, были неправы и погибали зря? Конечно, нет. Во время войны часто люди не сами распоряжались своей судьбой. Нередко обстоятельства были сильнее человека, и именно исторический контекст влиял на события не в меньшей мере, чем люди. У каждого человека свой опыт, свой характер, своя удача, потому и поступали люди по-разному. Но эти отличия сегодня не должны окрашиваться в черно-белые тона. Идентичностей у человека много, и их иерархия, как показывает жизнь, ситуативна.

История Корпуса стала «навязчивой идеей прошлого», калмыцким «синдромом Виши». А.Руссо, введший в оборот этот термин на примере коллаборационизма во Франции, задавался целью помочь современникам перейти от бесконечного экзорцизма к работе памяти, которая является также и работой скорби[83]. Возможно, для осознания места ККК в судьбе народа должно пройти время, чтобы историческая дистанция сняла эмоции, без которых образ врага оказывается не столь схематичным, а образ Родины – не всегда справедливым. Нюрнбергский процесс осудил военные преступления против человечества, однако государственные репрессии против миллионов советских граждан так и не получили юридической и даже последовательной политической оценки. Постсоветская Россия/Калмыкия ждет заново написанной истории, свободной

[83] Rousso H. Le Syndrome de Vichy de 1944. Цит. по: П.Рикёр. Память, история, забвение. М.: 2004. С.621.

от неудобных тем и устаревших идеологем. Современный мнемопроект в Калмыкии должен быть открытым и гласным. Тем более и само непростительное как будто начинает исчерпывать себя.

1.2. День выселения

27 декабря 1943 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин и секретарь Президиума А.Горкин подписали Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» за № 115/144. Обвинительная часть указа формулировала «обоснование» наказания: «В период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовали банды и активно противодействовали органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершали бандитские налеты на колхозы и терроризировали окружающее население»[84]. Первым пунктом указ постановлял: «Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы СССР, а Калмыцкую АССР ликвидировать». В остальных пунктах территорию Калмыцкой АССР предписывалось поделить между только что созданной Астраханской областью, Сталинградской областью и Ставропольским краем[85]. Основная часть калмыцких улусов – Долбанский, Лаганский, Приволжский, Уланхольский, Черноземельский, Кетченеровский, Троицкий и город Элиста

[84] Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.21.
[85] Там же. С. 22.

вошли в специально созданную для этого Астраханскую область. Западный и Яшалтинский улусы вошли в состав Ростовской области. Малодербетовский и Ставропольский улусы отошли к Ставропольскому краю. Калмыцкая АССР перестала существовать.

Этот указ не был опубликован, как и принятое 28 декабря 1943 г. постановление Совета народных комиссаров СССР №1432-425, подписанное заместителем Председателя СНК СССР В.М. Молотовым и управляющим делами СНК СССР Я.Чадаевым. В нем определялась судьба депортируемого народа: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский, Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Из них в Алтайский край – 25 тыс. чел, Красноярский край – 25 тыс. чел., Омскую область – 25 тыс. чел., в Новосибирскую область – 20 тыс. человек. Расселение калмыков произвести главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовецких хозяйствах»[86].

Позже режим спецпоселений был ужесточен и, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», спецпереселенцы должны были остаться в этом статусе навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Определялись даже меры ответственности: за побег с места обязательного поселения – 20 лет каторжных работ. Кроме того, данный указ закрыл калмыкам доступ в высшие учебные заведения.

Вечером 27 декабря 1943 г. прошли партийные собрания в каждом районном центре, на которые коммунистов-калмыков не приглашали. Приехавшие военные зачитывали указ. Так, офицер Воробьевский в селе Приютном сказал перед

---

[86] Там же. С. 22.

собравшимися, что 28 декабря 1943 г. по приказу Сталина весь калмыцкий народ будет «поднят на колеса»[87].

Операция по выселению калмыков называлась «Улусы». Улусы – это большие районы, основные административно-территориальные единицы Калмыцкого ханства в XVII-XVIII вв., а затем и Калмыцкой степи. КАССР тоже была разделена на улусы. Однако в калмыцком языке слово улусы можно перевести также и как «народы». Переселяя калмыков целыми улусами в Сибирь, советская власть таким символическим названием как бы определяла свою позицию – выселять народы в наказание за нелояльность. Не все операции по депортации народов СССР имели такие «говорящие» наименования. Кроме операции по выселению калмыков, получила свое название и операция по выселению чеченцев и ингушей, которое также имело прозрачный смысл, отражавший неприкрытый цинизм государственных репрессивных органов: «Чечевица». Помимо чисто звуковой ассоциации (ЧЕЧЕнЦы – ЧЕЧЕвиЦа) здесь фактически прозрачно формулируется и циничное отношение власти к народам как к крупе, а к людям – как к крупинкам, беспомощным жертвам, предназначенным для последующего использования хозяевами.

Всего было депортировано около 120 тыс. калмыков. 28 декабря 1943 г. все жители республики калмыцкой национальности были погружены в товарные вагоны с направлением следования на восток. Чуть позже были депортированы калмыки, проживавшие в Ростовской и Сталинградской областях. Калмыцкий район как административно-территориальный округ в структуре Ростовской области был ликвидирован. Весной 1944 г. были переселены калмыки, жившие в Орджоникидзевском крае и в Кизлярском округе[88]. Уже 4 января 1944 г. Лаврентий Берия

---

[87] Дутова Е.А. Письмо друга из Сибири // Мы – из высланных... С. 363.

[88] Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы) М.: Инсан. 1998. С.182.

лично докладывал в Государственный Комитет Обороны «товарищу Сталину И.В. и товарищу Молотову В.М.»: «Всего было погружено в 46 эшелонов 26359 семей, или 93139 человек»[89]. Для проведения операции «Улусы» НКВД и НКГБ командировали в Калмыцкую АССР 2975 офицеров, для перевозок транспортное управление НКВД выделило 1255 автомашин с необходимым горюче-смазочным материалом. Операцию выполнял 3-й мотострелковый полк внутренних войск НКВД (1226 чел.), который уже имел опыт участия в аналогичных карательных действиях против карачаевского народа[90]. Военные заполонили республику недели за две до назначенной операции. Но насторожились единицы, а подавляющее большинство «поверили рассказам, что красноармейцы прибыли на отдых. Разве мы могли что-нибудь плохое с ними связывать. Ведь наши близкие тоже были красноармейцами»[91].

28 декабря 1943 г. солдаты Советской Армии пришли в каждый калмыцкий дом. На сборы женщинам, детям и старикам давали от получаса до двух часов. Люди с собой брали теплые вещи, продукты, культовые принадлежности, иконы, кое-кто брал самое ценное по тем временам – ручную швейную машинку «Зингер», кто-то захватил ведро с солью, кто-то – мясорубку. Память о том, как уезжали в Сибирь, до сих пор жива, и приведенные ниже истории были рассказаны в 2004 г.

> 28 декабря 1943 г. край Башанты оккупировала колонна студебеккеров. Что такое, зачем они здесь? Может через Башанту воинская часть передвигается? Ни у кого не было в мыслях, что на этих машинах калмыков вывезут в ссылку. Прошел слух, что калмыков как изменников родины будут выселять. Мама говорила солдатам, что наша семья к изменникам не относится,

---

[89] Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.25.

[90] Там же. С. 24.

[91] Васильева Г.С. Нас окружали хорошие люди // Мы – из высланных... С.329.

мы – семья фронтовика. Какие наивные были наши мамы... Маме соседка посоветовала зарубить курочек в дальнюю дорогу, но мама не стала, они должны были нести яйца. Она не верила до последнего. Дети уснули. В три часа ночи от страшного стука все проснулись, испугались и съежились. Мама спросила – Кто там? – Кто дома? Заходят. – Дети мои, трое! – Где муж? – Как «где»? на фронте. – Никого посторонних нет? Двое солдат остались, остальные ушли. Прочитали какой-то указ. Вас выселяют в Сибирь. – Какие мы изменники? Стала мама письма отца с фронта показывать, они посмотрели, говорят: у нас приказ, мы обязаны выполнять. Но тон смягчился. Солдат постарше говорит: не тратьте время, берите самые хорошие вещи, что вы плачете, вам же дали минуты. Дети сами не могут собраться. Соберите ценные вещи. Мама говорит: это брать? А это брать? Они стали вдвоем помогать укладывать вещи – самое добротное, ценное, теплое. Увидели шубу, мама ее дохой называла, она купила ее в Краснодаре за две коровы. – Это вещь дорогостоящая, возьмите шубу с собой. Эта шуба ваших детей спасет, но спрячьте ее подальше, чтобы в дороге никто не отобрал. Эта вещь вас спасет, может, сами укрываться будете. И солдат сам несколькими простынями обернул, упаковал, потом сказал, что время истекло, надо выходить.

Соседка тетя Марфа, Косычиха – так ее все звали, муж ее работал счетоводом в одной конторе с папой, дочка Мария училась с нашей Елей в одном классе, прибежала, стоит у ворот, плачет: что же такое, что случилось? Пропустите, я хоть попрощаюсь. Оказалось, что никто не может зайти в наш дом и не может выйти из дома. А мама кричит по-русски: вот так! Видите, что заслужили наши мужья! Теперь мы изменники! - ее успокаивают, говорят, хватит. – Ну, что – хватит? Марфа, это несправедливо, такого не должно быть. Марфа, помни о нас!

Весь день собирали калмыцкие семьи в школе, 29 декабря ночью увезли в Сальск. Тетя Марфа сварила кур в эмалированном ведре, где-то раздобыла две буханки хлеба, и окольными путями пробралась к нам в школу. Это было нашим спасением от голода в первые сутки[92].

Когда к нам утром пришли, я ничего не понял. Брату было 13 лет, и он уже по-русски понимал. Он как-то сбил ноги тесными туфлями и хорошо знал фразу «башмак мелкий, почто взял». Это

---

92 ПМА. Урхаева Р.К. Элиста. 2004.

был почти весь его багаж. Солдаты поселились у соседа напротив, а мы каждый день кто-нибудь туда кизяк носили. Кизяк летом был заготовлен. Мы с братом набрали каждый по торбочке и пошли. А там крутые ступеньки, по ним надо было взбираться, дом большой, деревянный. Мы жили в неказистой мазанке. В нашем селе два дома всего деревянных было – у нашего соседа и у нашего *кюргн ах*[93] *- мужа младшей сестры отца*. И когда мы принесли, у порога встали и хотели у печки оставить, один солдат стал что-то говорить и не пропускал. А потом другой что-то объяснил, мы кизяк поставили и ушли. А когда уже домой пошли, брат говорит, он сказал, что не нужен кизяк, зачем принесли, заберите домой. А второй сказал – им тоже не нужен будет. А наутро и случилось.

Мы жили с братом и матерью. У нас был общий двор с домами дядей. 28 декабря нас разбудил сильный стук в дверь. Накануне, когда мы с братом вернулись домой, мать сказала: надо *зул өргх – лампаду зажечь*. Мама сделала лампадку из сырого теста, ее надели на конец шеста, при приоткрытой двери держали, и мать нашептывала молитву. Мы с братом стояли рядом с ней, замерзли, но ослушаться боязно. Мать сказала – закон. Лампадка погасла, мы закрыли дверь. Потом легли спать. По темноте стук. А затем вдруг заскакивают двое. В полумраке люди не просматриваются. Мы около кровати. Мать спрашивает по-калмыцки, что случилось. Я помню это почти фотографически, то, что ощущал. Один здоровый молодой солдат вел себя безобразно, он принялся потрошить квартиру. Домик наш был маленький, из обмазанных камышитовых плит. Он стал опрокидывать то, что находилось в углах, рассматривать. Перед тем как лечь спать, мы обычно топили печку. Печь топили камышом. А камыш длинный, в сноп завязанный, и сноп сжигали. В печи была зола. Он не только ширял туда винтовкой, но еще и заглядывал в печку. Мы стоим, дрожим, и мать стоит, ничего не соображает. Солдат нас троих сгреб прикладом, оттеснил от кровати и стал заглядывать и ширять под кровать. Получается, он искал, не прячется ли какой бандит. А другой солдат, постарше, вел себя поспокойнее. Он нас записывал. Ничего нам не было сказано. Некоторые вспоминают, что зашли, сказали, что

---

[93] Курсивом даны слова на калмыцком языке, и – их перевод.

вас выселяют. Нам ничего не было сказано. После того как они ушли, мы покрутились дома, немного прибрали, стало светать. Мать стала на улицу собираться. Когда вышли, оказалось, у дядей дома произведена подобная процедура. У выхода со двора стоял солдат, о котором я с огромной теплотой вспоминаю. Солдат, который нас практически спас от гибели в первые же сутки выселения. Он нам собрал все, что нужно. О том, что выселять будут, уже сказал офицер. Когда мы вышли во двор, пришли один офицер и совершенно незнакомый мужчина - калмык, не из нашего села. Он перевел слова офицера. Он сказал: *хальмгудыг нуульгжана*. *Тигәд селәнә школ тал йовтн – Калмыков переселяют. Идите в сторону сельской школы*. Постояли мы, потоптались, и мама говорит, ну раз сказали, туда надо идти, пошли. И мы, как были одеты наспех легко, так и пошли. А выход охранял солдат, он нас остановил и стал что-то говорить. Брат перевел матери, что нас повезут далеко, в холодные края, поэтому нам надо собрать вещи. Ну и солдат завел нас домой. А мы не знаем что собирать. Тогда солдат брату сказал: давай то, давай это. И что удалось солдату нам собрать, то мы и взяли. Он еще сказал, пусть мать сварит покушать и взять с собой. Как подвода подойдет, я помогу вам погрузить вещи. В это время мать догадалась попросить. Тетка, ее сестра Халга, была замужем за братом отца, две сестры были замужем за двумя братьями. Она говорит, *чи гуугәд халә – ты сбегай, посмотри*. Солдат говорит, пусть идет, но в ее доме сейчас находится наш начальник. Когда я заскочил, там тетка стоит с ребенком на руках, в дальнем углу, и по-калмыцки кричит на него. А жили тетя с дядей хорошо, дядя был одним из лучших рыбаков Каспия, у них все было. Офицер все сгребает, из шифоньера достает и складывает. У них был большой кованый сундук, он двух солдат заставил вынести сундук. Я зашел тихо, так как офицер был занят этим делом. Потом, когда мы в 58 г. вернулись из Сибири, наш *кюргн ах,* у которого был хороший дом, обнаружил, что тот офицер, который выселял его и мародерствовал, работает в районной милиции. Он его узнал и стал выслеживать. Тот тоже, видать, узнал, срочно уволился с работы и переехал в неизвестном направлении. Когда он все унес, что хотел, тетя вышла на улицу и присоединилась к нам. Мама чай сварила, к этому времени наверно часов 9 стало. Когда подвода пришла, тот же самый солдат помог погрузить вещи нам

и другим тетям, потому что у тех дети были маленькие. Все мужчины на море, на четыре семьи самый старший из мужчин мой 13-летний брат. А у нас еще бабушка была, ей за 80 было. Она жила напротив нас, рядом с тем соседом, у которого жили солдаты. Я прибежал к бабушке, она в панике. Ну что она? У нее были припрятаны в сарае две бутылки топленого масла. Она мне говорит, полезь туда, достань одну бутылку, а вторую оставь. Когда вернемся, пригодится. Я пролез как крот, сено раздвигаю, одну бутылку достал, а вторая там осталась. Когда подвода подошла, к нам присоединились пожилые старики-соседи, у них детей не было, только собака была, она осталась; всем обществом мы приехали к школе. Вещи сложили на арбу. А все население села уже было в сборе. Мы жили на краю села и пришли последними. Целый день мы толпились вокруг школы и во дворе ближнего дома и находились в оцеплении. Машины пришли по темноте. Мужчин с нами не было, кто – в армии, кто – в дивизионе морском, все были в море. Только ребята непризывного возраста несколько человек и старики, уже непригодные для выхода в море. Когда началась погрузка на машины, много было шуму, гаму, реву, крику. Мы сели организованно. Тетя Халга, мамина младшая сестра, была человек энергичный, проворный. Одна машина стала рядом с нами, наши вещи оставались на снегу. Тетя сразу сказала: *энд бидн суухм – здесь мы сядем,* наши четыре семьи и старики-соседи, давайте. А некоторые не могли разобраться. Кто-то отнес вещи на одну машину, а другой член семьи отнес на другую машину. Потом солдаты торопились, покидали вещи, куда попало. Примерно такая же картина была на станции. Нас выгрузили на снег. Потом я узнал, что это была не станция, а 8-й разъезд. А тогда на слуху была только станция Улан-хол. Поскольку мы приехали глубокой ночью, состава не было, железнодорожная линия была пустая. Из разговоров старших я знаю, что состав подали после полуночи. Но зато помню, что я, да и почти все те люди за редким исключением, никогда в жизни не были на вокзале, не видели поезда. Когда что-то громыхало, люди думали, что это *шулм – черт.* Тогда это было распространенное представление. Поэтому говорили, в зарослях щавельника черт водится. И ночью одинокий путник мог стать жертвой черта. Многие стали воспринимать приближение паровоза как черта – огни приближаются, что-то пыхтит. Люди

стояли россыпью, кто-то близко к вагону, кто-то далеко. Почему-то нам сказали идти аж к началу состава. Это было довольно далеко. Хоть и вещи у нас маленькие, но тащить это надо было на себе. А кто тащить будет, я – шкет, вот такой махонький. Брату только 13. Но все равно, кто что мог, тот и тащил. Но этот наст, залежавшийся смерзшийся снег, в одних случаях держал, а в других проваливался. Пока шли по целине, это был кошмар. Ногу ставишь, вроде держит, как вторую ногу отрываешь, проваливаешься. А снег-то тогда был глубокий. По крайней мере, для нас был выше колена. Нам еще надо было мать перетащить. Мать больная, разбитая лежала. Когда вещи дотащили, там насыпь оказалась очень высокой. Взбираться на насыпь, а потом подавать, а рельсы выше нас. Даже брат-подросток не достает до пола вагона. Когда вещи подавали, сверток трудно было сразу подать, он падает назад, если тяжелый, кому на голову или куда. После того как вещи погрузили, надо было забрать мать, которая одна осталась лежать там, где вещи были выгружены. К этому времени все люди были в вагонах, она одна там осталась. А ориентироваться было невозможно, домов, деревьев нет, в открытой степи белым-бело. Только по следам, по которым народ шел. Поднять ее, она на своих ногах идти уже не могла. Наш сосед-старик со старухой взяли с собой новый *ширдык – войлок*, и мы мать уложили на ширдык, укрыли и когда уходили из вагона, тетя Халга сообразила, что, может, мы мать поднять не сможем и придется тащить. Веревки, которыми были обвязаны вещи, она развязала, и мы мать привязали к ширдыку и волоком притащили[94].

Однако бывалые старики, их были единицы, поверили слухам о выселении и как-то смогли подготовиться.

Когда в селе появились военные, дед распорядился из имеющихся кусков ткани сшить мешки и упаковать наиболее ценные вещи, сложить их на кухне под кроватями деда и бабушки Булгун. Он поверил слухам, что калмыков будут выселять, и считал, что когда придут делать обыск, то прежде всего будут тщательно обыскивать дома отца и дяди, а в кухоньке они не станут делать тщательные проверки. Опытный

[94] ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

дед оказался прав, все так и произошло. А ночью перед выселением дед позвал нашего родственника – соседа и велел зарезать самого крупного барана. Ох, как пригодилось нам это мясо в пути. Кроме того, дед распорядился сшить себе большой тулуп, а нам с братом Сакка по шубенке. Благодаря этому мы с дедом в продуваемом сквозняком вагоне не чувствовали холода[95].

День выселения, ставший в 1990 г. Днем Памяти, сохранился в памяти людей тысячью подробностей. Особенно впечатляют детали, которые говорят о наивности и доверчивости людей, например, как прятали самые ценные вещи в сундук, старательно его закрывали на замок и прятали ключ, оставляя сам сундук в доме. Также женщины метили свой скот и домашнюю птицу, чтобы легче было его опознать в чужом стаде.

Когда к нам в дом пришли солдаты и велели собираться, бабушка стала на колени перед сундуком, в котором хранились все самые ценные вещи, и достала серебряные наборные мужские пояса. Когда солдат их увидел, то дал очередь из автомата над головой бабушки. Она так испугалась, что больше не вставала с колен, и даже дом покинула вот так, на четвереньках[96].

В 1943 г. мне было шесть лет, и я смутно помню момент выселения. Но запомнила хорошо, что с собой из вещей ничего не взяли. Мать все дорогое закрыла в сундук и с собой взяла ключи[97].

Ушли солдаты, а мама горько заплакала: куда это нас повезут, за что? Потом успокоилась и, как сейчас помню, одела на меня сразу три платья, собрала два чемодана и опять заплакала...[98]

---

95 Убушаев В.Б. От спецвыселенца – до исследователя проблем репрессированных народов // Мы – из высланных ... С.168.

96 ПМА. Каляева Э.С. Москва. 1997.

97 ПМА – ДИШ (делегированное интервью школьника). Эрдниева Э.Н. Элиста. 2002.

98 Тринадцать лет в тоске по родине. ИК. 1994. 2 декабря.

Когда нас выселяли, я думала, что нас вывезут за город и расстреляют, как евреев расстреливали немцы, но оказалось другое – живое мучение[99].

Мамка наша так растерялась. Взяла с собой только *бурхан*[*], под одежду спрятала. А взять с собой похоронку на отца ей в голову не пришло. Так эта бумажка в сундуке и осталась[100].

28 декабря в четыре утра прибежала соседка, она работала секретарем райкома, и сообщила, что калмыков выселяют. Отец стал готовиться, наточил нож, топор и хотел заколоть телку, но тут послышался резкий стук. Вошли двое военных. Один из них, видимо, старший по званию, стал задавать вопросы отцу: сколько человек в семье? Все ли присутствуют? Хранят ли в доме оружие? Во время допроса вся семья стояла лицом к стенке, подняв руки. Проведя обыск, записав данные, военные удалились, приказав не выходить из дома. Уходя, предупредили, что с собой можно взять багаж весом 200 кг. Телку, которую хотели зарезать, военные трогать не разрешили, пригрозив: «Если зарежешь телку, то убьем тебя». Причину высылки никто не объяснил, но и спросить об этом не хватило духу. Родители стали собираться в дорогу, в основном брали теплые вещи, продуктов в запасе не было, поэтому взяли только то, что было под рукой. Взяли мешок зерна, отец припрятал столярные инструменты, которые очень помогли ему в Сибири, мама завернула в тряпье свою швейную машинку. Мебель, домашний скот, утварь – все оставили[101].

В 5 утра вошли солдаты в наш дом и дали полчаса на сборы. Сначала бабушка растерялась, но быстро взяла себя в руки и стала собирать вещи в мешок, в первую очередь что-нибудь из питания. Нас у бабушки было пятеро детей: старшему Гордею – 13 лет, сестре Насте – 10, мне – 6, сестре Лизе – 3 года, младшей Сане – 1,5. Бабушка с Гордеем стали собирать вещи, а солдаты завели наш патефон и под плач маленьких детей отплясывали чечетку. Они стали обыскивать сундуки, отобрали деньги, которые бабушка хранила в сундуке, все перевернули вверх дном – искали ценности. Торопили, чтобы мы скорее ушли из дома, желая, видимо, основательно порыться в поисках ценностей. У нас было два тулупа, которые наши дяди и отец надевали при

[99] Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. Элиста. 1993.

[*] Изображения буддийского божества.

[100] ПМА. Корнусов Б.М. Элиста. 2001.

[101] ПМА – ДИШ. Тимашова Б.О. Элиста. 2002.

дальних поездках зимой. Так один из них, что был поновее, они отобрали у нас, оставив нам старый. Этот тулуп, огромный по размеру, спас нас в пути и в первые годы в Сибири[102].

28 декабря, увидев в доме одних женщин, солдаты стали друг другу задавать вопросы: за что их выселяют? Что женщины плохого могли сделать? И, видимо, прониклись сочувствием. Военные подсказали, что нам необходимо взять с собой. Кроме того, они уложили швейную машинку, добавив, что «это все вам пригодится». Пока мы, женщины, а в доме в это время находились мама Сангаджиева Цаган-Халга Балдуевна, 1886 года рождения, сестра Сангаджиева Мария Бадмаевна, 1930 года рождения, и я, укладывали вещи, солдаты, тем временем, зарезали телку и мясо сложили в мешок. Сожалею, что не помню имена этих солдат. Даже тогда, когда уже сели в машину и стали отъезжать, солдаты вдруг остановили ее и подали два ведра. Все эти вещи и продукты помогли в дороге, а потом и в первое время в Сибири. За их хорошее отношение к нам я отдала военным 15 пар носков и 20 пар перчаток, которые связала наша комсомольская бригада, чтобы отправить на фронт[103].

Вот что рассказала мне моя бабушка: «В их дом постучали в три часа ночи. В дом вошли офицер и два вооруженных солдата. Зачитали указ и дали тридцать минут на сборы. На столе стояла фотокарточка отца моей бабушки. Он воевал на фронте, был в звании офицера. Когда они увидели ее, то, видимо, им стало чуть-чуть не по себе. И тогда офицер сказал: «это не мой указ, я нахожусь в подчинении»[104].

Утром, в четыре или пять, было очень темно и особенно холодно. Проснулись от стука в дверь. Дверь пинали сапогами, и дед подумал, что за ним пришли немцы, а оказалось не совсем так, то есть пришли за ними, но наши солдаты. Их было четыре и все вооружены, они громко кричали и бранились, но в конце концов сказали, что калмыков увозят, но не знают куда, и самое главное то, что собраться нужно через пятнадцать минут около конюшни. Тетя стала собирать вещи, суетиться, не зная, за что

---

102 Налаева Н.А. Мы настойчиво пробивали себе дорогу // Мы – из высланных… С.210.

103 Сангаджиева Е.Б. В памяти ужасы жизни и доброта людей // Мы – из высланных… С.238.

104 ППТП (Проект «Память в третьем поколении») Болдырева В.

> браться; взяли только продукты, которых хватило на день, проведенный в конюшне, в ожидании машин[105].

Типичный скарб спецпереселенца описан Семеном Липкиным:

> В ее чемодане –
> А им разрешили взять
> По одному чемодану на человека –
> Справка о геройской звезде
> Посмертно награжденного брата,
> Книга народного буддийского эпоса,
> Иллюстрированная знаменитым русским художником,
> Кое-что из белья и одежды,
> Пачка плиточного чая
> И ни кусочка хлеба,
> Чтобы обмануть голодный желудок[106].

Выселяли любого, кто был калмыком.

> Больные люди тоже с нами ехали. Их на носилках заносили, из уланхольской райбольницы всех тоже забрали, с операционного стола вытаскивали. С больными калмыки-врачи в сопровождении были[107].

Семьи выселяли в том составе, в каком они были застигнуты в момент прихода солдат. Все, кто по делам, производственным или личным, был в отъезде, терял контакт с родственниками надолго или навсегда.

> В этот день у нас находилась наша тетя из соседнего села, которая пришла за продуктами. Солдаты ее не пустили домой, и она так и осталась с нами. А у нее дома был муж-инвалид (не ходил) и трое детей, один из них грудной. Ей пришлось ехать с нами. Судьба ее семьи такова: муж-инвалид, двое детей, в том числе грудной ребенок, умерли в дорогое, а один выжил, попал в

---

105 ППТП Авадаева И.
106 Липкин С. Ты виноват // Так это было. С.44.
107 ПМА. Иванов С.М. Элиста. 2004.

> детский дом. Мы его долго разыскивали и нашли уже подростком[108].

В смешанных семьях женам, как правило, русским, предлагалось отказаться от мужа и заочно оформить развод, чтобы избежать общенародной участи. Если женщина отказывалась от развода, она как жена калмыка приравнивалась к калмычке, подвергалась общей дискриминации. Их также брали в основном на неквалифицированные физические работы, увольняли с более-менее легкой конторской работы, когда узнавали о муже-калмыке. Они, как калмычки, были обязаны отмечаться ежемесячно в комендатуре.

> Мама сделала выбор – ехать. Она не могла изменить памяти дорогого ей человека, который был и остается навсегда отцом ее детей. Сверх ее сил было разводиться с погибшим в бою мужем. Думала и о нас, своих детях. Рассудила: коль на калмыков пало несправедливое обвинение в предательстве, значит, оно относится и к нашей семье. Поняла, что никого не интересует то, что наш отец и его родной брат Дмитрий, как и многие другие калмыки, погибли героической смертью, сражаясь против фашистов. Если же остаться, то даже вчерашние соседи, с которыми жили душа в душу, станут смотреть на нас уже другими глазами. Будут выискивать повод, чтобы обозвать калмыцкими отпрысками, а то и предателями. И коль уж наступили лихие времена, то лучше разделить общую долю и держаться соплеменников. Никто из них не причинит нам зла. К решению мамы уважительно отнеслись наши вознесеновские родственники Дроботовы, не отговаривали[109].

Письма-воспоминания, во множестве опубликованные в газетах, а также в нескольких сборниках, дают возможность представить, что разные слои населения и разные

---

108 Насунова-Сенглеева К.Д. В ссылке ракрылись лучшие черты нашего народа // Мы – из высланных… С.257.

109 Утнасунова И.А. Мама не изменила памяти мужа // Мы – из высланных… С.179.

половозрастные группы имели свои трудности. Степняки, сельские жители, часто не знали русского языка, плохо понимая экстремальность ситуации, они часто не брали необходимой теплой одежды. Городские жители чаще были более сметливы, сельские старики – особенно беспомощны, а легче всего воспринимали перемены дети, о которых было кому заботиться. Если не холодно и не голодно, то солдаты, машины, станция, поезд – все было событием. Также и дети интернированных японцев часто вспоминали дорогу в лагеря как восхитительные приключения.

> Услышав, что мы куда-то поедем, мы с сестренкой обрадовались и стали прыгать на кровати. И удивлялись, что мама не хочет ехать. Она возмущалась, что с малыми детьми и больной тетей ехать в зиму не собирается, пока не вернут из армии сына и деверя[110].
>
> Мне тогда было тринадцать лет. Мы жили в совхозе «Кануковский» Сарпинского района. Еще в начале декабря 1943 г. в совхоз прибыло пятнадцать солдат во главе с двумя офицерами. Так как в совхозе жили одни калмыки, то они расквартировались по калмыцким семьям. Военные с местными очень хорошо ладили. А я с солдатами даже сдружился. У меня две гончие собаки были, я с ними охотился на лис, их вокруг много было. Лисьи шкурки выделывал и отдавал солдатам. Солдаты мне взамен давали консервы и разные продукты из своего сухого пайка. Я у них часто спрашивал, зачем они к нам приехали, может, шпионов и диверсантов ловить? Солдаты отшучивались. А примерно 25-26 декабря двое солдат пришли к нам домой и стали советовать зарезать быка, да и от остального хозяйства избавиться. А причину не объясняли. И так они настойчиво убеждали нас с матерью, что мы согласились. А резать было некому – я не справлюсь, бык – не лиса. Да и с матерью вдвоем не управиться. Солдаты и зарезали быка, я им помогал. Вместе и ели мясо[111].

---

[110] Чурюмова В.С. В комендатуру шли, таясь от сверстников // Мы – из высланных... С.182.

[111] Пюрвеев В.Б. Занесен в «Книгу почета» госрыбтреста // Мы – из высланных... С.160.

Особые условия были созданы для семей высшей партийной номенклатуры и офицеров НКВД. Мне приходилось слышать, что сотрудники обкома ВКПб ехали в специальном вагоне, имея при себе значительные запасы продуктов. Об этом рассказывали родственники людей, занимавших позиции в хозяйственной части. В то же время дочь тогдашнего министра финансов рассказывала, что партийная номенклатура в военные годы имела обыкновение питаться в обкомовской столовой, жены сотрудников, как правило, тоже работали на государственной службе, и припасов, которые были у людей, привыкших готовить дома, не имели. Как вспоминала супруга секретаря обкома ВКПб Э.А.Сангаева, из дома ничего съестного не брали, так как, кроме полбулки хлеба и прибереженной к случаю бутылки водки, никаких продуктовых запасов не было[112]. Вечером 27 декабря 1943 г. в обкоме ВКПб было созвано совещание, на котором присутствовали все значимые фигуры партийного аппарата. На нем и был зачитан Указ Президиума о ликвидации республики. После окончания совещания все калмыки вернулись домой в сопровождении конвоя, в их квартирах был произведен обыск, после чего их семьи в полном составе были направлены в кинотеатр «Родина». Таким образом, они первыми были взяты под стражу. Точно так же первыми наутро после атаки на Пирл Харбор на Гаваях были арестованы предполагаемые лидеры возможного сопротивления – учителя, активисты и священники японского происхождения. Интересно, что ситуация с чеченской партийной элитой была иной, она покидала Грозный отдельным эшелоном без конвоя – и не 23 февраля, как все чеченцы, а 29 февраля 1944 г.[113]

---

[112] Сангаева Е.А. Нарком? – Просто дядя // Мы – из высланных... С.78.

[113] Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М. 1998. С.147.

Партийное калмыцкое руководство в районах было также информировано о предстоящей операции вечером, но людей выселяли утром и времени на подготовку была целая ночь.

> Многие сейчас вспоминают, что по пути было много жертв из-за голода и холода. В нашем вагоне умерших не было. Видимо, это было связано с тем, что в нем ехало много семей из руководства района, которые после совещания за ночь успели собрать вещи и продукты[114].
>
> Я пошла в 9 класс учиться в Башанте. А моя семья работала в колхозе «Пролетарская Победа», и я жила у родственницы, у бабушки Илюмжиновой. Ее дочь, тетя Надя, работала в райкоме партии и знала, когда нас выселять будут. 26 декабря она к нам пришла и сказала мне, собери вещи, сейчас поедешь домой, я тебя на машину посажу. Нас грузинские солдаты выселяли. Она остановила машину, которая ехала выселять. Спросила куда едут и попросила подвезти девочку. А я с собой ничего не взяла, только чемодан учебников. 27 декабря я приехала, а 28 к нам пришли. Все так растерялись. Оказывается, мама что-то клала, а я все выкидывала, говорила, мама нас не выселяют, нас вывезут и расстреляют, как евреев. Но солдат увидел на столе треугольники и спросил, а кто у вас на фронте. Мой сын, сказала мама. Тогда он сказал: вас выселяют в холодные края. Он сказал: возьмите теплую одежду и немного еды с собой[115].

О выселении семьи сотрудника НКВД написал в сочинении элистинский школьник в 1999 г., рассказывая семейную историю:

> В то время мой дед работал в НКВД. Незадолго до депортации дед был отправлен на службу на Северный Кавказ, а бабушка осталась в Элисте. Бабушка мне рассказывала о том, что однажды к ним домой пришли люди из НКВД и сообщили о том, что нужно собрать вещи и пойти в НКВД. Вообще с женами тех калмыков, которые работали в НКВД, обошлись немного лучше, чем с простым населением. В НКВД бабушка узнала, что вышло

---

[114] Мукаева Е.Б. Жизнь и быт в местах спецпоселений // Мы – из высланных... С.155.

[115] ПМА. Польтеева С.Э. Москва. 2004.

> постановление о депортации калмыцкого народа, так как калмыцкий народ является народом-предателем. Затем бабушка села на поезд, который ехал в город Чернигов. В этом поезде также были и другие калмычки, жены калмыков, работавших в НКВД и в то время служивших за пределами Калмыкии. Когда моя бабушка прибыла в Чернигов, она была поселена в частном секторе, как и другие калмыки. Бабушка прожила в Чернигове около полугода, затем к бабушке в Чернигов приехал дед, который был отозван в Элисту из Северного Кавказа, где он служил. Дед знал о депортации, поэтому он взял с собой необходимые теплые вещи. Из Чернигова дед и бабушка уезжают на поезде на Сахалин. Там дед и бабушка прожили вплоть до 1957 г. Бабушка рассказывала, что на Сахалине к ним отношение было нормальное. По крайней мере, их не боялись, не называли предателями и так далее. Дед стал работать в местных органах, до этого у него было звание старшего лейтенанта[116].

Традиционным мерилом богатства у калмыков всегда считалось поголовье скота. Если есть скот – значит, есть еда и будет все остальное. Лишиться скота, взять который с собой было невозможно, означало потерять труды всей жизни, как, например, сегодня потерять все денежные накопления по причине разорения банка. Конечно, людям было трудно смириться с новым - нищим положением. К тому же скотина – это не просто форма хранения капитала, а живые души, которых кормили, чистили, стригли, принимали приплод, выгуливали – и любили. «Скорбно и тоскливо мычали коровы, блеяли овцы, плакали верблюды: от этой какофонии становилось жутко и страшно, в жилах стыла кровь, волосы становились дыбом»[117].

Для калмыка-животновода скотина была частью образа жизни, ценностной структуры и даже идентичности. Поэтому переживания, связанные с утратой скота, – часто встречающийся сюжет песен:

---

116 ППТП. Бачаев А.

117 ППТП. Гавирова Б.

Шарлад нарн һарна, һарна,
Шаргулад авад һарв, һарв,
Шарклҗ зөөсн мал-гернь
Шаңһа болад үлдв, үлдв.

Всходило желтое солнце,
Рыдающих людей увозили.
С таким трудом налаженное хозяйство
Брошено и осталось государству.

Эдвг, у теегм мини,
Өнчрәд ардм үлдв, үлдв,
Өнр ик зөөр мини
Эзнь уга үлдвч, үлдвч.[118]

Обильная, просторная степь моя
Осиротела, осталась без меня.
Мой многочисленный скот
Без хозяина остался

Асхн арвн часин алднд
Автомашид хәрглдәдл бәәнә.
Аав-ээҗин зөөсн зөөрн
Арһсн болад арднь үлдв.[119]

В десять часов ночи
Приехали автомашины.
Все, что оставили мне родители
В наследство, пошло прахом

Хотарн бәәдг хальмг нутгиг
Хураһад баглад, йовулад бәәнә.
Хашаднь бәәсн хөн, үкр, малнь
Эзн угаһар мәәләд, мөөрәд үлдв.[120]

Калмыков, живших хотонами,
Собирают, делят на группы и увозят.
А скот, оставленный в загоне,
Без хозяев ревет и мычит. [121]

Домашние животные, брошенные на произвол судьбы, собранные воинскими частями, подобранные мародерствующими соседями или погибшие без воды и корма, оставались «на совести» хозяев, о них болела душа тех, кого самих увозили в «скотских» вагонах, символически приравняв к скоту, поскольку в мире человеческого для них места не нашлось. То, как о скотине волновались люди, ехавшие в «товарняк-вагонах», красноречиво иллюстрирует сочинение, которое старшеклассник элистинской школы написал в 1997 г., очевидно, впитав рассказы близких людей о дне выселения.

---

[118] Улан ширтя вагон // Л.И.Цебиков. Сто калмыцких песен. Элиста. ККИ.1991. С. 120.

[119] Там же. С.122.

[120] Там же. С. 121.

[121] Перевод на русский язык я обсуждала с группой друзей: В.Санчировым, Б.Корнусовой, А.Джалаевой, В.Гучиновым, которым выражаю благодарность.

Это был обычный день: мороз минус 14, снежные ямы и небольшие сугробы. Птиц не было, казалось, они сменили место жительства. И правда, в условиях резко континентального климата жизнь в Калмыцкой АССР становилась невыносимой. В сарае кони, верблюжонок и пара овец приуныли, может быть, им было холодно, но этого быть не могло, так как животным обычно нравится зима: корм – рядом, вода – недалеко, в это время животные находятся в некотором полунаркотическом состоянии. Старый конь Абуба, жуя жвачку желтого цвета, вспоминает о своей молодости, когда он был лучшим жеребцом в округе, глаза его полузакрыты, наверное, он мечтает о том, чтобы выйти в поле и вдохнуть терпкий аромат цветущей степи. Овечка Цагана, не принесшая в этот год приплода, явно грустит, ее большие голубые глаза устремлены в сторону решетки, отделяющей ее от полукровки, заезженного и чем-то постоянно недовольного Мальчика. Хотя в состав его крови входили 25% «донского казака», он держался всегда уверенно и спокойно, глядя с видимым высокомерием на овец-соседей и лежащего рядом Абубу. В свои шесть с небольшим Мальчик отнюдь не считался отличной скаковой лошадью. Обычно ночью Мальчик плохо спал, скорее всего, о чем-то размышлял, судя по тому, как он тупо и зло смотрел на овец, он думал о том, чтобы доживающая второй десяток лет овца скорей погибла под ножом Бемби. Кони – это не птицы и не верблюды. Скрестивший передние ноги верблюжонок, казалось, один радостно встречает новый день. Поднялся сильный ветер, где-то, не смолкая, кричал серый ворон. Было видно, как одинокое дерево на холме плачет, сопротивляясь лихому ветру-наезднику. Ветер свищет и что-то кричит.

Она работала в больнице села Садовое. Держа небольшое хозяйство, она еле успевала управляться. Ей помогали ее дети. Старшему Бембе было 12 лет, младшему Саналу – 7. После того как всю ночь она провела в больнице на дежурстве, она возвращалась домой. Она мечтала о весне, как будто под наркозом, не ощущая голоса ветра, который ослабевал. Муж ее был на фронте, писем давно не приносили, письма, как птицы, которые молчаливо говорят самое сокровенное и глупое, они посредники между куполом неба и заснеженной землей. В доме были солдаты. Она издали увидела их военные бушлаты и ремни со сменными магазинами для ППШ. Почувствовав неладное, она

засеменила по скользкой дороге. Руки ее дрожали, не спавшая необходимые три часа для восстановления баланса сил, женщина выглядела потрепанной и усталой, как дворник. В ее глазах проснулось беспокойство. Когда она вбежала в дом, солдат с автоматом наперевес и темным полузамерзшим лицом сказал о том, что на сборы ей дают полчаса, их выселяют. Солдат сказал, что нужно взять только необходимые вещи и прийти всем к сборному пункту. Она прижала к себе детей и стояла так до ухода солдат, после чего стала собирать вещи, которых было не очень много. Посмотрев в окно, она увидела суетившихся людей, рядом стояли солдаты и о чем-то говорили, один солдат почему-то молчал и смотрел в землю, он не реагировал на слова других солдат, он был ингушем или чеченцем, это было видно по его лицу и по тому, что он весь сжался от холода. Он стоял и тихо что-то пел, вероятно, на своем языке, так как другие солдаты удивленно посмотрели на него и замолчали. А он все пел и смотрел то на небо, то на землю, то на автомат. Он пел: «*Шень мавэээ, шень мавэээ*»[122]*...* Он пел об отце, о брате, о матери, о земле, о небе, о птицах, о горах. Задул резкий ветер, ветер – хозяин в небе и на земле, он как будто проснулся, очнулся и закричал так, словно подпевая и подыгрывая тому чеченцу или ингушу, а может быть, карачаевцу. Деревья подхватили эту песню и музыку своими голыми стволами. Мальчик видел это, он смотрел на это, как всегда, тупо и зло.

Ровно через полчаса калмыки были на сборном пункте, их было довольно много: старики, они были так беспомощны и немощны, что ветер смеялся над ними; женщины и дети, которые были полураздеты, на глазах их были слезы. Их погрузили на машины (женщин с грудными детьми и стариков), раздав карточки. Находясь в кузове машины, она вспомнила, что оставила серебряные сережки в большом сундуке – это был подарок мужа, но машина уже отъехала. Плач смешался с криками. Ветер, ничего не понимая, несся вперед, обгоняя машины. Дорога была длинной. Всю дорогу она плакала и смотрела в белую, безжизненную степь, прощаясь с ней, с ветром и родным небом. Наконец, она приехали. Солдат, сидевший за рулем и куривший, вылез и буркнул, чтобы все вылезли. В его лице что-то напоминало человека, который не сдерживает данных им обещаний. Он бросил окурок и стал помогать одному

[122] Он ушел, он ушел (груз.)

старику слезть с кузова. Солдат сказал, что они на железнодорожной станции, что пока есть время, калмыкам надо набрать кипятка в дорогу. На железнодорожной станции оперуполномоченный сдал все семьи калмыков под расписку. А ветер резвился в стоящем на станции поезде, так как двери были открыты, большие, широкие двери. Ветер узнал запах, царивший в поездах, такой запах был в базу, где находились Абуба, Мальчик, Цагана и верблюжонок, но он не нашел их и засвистел разочарованно. Внезапно ветер увидел, что в эти вагоны стали сажать людей, которых он сопровождал от Садовки до станции. Он видел, что люди плачут и кричат, и он стал тоже плакать и кричать, петь и танцевать под музыку уходящих поездов. Странно, подумал ветер, зачем людям менять место жительства, они ведь не птицы, которым всегда что-то нужно. Зачем им это? Подумав так, ему стало интересно, и он побежал за поездами, уходившими в голубеющую даль, нарушая ее гармонию, ему было очень жаль, ведь было так красиво! Стуча колесами по рельсам, эшелоны катились нехотя, вразвалочку. Ветру нравился этот стук, и он стал подражать поездам, издавая звук, похожий на звук ударных инструментов. Ветер смотрел сквозь изморозь стекла на машиниста, улыбаясь ему. Ветру нравился звук, издаваемый поездом при остановках. Но ему не нравился запах замороженных трупов в санитарном вагоне, и он просил машиниста начинать отправляться. Люди, которых он видел на станциях – остановках, были угрюмы и злы, непохожи на тех, кто жил в безмолвной степи, веселых и смеющихся. Люди на станциях смотрели на поезд, в котором сидели люди из белой степи, отворачивались и уходили. Иногда кто-нибудь из калмыков выбегал за кипятком или водою. Ветер видел одинаково одетых людей с «железками» на боку, он видел, как они выносят мертвых людей из вагонов, кладя их поверх других в санитарный вагон, иногда трупы выбрасывали, оставляя собакам. Однажды он увидел, как выносят тело маленького Санала, идущие рядом люди плакали. Станция сменяла станцию, лес – лес. Проснувшись, Бембя потрогал старика, лежащего рядом, он был недвижим. Бембя заплакал, вспомнив о матери и видя уже третий труп за день. Мысль о матери не давала ему покоя, ведь она ушла на станции за кипятком, а сейчас ее нет. Он хотел встать, но разлитая кем-то вода не дала ему подняться, он не ел

> с утра, силы покидали его, а ветер носился над поездом и пел песню чеченца или ингуша, а может карачаевца[123].

Как же провожали калмыков местные русские? Как вспоминают многие, по-разному: кто, рискуя, приносил еду уже собранным в клубе или школе друзьям, а кто-то торопился прибрать к рукам имущество соседей. У кого мне спросить, сочувствовали ли калмыки выселяемым из республики в 1941 г. немцам? Ведь сила пропагандистской машины была такой мощной и в сочетании со страхом действовала парализующе.

> Мы жили в русском селе Ростовской области... Отец стал ругаться и грозить, что напишет на фронт сыновьям, один из которых служил в кавалерии, а другой – летчиком. Да и сам отец в казачьих частях защищал Россию в русско-японской войне 1905-1906 гг. Но, успокоившись немного и поняв безысходность положения, мы стали быстро собирать все, что можно было взять с собой в дальнюю дорогу. Всем пяти семьям, жившим в селе и близлежащих точках, выделили по одной телеге (возилке) с запряженными волами и повезли на центральную усадьбу конезавода им.1-й Конной Армии. Погонщиками на подводах были мои сверстники, русские мальчишки 14-15 лет, односельчане, с которыми я вырос, играл и учился в школе с первого класса. До чего же мне было стыдно перед ними, что меня выселяют как преступника, а им также было очень неловко передо мной за то, что они делают, выполняют подневольно. Никто из них ко мне не подходил с соседних подвод, а тот, что вез нашу семью, видя мою подавленность, подбадривал меня, как мог в его возрасте. Помню его шутку, обращенную ко мне: Шурка, не горюй! Приедешь в Сибирь, сделаешь рогатку и будешь стрелять в медведей! Мы были в том возрасте, когда еще не расстались с рогатками, и он, конечно, хотел не только меня подбодрить, но и одновременно сгладить свою невольную вину.
>
> Но уже в Сибири, когда заставляли работать по 12 часов на лесопогрузке, особенно с наступлением осенних холодов и в ночную смену, под хлестким ветром и холодным дождем, я, тихо уединившись, горько-горько плакал. И сквозь обжигающие душу

---
123 ПΠΤΠ. Кагалтынов Е.

> слезы вспоминал эту шутку моего друга. И это воспоминание приносило мне облегчение и успокоение[124].

1.3. Дорога

Самым страшным испытанием в народной памяти остался путь в Сибирь. На бортовых машинах людей собирали по домам, а затем отвозили на ближайшую железнодорожную станцию, в Сальск. Там всех погрузили в товарные вагоны, обычно использовавшиеся для перевозки скота. Эти вагоны были выкрашены, по словам очевидцев, красной краской (скорее красно-коричневой) и вошли в песенный фольклор как красные вагоны. У красного цвета много значений и богатая символика, но в данном контексте красный – это цвет Советской власти и коммунистической партии, не говоря уже о символике крови. Красные вагоны везли людей по указу красной власти.

> Нас привезли на железную дорогу, которую мы никогда не видели, и сгрузили. На рельсах грозно шипит «черный дьявол» – паровоз, за ним выстроились вагоны. Они, с открытыми настежь дверями, готовыми заглотнуть всех и вся, очень напоминали собой адские ворота, о которых мы были наслышаны с раннего детства[125].

В такой «товарняк-вагон» сажали по сорок человек. Этот факт отпечатался и в народной песне. Но случалось, что в один вагон набивалось 60-80 человек, на всех была одна печка-буржуйка, которая топилась от случая к случаю и не грела из-за щелей в стенах и полу вагонов, но на ней можно было приготовить какую-то еду. Многие люди не имели с собой посуды «даже чтобы растопить снег», и раздобытые «банки из-под консервов служили и чашкой, и кружкой, и кастрюлей».

---

[124] Маглинов А.Н. Страшно вспоминать этот период жизни // Мы – из высланных... С.233.

[125] Бембеев Т.О. Дни, обращенные в ночь // Мы – из высланных ... С.199.

Готовили на «буржуйке» еду, держа кастрюлю в руках, «на ходу-то ведь не отпустишь – упадет»[126].

> В каждый вагон грузили по 10-12 семей. В вагоне мужчин не было, ехали две пожилые женщины, они умерли в дороге, и семьи. О чем мы могли думать? Мы думали о настоящей еде, о тепле и еще каждый задавался вопросом: куда? На какой край света нас везут? Нам давали ведро супа и несколько буханок хлеба на весь вагон, причем строго по записи – по одному кусочку хлеба на человека и по одной кружке баланды. Мы получали еду один раз в один – два дня, три человека из каждого вагона бежали в очередь за едой. Пока они эту еду получали, замерзали до самых костей, а баланда застывала и превращалась в лед. На буржуйках подогревали еду и строго следили, чтобы кто-нибудь не отхватил лишнее. В дни, когда еду не выдавали, оголодавшие до безумия люди, в том числе и моя бабушка, выбегали из вагона за снегом, чтобы хоть воду попить. Ехали голодные, холодные и вшивые, как животные[127].
>
> Дорогу в Сибирь я помню довольно хорошо, особенно о том, что делалось в вагоне. Верхние нары были заняты детьми и двумя-тремя кормящими женщинами, а все остальные были внизу. Все время горела буржуйка, все к ней жались, было очень холодно. Мужчин было мало, и отцу, комиссованному по ранению, приходилось заботиться о топливе, воде, получении пайков. Так я навсегда запомнила город Читу, где нам дали белые булочки. Особенно мучились старики, помню, их умерло двое. Еще умерла одна женщина, впоследствии я узнала, что она должна была родить, но сидела и зажимала ноги, чтобы никто не увидел, как она рожает. Умерших обычно выносили из вагона утром. Помню, что хотелось есть, но мама плакала и ругалась, чтобы мы замолчали. Разговоры были только о том, куда нас везут и долго ли еще ехать, как мужья и сыновья, которые на войне, найдут теперь родных. Помню мальчика и девочку, которые при выселении расстались с матерью, она была в отъезде, и все время они плакали. Их моя мама все время жалела, подкармливала, чем могла. Девочка через месяц умерла, а

---

126 Шамаков Э. Шел третий год войны… // Так это было. С.47.
127 ПМА – ДИШ. Лиджиева А.С.

мальчик выжил, вначале жил у нас, а потом нашлись родственники[128].

Дорогой замерзло много народу – те, которые сидели ближе к дверям вагона. На остановках сначала убирали трупы в задние вагоны, а затем поступала команда «два человека с мешком и ведрами на выход!» Кормили баландой и хлебом на больших станциях. Все были в шоке, особо говорить-то было некому, плакали[129].

Ехали мы долго, голод и холод преследовал людей. Закоченевшие трупы отдирали от металлического пола вагона прикладами ружей. Иногда приходилось отрезать часть трупа и выносить его, часто без руки или ноги, – а иначе нельзя: металл примерзал к телу так, что отодрать было невозможно[130].

48 стариков, женщин и детей погрузили в “телячий” вагон, и застучали колеса. Вещей теплых не успели взять, еды хватило на два-три дня... Тесный вагон становился просторнее. За счет людей, уходящих из жизни[131].

На каждой станции двери вагонов открывали и спрашивали, есть ли мертвые. Стариков и подростков заставляли выносить трупы. Тела умерших были страшны: закоченевшие, с вытянутыми руками и ногами. Моему деду было четырнадцать лет, и его также заставляли выносить трупы. Дедушка особо помнит случай, когда он заносил трупы в какой-то подвал. Там было темно, ступеньки были скользкими, приходилось спускаться наощупь. В самом конце лестницы, пошарив руками, четырнадцатилетний мальчик с ужасом обнаружил, что там была целая гора тел. Он даже не помнит, как он оттуда выбрался[132].

Вагон сразу же закрыли и ехали, не помню, это было утром или к полудню, когда остановили. Поезд встал на станции в Астрахани. Короткая остановка, и поезд снова пошел. Шел долго. Темнота, но на уровне вторых нар, чуть выше, было одно маленькое окошко. Кто оказывался на нарах, мог смотреть в окошко. Из него дуло очень и какое-то пространство вокруг него было на полке свободно. За водой бегали малыши вроде моего брата или меня. За едой ходили два человека. У нас в вагоне из взрослых мужчин оказались наши односельчане Сангаджиев

---

[128] ПМА – ДИШ. Кардонова К.Э.
[129] ПМА – ДИШ. Кукеев Д.Д.
[130] ППТП. Санджиев Э.
[131] Эти годы – в памяти нашей. ИК, 27 декабря 1991.
[132] ППТП. Акиева И.

> Дава Муевич, он должен был быть на море, но в этот день почему-то оказался дома, и его брат Эльта. Они же и делили продукты. И продукты делили непропорционально. Эльта стал прогонять моего брата, когда он захотел немного погреться около железной буржуйки и прилег. А когда брат не подчинился, Эльта на него сел верхом и стал чуть ли не прыгать, говорить, ты тепла хочешь, сейчас я тебе сделаю тепло. Утихомирился только, когда тетя Халга на него прикрикнула.
>
> На наше счастье поезд остановился в Аральске. Мы проснулись, поезд стоял на станции. Разрешили нам выходить, двери открыли. Вдруг подошел наш дядя Боктан и, не поднимаясь в вагон, спрашивает: наши тут едут? Просто искал нас на всякий случай. Ему говорят: твоя семья тут, залезай, им трудно. А он отвечает: не могу, нам сказали не разбегаться в дороге, а с семьями потом соединитесь. И жене говорит: Байла, *нег шилтә тосн бәәни? Нанд өгчкич нег шил тос. –* У *тебя есть бутылка топленого масла? Дай-ка мне одну бутылку.* Забирает бутылку масла, с тем и уходит. За ним следом пришли уже с вещами дядя Бадма, 1901 г. рождения, и дядя Кётяря, 1904 г. Они узнали, что поезд идет с населением из нашего сельсовета, и с вещами шли вдоль состава и искали нас. Спрашивают: Боктан приходил? – Пришел и ушел. – Ну, с него станется. Как они прибыли, жизнь в вагоне изменилась. Они стали сами ходить за водой, за едой и приносили ее больше и делили поровну. И Дава уже вел себя ниже травы, тише воды. Как ягненок. Вот так мы доехали до самой Сибири[133].

Фактор телесности еще недостаточно рассматривается в российской антропологии, хотя это важнейшая призма, через которую человек воспринимает себя среди других. В устных историях сообщения о телесном, как правило, связаны с испытанием, преодолением стыда, отказом от старого опыта. В кризисной ситуации выселения, растянувшейся во времени, старые телесные практики не могли оставаться прежними, они должны были реагировать на новые климатические и социальные условия. Вопросы личной гигиены в таких условиях вышли за рамки приватности и должны были решаться сообща.

---

133 ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

Кроме буржуйки, других удобств скотский вагон не предусматривал. Многие женщины, стесняясь мужчин, перебирались под составом на другую сторону, чтобы там оправиться. Неповоротливые старые бабки не раз погибали под колесами двинувшегося состава.

> Как поезд останавливался, люди успевали выскочить. Женщины, бедные, на обратную сторону состава переходили, там справляли нужду. В вагоне была дыра в полу и абсолютная темнота, так что дело несколько упрощалось. В вагоне было не до умывания. Воду не плеснешь, если расплескаешь, тут же замерзало, сам скользить будешь. Вагон был буквально заиндевевший. Согревались, сидя абсолютно вплотную друг к другу. Я не помню сейчас, как удавалось вообще спать. Но мы где-то, кажется, на 12-е сутки приехали[134].
>
> Вместе с бабушкой поехали в Сибирь и две ее сестры: одной было восемнадцать лет, а другой десять. Во время пути они не испытывали большую нужду в еде, но вода ценилась на вес золота. Они поочередно обсасывали гвоздь на стене, который был покрыт льдом[135].
>
> В нашем вагоне ехали в основном женщины, из мужчин было двое – один старый дед и я, тогда мне было 14 лет. На каждой остановке я должен был найти воду для всех попутчиков. Но так как еда наша была плохого качества, многие женщины стали страдать желудком. Туалетов в этом составе предусмотрено не было, и старухи просили меня помочь им слезть из высокого вагона, чтобы сходить по своей нужде на станции. Пока я им помог вылезти, а затем втащил их назад, поезд тронулся, и я не успел запастись водой. Старик меня отругал и наказал мне на следующей остановке украсть где-нибудь топор. Я это сделал, и дед вырубил в углу вагона отверстие, наказав бабкам использовать его[136].
>
> В туалет ходили в ведро. Все терпели и ждали остановки, тогда выходили и, не стесняясь, оправлялись. Как-то поздно вечером одна девушка, моя ровесница, лет семнадцать ей было, лежит на верхних нарах и басом говорит по-калмыцки: *баава,*

---

134 ПМА. Годаев П.О. Элиста, 2004.

135 ППТП. Хулаева Г.

136 ПМА. Бичеев Б. Элиста.1989.

баасн кюрчана - мама, какать хочется невтерпеж. Ее мать соскакивала и нам говорила, кто внизу не спал: отвернитесь, смотрите в сторону. И вот сколько она живет, так за ней и осталось «мама, какать хочется»[137].

На остановках все выходили и должны были оправляться тут же, за короткую стоянку… Конечно, мужчинам было легче. А мы очень стеснялись. Это раньше в степи можно было присесть и все сделать. А как справить нужду средь бела дня, когда вокруг люди и нет туалета? Мы, женщины, становились в кружок и присаживались в центре круга по очереди[138].

В туалет мы так ходили. В вагоне дырку прорубили. Нам сказали: прорубите и закрывайте досками. Женщины ширмы делали из одеял, чтобы их не видно было. Мать ходила – ее эжайка закрывала, отец ходил – мать закрывала. Умывались на остановках. Выгружаемся, солдаты окружают вагон с обеих сторон и показывают – туда сходить воды взять, туда сходить дрова взять[139].

Кстати, когда в таких же вагонах выселяли чеченцев, они старались организовать пространство «телятника» в соответствии с привычными культурными нормами гендерной сегрегации. Вагон делился на мужскую и женскую часть, «туалеты» соответственно были на каждой стороне, еду готовили на женской стороне[140].

Накануне построили новый железнодорожный мост через Волгу у Астрахани. А когда новый мост проверяют, всегда вначале прогоняют состав с каким-нибудь строительным материалом, чтобы не жалко было, если мост не выдержит. Поезд с калмыками решили пропустить как пробный: этих людей не жалко, если мост рухнет[141].

Когда поезд тронулся в путь и стал проходить по мосту через Волгу, все боялись, как бы поезд не рухнул, так как

---

137 ПМА. Польтеева С.Э. Москва. 2004.
138 ПМА. Алексеева П.Э. Элиста. 2001.
139 ПМА. Иванов С.М. Элиста. 2002.
140 См.: Хатаев А. Эшелоны бесправия. М. 1997.
141 ПМА. Мучиряев С.Г. Элиста, 2001.

> считали, что наш поезд – первый, пробный. Люди бросали монеты, молились[142].

В вагоне, в котором ехали дети из Вознесеновского интерната, малыши все время примерзали к стенам вагона или к полу, их приходилось регулярно силой отдирать. Перед тем как сесть в машины, чтобы оставить интернат, они хлопали в ладоши, предвкушая редкую возможность покататься на автомашине. Однако в дороге детей неплохо кормили, так как продукты захватили из интерната, и даже раздавали новогодние подарки от имени Деда Мороза – по три пряника[143].

Трудный путь в восточные регионы страны продолжался две-три недели. Люди умирали от голода, холода и болезней. На каждой остановке солдаты-охранники заглядывали в вагоны с вопросом: «Мертвецы есть?», для трупов выделяли специальный вагон в конце состава, а когда он переполнялся, мертвые тела просто сбрасывали на стоянках, и родные могли в лучшем случае разве что помолиться над мертвым телом. Сохранилась история, как в одном вагоне молодые парень и девушка прижимались друг к другу, укрывшись одной солдатской шинелью. Старики молча выражали недовольство таким непристойным поведением, а наутро оказалось, что оба замерзли, и неуместное для старших их объятье было последним. Как вспоминали позже почти про каждый вагон, «наутро выяснялось, что опять кто-то окоченел». В другом поезде женщина родила двойню, и эта благая весть быстро распространилась и приободрила людей.

> В пути калмыки делились последним: в вагоне люди переживали, думая, что по прибытии их убьют. Под Семипалатинском бабушке приснилось, будто она с подругой нашла красный шарф, расшитый золотом. Подруга предложила

---

142 Убушиева С.И. Отец всегда помогал землякам // Мы – из высланных… С.93.

143 Бембеева П.А. Комендант грозился посадить меня // Мы – из высланных… С.47.

его поделить, но баба сказала, что если его разрезать, то он рассыпется, и забрала. На том и проснулась. Сон вызвал усмешку со стороны студентов, и только умудренный жизнью старик, убеленный сединами, попросил повторить приснившееся. Выслушав бабушку, он со слезами на глазах расцеловал ее, объяснив, что калмыки не погибнут, но выживут и вернуться на родину[144].

После того как все мы были собраны, нас на автобусах, на машинах повезли на ближайшую станцию в поселке Дивное. Там нас ждали товарные вагоны и вагоны для перевозки скота и военных. Нас: меня восьмилетнего мальчика, мою бабушку Тевкю и моего дедушку Эренцена посадили в теплушку, в которой были деревянные нары и печка – буржуйка. В вагоне нас было очень много. Людей пихали, пока были свободные места. Мы не знали, как пользоваться печками, мы также не знали, как пользоваться углем. Был такой случай, что вместо угля старики засунули туда смолу, она вся выскочила из печки и обожгла многих. С тех пор мы не использовали печки, да и негде было взять дров, так как наш поезд останавливался на короткое время, и то чтобы выбросить трупы людей. А людей погибало много: кто от холода, кто от голода. Много было трудностей в пути. Мы даже не могли сходить по нужде, так как поезд не останавливался. Тогда старики в углу пробили дырку, и мы все туда ходили: мальчишки, наши матери и старики. На моих глазах умер друг, соседский мальчик Баатр. В пути у него умерли все, мать, бабушка и дед. Сам он умер от голода. Даже сейчас я вспоминаю его вспухший живот, впалую спину и большую голову. Его выбросили прямо на станции, на рельсы. Нам не разрешалось хоронить людей, так как не было времени. Сам я чудом выжил… На станциях разрешали брать кипяток. Я помню, это был небольшой домик, где в четырех углах стояли краны. Наверху была вывеска «Кипяток». Все мы, хлебнув кипятка, согрев свой желудок, ложились спать. Но это бывало трудно. Все время нам представлялось мясо, лепешки, и мы не могли избавиться от мысли, что мы не можем поесть… К тому времени, как мы прибыли на конечный пункт, нас осталось очень мало[145].

---

144 ППТП. Булукова М.

145 ПМА. Бембеев О.Ц. Элиста, 2002.

Холод вагона – не просто символ неуюта, скотских условий скотского вагона. Он во многом был обусловлен отсутствием навыков отопления. Люди не знали, как разжечь уголь, к тому же мокрый, они всю жизнь топили кизяком.

> Многие впервые увидели железную печку посреди красного товарного вагона. Топить ее надо было дровами, углем. Никто ею пользоваться у нас в вагоне, кроме моего отца, не мог. Он умел разжигать уголь, поэтому и потерь среди нас, в семьях сестер и среди других земляков почти не было. Хотя в пути почти на каждой станции из каждого вагона сгружали мертвецов – стариков, детей, взрослых, тех, кто не смог перенести холод, голод, болезни[146].
>
> Алексей Балакаев[147] рассказывал о Бобиш Шатиновой и ее сыне. Во время пути у нее пропало молоко, и все как могли, помогали. Но когда у мальчика расстроился желудок, в вагоне началась паника. Каждый, заботясь о своем чаде, настаивал на том, что он обречен. «Выброси Баатра, ведь у тебя останется Борька! Одного легче выкормить!» – такие страшные слова кричала одна из обезумевших матерей. Загнанная в тупик Бобиш не хотела, и не могла выкинуть живого ребенка; обезумев от горя, мать решилась на чудовищный шаг и, завернув ребенка в полушубок, шагнула к двери вагона. Но преградила ей дорогу женщина, старше по возрасту. «Сядь на место!»… Ребенку становилось все хуже и хуже, а соседи по вагону накинулись на ребенка, ругая самыми последними словами. Однажды во время остановки она оставила свою кровинку в сугробе и, зажав уши, вернулась в вагон. Но не выдержало сердце матери, выбежала она из вагона, обняла своего ребенка. По вагону разнеслась весть об этом случае, и люди отдавали все, что у них осталось, и мальчик выжил, благодаря своей матери, и людям, приносившим бараний жир и масло. Выжил один из девяти сыновей![148].
>
> Бабушка рассказывала мне, что в их вагоне была женщина с двухмесячным ребенком на руках. Но так как было нечего есть, у нее не было молока, кормить ребенка было нечем, она на одной из станций вынесла ребенка из вагона и положила на снег,

---

[146] Санджиева А.Н. Живя в Сибири, мы мечтали о родине // Мы – из высланных… С.83.

[147] Народный писатель Калмыкии.

[148] ППТП. Аноним.

> такого беззащитного и маленького, но что поделаешь, если не освободиться от ребенка, то умрут оба[149].
>
> В одном вагоне с бабушкой ехала беременная солдатка, и когда они подъехали к городу Петрозаводску, у нее начались роды. Родился мальчик. Все кричали – назвать Петей, так как город Петрозаводск. Каждый в вагоне дал малышу, что смог: старые простыни, тряпку. Но на третьи сутки мальчик умер[150].
>
> Отец ушел на фронт, а мать Бальджир с четырьмя детьми была депортирована в Красноярский край. У нее был грудной ребенок Зина. На стоянках все бежали по своим делам. Ее сосед на нарах повыше набрал ведро кипятка, и когда состав тронулся, ведро опрокинулось на кормящую мать. Боль, крик! Но только на следующей стоянке их выгрузили и в больнице они скончались. Остались три брата. Старшему Ивану было 13 лет, Павлу – 9 лет, а младшему – 6. Их тоже взял в свою семью родственник отца, но от голода младший брат Саранг умер. Мальчишки ходили в подвал перебирать картофель, там он наелся мерзлой картошки и скончался.[151]
>
> Это предчувствие не обманет мать моей бабушки, когда умрет от голода и холода Аркашка, когда будут отдирать от холодного пола вагона труп ее брата, когда люди, точно мухи, будут падать со вторых полок замертво, на головы сидящих внизу и когда она с ужасом увидит, что половина людей в вагоне уже и не спит, и не шевелится[152].

Дорога, одна из основных категорий калмыцкой культуры, была символом кочевой мобильности. Дорога долгое время была метафорой судьбы и самой жизни. Но железная дорога, по которой везли калмыков в 1943-м, была иной. Это был путь неволи, и скотские вагоны были донельзя символичны. Люди не имели прав, как скотина. Но они сохранили воспоминания, самыми тяжелыми из которых являются воспоминания о пути в Сибирь. Железная дорога поменяла все позитивные коннотации кочевника, связанные с мобильностью. От дороги уже ничего хорошего не ждали. «В вагоне творилось ужасное.

---

149 ППТП. Иванова Ж.
150 ППТП. Гаврилова В.
151 ППТП. Шевенова О.
152 ППТП. Санджиев Э.

Этот трупный запах преследовал нас всю дорогу». Все годы депортации люди позже назовут дорогой длиной в 13 лет.

> На следующий день снова нас ждала дорога. Куда везут и сколько ехать, неизвестно. Чекисты одно только знают: выпроваживать дальше. Как будто на этой земле уже нам и приткнуться некуда. Подогнали розвальни, застланные соломой, и скомандовали садиться. Детей укутали всем, что было, обложили соломой. Младшую я взяла на грудь, сверху укутали одеялом[153].
>
> Чем дальше мы ехали, тем чаще на остановках кричали, заглядывая в вагон: мертвые есть? Меня мама берегла, старалась, чтобы я не видела сброшенные на землю трупы. И только однажды я их увидела. Когда дверь открыли, перед глазами предстала изумительная снежная белизна, аж глазам больно, а небо голубое-голубое, чистое-чистое. Солнце слепит глаза. Мама чуть замешкалась, мужчина ссадил меня, и я оказалась на земле. Сначала ничего не видела, глаза слезились от снега и солнца. Немного проморгавшись, увидела, что стою прямо перед какой-то громадной кучей. Руки, ноги, головы, ничего не могу понять, рассматриваю. Мама выскочила и затащила меня обратно в вагон. А мне эта гора мертвых до сих пор снится. Особенно ярко врезался в память лежавший сверху старик в заплатанной одежонке, в шапке на одно ухо. Лица не видела, но позднее, прочитав про деда Щукаря, всегда представляла его таким, каким был тот, увиденный мною на верхушке горы из мертвых тел… В пути я постоянно плакала…И никто меня не стыдил, не останавливал, не говорил: замолчи, надоела. Однажды тетя Аля спросила у мамы: Шура, знаешь, почему она плачет? Мама вскинула голову, мол, почему? Ведь у нее тоска, сказала мамина подруга. Я запомнила это слово, услышав в первый раз в жизни[154].
>
> Кормили нас в крупных городах – в Омске, Новосибирске, один раз в сутки. С нами ехали военные. На остановках в очереди у котла народу много. Андрей Бембинов, когда подавал котелок, кричал «Старшему лейтенанту погуще!» Он так чудил. Все

---

[153] Сангаева Е.М. Нарком? Прсто дядя // Мы из высланных навечно... С.79.

[154] Душан А.У. Тоска. Дорога в Сибирь глазами ребенка // Мы – из высланных... С.66-67.

смеялись. Так за ним и осталось «Старшему лейтенанту погуще»[155].

Одной из этнических характеристик любого народа является мера мобильности. Для бывших кочевников даже после депортации новое передвижение казалось спасительным возвращением, в движении виделся какой-то выход, вернее, выход мог быть связан только с дорогой. Выше упоминалось, что случались побеги из Широклага на фронт, но бывали и переезды в еще более тяжелые условия, на Таймыр и Шпицберген, куда посылали калмыков уже из Сибири. Нередко случалось, что власти оформляли в путь на Север одну семью, а с ней начинали проситься другие калмыцкие семьи, которым казалось, что хуже уже не будет, но вдруг дорога приведет домой? Однако в полярных условиях оказалось еще труднее, и калмыки назвали это переселение второй ссылкой. Для этих людей железная дорога сменилась водным транспортом, везли по Енисею, Иртышу, а потом и по Северному Ледовитому океану.

Самое большое потрясение пережил я в пути, когда умерла бабушка, Эрдни-Горяева Тевкя. Я сызмальства рос при ней, и она мне практически заменила родителей. Ей было больше семидесяти лет, и она очень тяжело переносила длительное плавание во льдах. Она уже не поднималась, и я от нее не отходил. Как-то у нее произошло самопроизвольное испражнение. Открылся острый понос. Я побежал к судовому врачу, еле объяснился с ним. Наконец, он понял, что нужно лекарство. Дал какие-то таблетки, но интереса к больной не проявил. После следующей ночи бабушка не проснулась. Уснула навечно. Потом пришли матросы и унесли труп. Все родственники последовали за ними. На палубе по команде помощника капитана бабушку плотно обвернули ее же овчинной шубой, обвязали бечевкой и приготовились спускать за борт. Мы три раза обошли вокруг нее и попрощались с бабушкой. Когда ее начали спускать по пандусу, я вне себя от происходящего выскочил из-за спин

[155] ПМА. Польтеева С.Э. Москва. 2004.

матросов и едва не соскользнул вместе с ней в воду. Чудом успел схватить меня за фуфайку судовой врач. Но мучения мертвой бабушки еще не кончились. Она была настолько истощена, что труп ее не тонул. Тогда ее обвесили четырьмя обгоревшими колосниками, и она скрылась в воде. Эта жуткая сцена в моей памяти осталась навсегда.

Позже довелось мне испытать потрясение по иному поводу. Как-то случилось так, что несколько человек послали за хлебом на ледокол «Сталин», поскольку ледоколы были загружены продуктами и периодически снабжали ими экипаж «Монткальма» и нас. Только из съестного нам доставались голова или хвост селедки, два сухаря и кружка воды на сутки. На «Сталине» мы оказались словно в сказочном городе. Помещения освещались электрическими лампами и их отражениями в многочисленных зеркалах; ковровые дорожки и другие предметы поражали нас. Были также концертный зал и игровая комната. О существовании таких условий на судне мы не могли даже предполагать[156].

Практически все воспоминания о дороге в Сибирь оказывались описанием классического rite de passage. Иному миру соответствовали и основые признаки депортационного пути: постоянный мрак, холод, голод, теснота и закрытость вагонного пространства в сочетании с бесконечностью пространства вне состава[157].

1.4. Широклаг

В начале 1944 г. по приказу Наркомата обороны со всех фронтов и военных округов были отозваны калмыки. За 1944 г. была осуществлена демобилизация более 15 тыс. воевавших калмыков[158]. Фронтовиков отзывали в тыл под предлогом создания калмыцкой национальной части на Урале. Всех

---

[156] Эрдни-Гаряев Б.К. Босыми ногами мы ломали лед // Годаев П.О. Боль памяти. С.144.

[157] Цивьян Т.В. Из русского провинциального текста: «текст эвакуации» // Russian Literature LIII (2003). North-Holland. Published by Elsevier Scinece B.V. С.132.

[158] Панькин А., Папуев В. Указ. соч. С.4.

военнослужащих сержантского и рядового состава, а также курсантов военных училищ зачислили в 6-й запасной стрелковый полк 7-й запасной стрелковой бригады, который дислоцировался на станции Кунгур Пермской железной дороги, а затем направили на строительство Широковской ГЭС. Их было около семи тысяч – фронтовиков или еще не воевавших курсантов[159].

> Мне было 19 лет, и я был на фронте, на передовой, в местечке под Киевом по Белоцерковскому направлению. Мне было приказано идти в штаб полка в полном боевом снаряжении. В штабе мне сказали: оставьте оружие, езжайте в Житомир, там формируется национальная часть. По прибытии узнал, что никакая часть не формируется. Прибывших из Житомира солдат, нас было 18, под командой офицера, выдав полный сухой паек, на пассажирском поезде отправили на работу на Урал. До самого прибытия на Широкстрой мы ни в чем не нуждались. Работал на строительстве гидроузла Широкстроя с марта 1944 по май 1945. Жили в бараках как рабочие, повзводно-ротно. Конечно, с питанием было скудно, время было военное [160].
>
> В марте 1944 я служил на 4-м Украинском фронте в составе 293-го стрелкового полка, пока меня не сняли с фронта, как нам объяснили командиры, для организации калмыцкой дивизии. Через некоторое время, когда нас собралось довольно много, погрузили в товарные вагоны и отправили в Молотовскую область, в город Кунгур. Оттуда переправили на станцию Половинку на строительство Широковской ГЭС. Мы не могли понять: за что? Как такое могло произойти? Ведь нам командир говорил, что из нас будут формировать национальную дивизию. На деле это оказалось ложью.
>
> Разместили нас в бараках, где было очень холодно, и держали как преступников. Вскоре разделили по бригадам и вывели на строительство электростанции. Работа была очень тяжелая. Сначала работал на подсобных работах, потом участвовал на строительстве котлована. Приходилось выполнять различные земляные работы: долбили грунт, копали траншеи, возили бетон и т.д. И все это делали с помощью лома, кирки,

159 Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». С.39.

160 ПМА – ДИШ. Амнинов Д.С. Элиста. 2004.

> лопаты и тачки. Вскоре одежда износилась, и нам выдали фуфайку и брюки, а обувь была из камеры на деревянной подошве. Одеты были как заключенные.
>
> Такая работа требовала полноценного питания, которого не было. Основная еда – это бульон (один ковш), 100 граммов хлеба и зеленый помидор. Приходилось жить и работать впроголодь. И пошла смерть косить людей. Очень много вчерашних фронтовиков раньше времени ушли из жизни на том строительстве. Многих актировали от истощения и отправляли в Сибирь. Даже сегодня, спустя пятьдесят с лишним лет, тяжело об этом вспоминать. До сих пор не знаю, что спасло меня тогда от смерти. В мае 45 г. меня актировали, отправили в Сибирь.[161]

Весной 1944 г. командиры и политработники калмыцкого происхождения были собраны в Ташкенте и Новосибирске, там демобилизованы и направлены по месту нового расселения своих семей.

Отозванные с фронтов солдаты и сержанты не попали к своим семьям, их отправили на каторжные работы. Хотя официально эта стройка имела название Широкстрой (строительство Широковской ГЭС), по существу это был один из концентрационных трудовых лагерей, составивших систему ГУЛАГа.

> Девятнадцатилетний юноша и тысячи его земляков подверглись жесточайшему испытанию на выживаемость. Огромными, тяжелыми кирками, которые в руках удержать было нелегко, они добывали каменную породу в карьере. Добытые глыбы на руках переносили к машинам. Изнуряющий, нечеловеческий труд с ежедневной нормой выработки с кубометра камней и скудный паек быстро доводили людей до полного истощения. Не выполнивших норму заставляли работать всю ночь или оставляли без пайка.

[161] Очиров У.И. С фронта - в лагерь НКВД, а потом в Сибирь // Мы – из высланных... С.159.

В этих нечеловеческих условиях содержались и женщины-фронтовички, которых было около двух десятков.

> Женщины жили отдельно, тоже в бараке, но нары у нас были одноярусные. Питание было очень плохое. Я много раз видела, как молодые люди подбирали объедки из помойной ямы и варили их в своих котелках. Мы, девушки, тоже хотели кушать, но терпели, в помойку не лазили[162].
>
> Кормили нас так отвратительно, что невозможно выразить словами. Ребята ходили по помойкам, собирали рыбьи головы, варили суп. Собирали также картофельную кожуру, жарили ее на железных печурках и ели. За перевыполнение нормы давали дополнительное питание – «премблюда». Это были ГЗ (горячий завтрак), который состоял из полуложки каши, и УДП (усиленный дополнительный паек) – из двух крохотных оладушек[163].
>
> После тяжелой изнурительной работы истощенные от плохого питания люди порой не могли подниматься на гору, падали и умирали на дороге, не дойдя до барака. Мы не могли понять, чем нас кормят: не суп, не щи, поэтому эту похлебку мы называли баландой, так как наливали нам на 4 человека один таз, в котором плавали четыре соленых помидора и больше ничего... Тех, которые уже совсем не могли работать, пропускали через медицинские комиссии. Врачи только изучали ягодицы, и если кроме кожи и костей ничего не обнаруживали, составляли акт о непригодности человека к дальнейшей работе и отпускали на свободу. ...Говорили, езжай по месту жительства родных, туда, куда они высланы. На дорогу давали сухой паек: одну булку хлеба и одну селедку.
>
> Голодный, истощенный человек, получив на руки паек, сразу съедал хлеб и селедку, а затем почти без остановки пил сырую воду. Поэтому одни умирали, не доходя до железнодорожного вокзала, а другие – в пути[164].
>
> Фронтовики из Широклага приезжали в разное время, но все были одинаково беспомощны. Почти каждого из них выносили из вагона на руках, еле живыми. Это были живые трупы, не способные самостоятельно держаться на ногах. Такое не стирается из памяти. Хотя, по правде говоря, каждая семья была

---

162 Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Том 3, книга 1. С.41.

163 Там же. С.13.

164 Выжил и не сломился. ИК, 28 декабря 1993.

> безмерно рада, что чей-то сын, брат или отец, пусть даже в таком состоянии, объявляется из безвестности. Сегодня, знакомясь с документами, на основании которых актировали строителей-невольников Широковской ГЭС, испытываешь холодную дрожь. Дистрофия 1 и 2 степени со стойкими отеками всего тела и ног, туберкулез легких, пневмония, полное истощение – вот неполный перечень болезней, характеризующих состояние широклаговцев[165].
>
> Постель наша состояла из наволочки для матраца и наволочки для подушки, которые мы набивали соломой и стружками, а укрывались шинелями. Сначала мы работали в солдатском обмундировании. Со временем все износилось, и нам выдали лагерную одежду: белую фуфайку, белую шапку, белые брюки, а вместо обуви чуни, сделанные из автопокрышек. Они были длинные, тяжелые. В Широклаге мы были подавленными, униженными людьми»[166].

Считается, что любые формы социального унижения всегда задевают мужчин куда глубже и непосредственней, чем женщин, у которых «есть куда отступать» («кухня» и «детская»). И в том, как государство отнеслось к мужчинам-фронтовикам, наиболее опытным, знающим людям, составляющим основную группу репродуктивного возраста, видится явление, которое было зафиксировано и в других регионах СССР и охарактеризовано как символическая кастрация колонизирующими силами, направленная прежде всего на уничтожение мужественности «второсортного» народа[167]. А как же было возможно поддерживать маскулинность исполнением традиционных ролей, если в предложенных условиях выживания практически не оставалось места даже человеческому измерению как

---

[165] Даваев В.М. Героя войны ссылка не сломила // Мы – из высланных… С. 33.

[166] Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 1. С. 20.

[167] Забужко О. Гендерная структура украинского колониального сознания: к постановке вопроса // О Муже(N)ственности. Сб. ст. Сост. С.Ушакин. М.: НЛО. 2002. С.393-394.

таковому, ведь жесткое исполнение набора мужских ролей предполагалось для иного, нормального социального контекста. Однако и при столь сильной депривации оставалось место и этике фронтового братства, и поддержке родовой, улусной, земляческой солидарности, и предпринимательству, сметливости как составным частям представления о мужественности.

Мужчины и женщины по-разному выживали в лагерных условиях. Мужчины, потеряв свою роль защитника семьи, оказались менее способными трансформировать этот навык в защиту других. Мужчины не примеряли роль отца к новым условиям с той же готовностью, с какой женщины – роль матери, поскольку деятельность, сконцентрированная вокруг пищи, детей, устройства жилья, социальных отношений, тепла, чистоты, может считаться единственно значимым видом труда в таких ужасных условиях. Именно такие обыденные заботы делают возможной жизнь в угнетении[168].

В отличие от заключенных, с которыми сравнивали себя калмыки в Широкстрое (Широковская стройка), позже получившем название Широклаг (Широковский лагерь), они не знали, как долго им придется жить в каторжных условиях. В марте 1945 г. «нам сообщили, что есть указание сверху в первую очередь отпустить орденоносцев и самый младший возраст, солдат 1925-26 гг. рождения»[169].

Тем временем на бывшей территории республики к 1 мая 1944 г. была проведена так называемая зачистка, в ходе которой были обнаружены и депортированы еще 400 калмыков, а позже, в 1945-1948 гг., дополнительно были выявлены и выселены 190 человек. В это же время были выселены калмыки, проживавшие в Москве и других городах СССР.

---

[168] Рингельхайм Дж. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерных исследований. СПб.: Алетейя. 1999. С.254 –279.

[169] Выжил и не сломился. ИК. 29 декабря 1993.

Вначале войны на Каспийском море был организован военизированный морской дивизион, в котором экстремальный по сложности труд моряка был приравнен к несению воинской службы.

> На момент выселения никого из дядей дома не было, все были на Каспии на ловле рыбы. В этом военизированном морском дивизионе из пяти тысяч подавляющее большинство составляли калмыки, около 1200 – женщины. Поскольку многие рыбаки были призваны на фронт, их заменили женщинами. По Лаганскому району из 1200 рыбаков в 43 г. после выселения калмыков на весенний лов в 44 г. удалось собрать только 200 человек, это были русские и казахи. У дядей сохранились удостоверения этого дивизиона и им засчитали один год службы за два года трудового стажа. А остальная работа в колхозе в Сибири им не засчиталась для начисления пенсии[170].

Несмотря на всю несправедливость и жестокость положения калмыков, боевых офицеров и солдат, в большинстве своем они стремились доказать свою невиновность, оставались лояльными Сталину и верными коммунистическим идеям.

> Я оказался в Кунгуре и только здесь понял, что, что меня, как и других, прибывших сюда, самым циничным образом обманули. Здесь нам стала известна судьба нашего народа, всех родных. Стала понятна и причина их молчания в последние месяцы. Если даже письма и были отправлены, то цензура их изымала из почты и они до адресата не доходили. Многие ребята очень сожалели, что при нас не было оружия. А то смогли бы постоять за свою красноармейскую честь, за право воевать с врагом и за доброе имя своих близких. Каждый из нас столько раз видел смерть и был сам на волосок от нее, что давно отбоялся… Во всяком случае мы рисковали собственной жизнью на поле боя не для того, чтобы оказаться в лагере для уголовников[171].

---

170 ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

Ко всем страданиям вдобавок примешивалась обида, что нас, воинов-фронтовиков, держали за колючей проволокой, как уголовников, пленных немцев, власовцев[172].

Прихожу в барак, а там вижу Пюрвю – живой скелет, впервые видел, как через ребра лихорадочно бьется сердце. Он слабо позвал меня: «Иди, сдай за меня партвзносы»... Через три дня его не стало[173].

Через четыре месяца пребывания в лагере Николай Очирович начал опухать от голода. Возможно, он не выжил бы, если бы лагерный врач не пожалел его и не направил на лесоповал. Здесь было легче, но не намного. Весь день валили лес. Работали допоздна, ночью занимались погрузкой, а рано утром – снова в тайгу. Этот кошмар длился для него почти полтора года. Люди гибли один за другим. К ним, бывшим фронтовикам, с честью защищавшим Родину, относились как к узникам концлагерей. Разница была в том, что не пригодных к работе, «доходяг», у которых легко простукивалась кость на ягодицах, «актировали», то есть списывали и отпускали к родным. Никого не интересовало, как «актированные» доберутся до места назначения. Многие умирали в пути. Дату своего освобождения из лагеря, 11 июля 1945 г., Николай Очирович запомнил на всю жизнь. Впереди еще была долгая ссылка, на протяжении которой он проработал грузчиком на угольном складе[174].

Я попал в Широклаг в строительный батальон. Возили на тачках грунт, щебень, ломал кирпичи. Мы поднимали плотину высотой 40 метров. Как помню, работали мы в солдатском обмундировании, зимой ходили в белых фуфайках. А морозы там были до того сильные, что если минуту-другую постоишь без движений – можешь замерзнуть, отморозить руки и ноги. Тяжело вспоминать те годы. До сих пор помню вкус гнилой рыбы, постоянное чувство голода. 600 грамм хлеба в день для нас, занятых на тяжелой, изнурительной физической работе, конечно же, было мало, ведь из этого пайка хлеба мы умудрялись часть менять на курево. На лагерном пайке многие из нас пришли в истощение: спотыкаешься, бывало, и падаешь навзничь. Кожа

---

[171] Тюрбеев Б.Э. Такое не забывается // Годаев П.О. Боль памяти. С.66-67.

[172] Судьбы моей военной половинки. ИК. 27 декабря 1991.

[173] Выжил и не сломился. ИК. 28 декабря 1993.

[174] ППТП. Б.Церенов.

> растиралась на лопатках и пояснице до такой степени, что на этих местах образовывались гниющие, долго не заживающие раны.
>
> Через определенное время специальная медицинская комиссия осматривала нас. Снимали мы штаны, оттягивали кожу, и если через три дня рубцы на ягодицах не восстанавливались – направляли в лазарет[175].

Протестом против репрессий для бывших фронтовиков стали письма в Кремль и побеги на фронт. «Настолько велика была вера в святое дело защиты Родины, что воины-калмыки убегали на фронт с Широклага, но их ловили на железной дороге, чисто по внешности»[176]. Народная молва знает такие примеры, когда бежавшие из лагеря калмыки-солдаты выдавали себя за казахов, отставших от своего состава, и, отвоевав до победы, возвращались в свои семьи в Сибирь или были вынуждены скрываться, так как за побег, даже на фронт, грозило суровое уголовное наказание.

> Однажды подошел Михайлов Бембя и предложил: давай сбежим на фронт. И глядя на его худое лицо и запавшие глаза, я сказал: у меня сил не хватит. Тогда он попросил у меня махорки. Я дал ему три стакана.
>
> Уже в наши дни я встретился с ним в Элисте, он рассказывал про свой побег. Восемь раз они переходили реку Широкую, чтобы запутать следы, но собаки не отставали. Вот тогда и помогла моя махорка. Бембя попал на фронт и закончил войну в Праге[177].
>
> Вскоре нас собралось свыше ста человек из разных частей Закавказского военного округа и мы узнали, что нас направляют в город Кунгур Молотовской области. Прибыли в Кунгур в сопровождении трех солдат и сержанта в начале апреля 1944 г. Разместили нас в здании бывшей церкви. Все стены ее были исписаны калмыками именами прибывших до нас. Люди писали свои адреса, кто откуда, искали своих родных и знакомых, и на

[175] Семенов М.М. Каторжный труд в Широклаге // Мы – из высланных… С.346.

[176] Бадмаев А. Судьбы моей… ИК. 27 декабря 1991.

[177] Там же.

этих стенах я увидел фамилии многих своих земляков, в том числе бывших учеников. Обрадовался, конечно. Но это была горькая радость. Далее всех нас отправили на станцию Половинка, куда уже ранее прибыли строители Широковской ГЭС на реке Косьва. Часть из нас направили на строительную площадку ГЭС, на земляные работы: из котлована тачками возили землю по деревянному настилу наверх, другие вели бетонные работы, а некоторые – взрывные. Часть наших парней направили на лесоповал рубить лес для стройки. Здесь я работал около месяца, потом с месяц на стройплощадке. Эта работа была еще тяжелее. Кормили нас скудно, большей частью – селедка, яичный порошок, хлеба 500-600 граммов, то есть обычный солдатский паек тыловой части. Но работа-то у нас была чертовски тяжелая, и люди, даже молодые и здоровые, быстро выдыхались на ней, превращаясь буквально на глазах в дистрофиков или, как тогда говорили, в доходяг. Более того, люди слабели и опускались не только физически, но и морально, теряли уважение к себе. И вот это было особенно горько. И тогда я решил, надо бежать на фронт, иначе тоже «дойду». Правда, мне и здесь помогла спортивная закалка: я легче многих моих товарищей переносил тяготы изнурительной физической работы и потому «доходил» не так быстро, как они. А вскоре мне и вовсе повезло: недели через две моей работы на тачке наш комроты Иванов Василий Горяевич, учитывая мое педагогическое образование, взял меня писарем, и жить мне стало легче. Но я все равно думал о фронте, это был единственный способ снова почувствовать себя человеком, а не изменником Родины…

Здесь было более трех тысяч калмыков, называли даже цифру три с половиной тысячи – исключительно рядовой и сержантский состав, почти все – фронтовики, как правило, от 20 до 30 лет. Как теперь говорят, генофонд нации. И вот он, этот генофонд, на глазах разрушался физически и морально. Эти люди жили только ожиданием победы и сами немало сделали для нее. Поэтому настроение у всех или почти у всех было недовольное, но возмущались втихомолку, так как кругом нас рыскали чекисты и «сексоты». Раскрыться напрямую перед другим было очень рискованно. Но общий вопрос «за что?» был у всех на устах. Люди чувствовали себя униженными и оскорбленными, это было горько, очень горько…

Нет, мы не были заключенными в прямом смысле слова, но и военнослужащими тоже не были. И подчинялись мы теперь не наркомату обороны и боевым офицерам-фронтовикам, а НКВД и его начальникам, которых мы, про себя, разумеется, именовали не иначе как «тыловые крысы». И хотя среди них были очень разные люди, как впрочем и в армии и даже на фронте, но нам-то от этого было не легче, угнетал и давил сам статус, не говоря уже о каторжной работе, скудном питании, туберкулезном жилье в земляных бараках и прочих «мелочах».

Постепенно я подружился с Андреем Альчиновым. Но сначала довольно долго мы прощупывали друг друга и, наконец, открылись: надо бежать на фронт! Андрей сказал, что у него есть один верный товарищ, ему можно довериться. Это оказался Бембя Михайлов. Он был моложе меня и еще моложе Андрея. Порешили: надо готовиться к побегу, накапливать тайком продукты, деньги, хлеб, сухари, сахар, постное масло – чтобы не очень громоздко, но калорийно. Раздобыли мы какую-то изрядно потрепанную школьную карту, точнее атлас – без него не могло быть и речи о побеге. Это была бы верная гибель, ибо места для нас были совершенно незнакомые, лесные, а мы – степняки и поначалу просто терялись в лесу. Кроме того, решили, если побег удастся, то надо обязательно изменить национальность, потому как в противном случае нас не просто выдворят с фронта, а отправят в трибунал – за дезертирство с трудового фронта. Одним словом, план побега мы разработали во всех деталях. И в дальнейшем действовали в полном соответствии с ним, в том числе и национальность каждый изменил в своей красноармейской книжке. А Андрей Альчинов раздобыл где-то красноармейскую книжку на имя казаха, кажется, Даскалиева.

В один из выходных дней, когда нас отпустили на базар на станцию Половинка, мы не вернулись в лагерь и двинулись на юг, в сторону Молотова, пока минуя, по возможности, железную дорогу, идущую на запад. Шли лесом по течению реки Косьвы; продукты экономили максимально. Когда все припасы съели, продали сначала шинели, затем – все остальное, вплоть до запасных портянок. Наконец, вышли на Каму в районе впадения в нее реки Чусовой. И здесь впервые за столько дней сели на пристани на пароход и двинулись в сторону Молотова.

В пригороде Молотова сели на местный поезд и добрались до станции Верещагино, благополучно избежав Молотова. И

теперь мы стали подсаживаться ненадолго на все попутные товарные поезда, стараясь не попасться на глаза сопровождающим. Затем также тайком шли до Ярославля около десяти суток. Ночевали, где придется: под деревом в лесу, в стогу, в пустующих сараях.

Добрались до Шуи, так, кажется, назывался этот городок. И тут средства наши иссякли полностью, и мы решили: будь что будет, обратимся в комендатуру. Обратились, рассказали заготовленную заранее легенду: наш состав шел на фронт, а мы, сойдя на одной из станций купить продукты, отстали и теперь никак не можем догнать свой состав, а в нем - все наше имущество. Нам поверили, хотя и отругали за ротозейство, но поверили! И это было главное. И даже мысли у них не возникало, что мы – дезертиры! Те бегут с фронта, а мы – на фронт! Более того, нас накормили, выдали сухой паек на сутки и с сопровождающими отправили на пересыльный пункт в Ярославль. В Кремле происходила сортировка людей, и здесь мы снова повторили свою легенду. Она и здесь сработала, в том числе и наши документы. В соответствии с нашими армейскими специальностями нас распределили в различные запасные части... Я настойчиво добивался отправки на фронт. И вот свершилось! Я был направлен радистом во взвод связи третьего батальона воздушно-десантной бригады. Это было в июле 44-го, и до конца войны я прошел в рядах этой бригады. Закончил войну в Чехословакии 11 мая 1945 г. на реке Влтава. За время службы меня наградили орденами Красного Знамени и Славы 3 степени, двумя медалями. После войны продолжал служить в военной комендатуре Будапешта помощником командира взвода. В мае 1946 г. уволили в запас.

Но душа моя была в терзаниях, так как впереди ждала неизвестность. Возвращаться на бывшую родину было равнозначно добровольной сдаче чекистам. Ехать в Сибирь к ссыльной матери означало саморазоблачение. И в том и в другом случае – «без вины виноватый» и остаток жизни – в местах лишения свободы[178].

Однако не все были отозваны с фронта. Как писал А.Некрич, калмыки считались в Красной Армии хорошими

[178] Лиджи-Гаряев Т.Л-Г. Высокие и горькие слезы // Мы – из высланных... С.148-151.

солдатами. Когда в начале 1944 г. последовал приказ о снятии с фронтов военнослужащих калмыцкой национальности, то находились командиры, которые быстро меняли национальность своим солдатам и офицерам и таким образом оставляли их в части[179]. Калмыцкий историк М.Л.Кичиков называет цифру в 4 тыс. калмыков, находившихся в Красной Армии к концу войны[180].

> Младшим сержантом я попал в 16-й запасной полк железнодорожных войск, который дислоцировался под Ленинградом. Служил я у начальника штаба Григоряна, который ценил меня и в шутку называл «мой арап»… Я избежал участи быть снятым с фронта благодаря помощи начштаба Григоряна. Он не поверил в «измену» моего народа и не подал сведений, что я – калмык. И мне не пришлось менять своей национальности. В августе 45 г. мне дали отпуск сроком 45 суток. По дороге домой на одном из вокзалов я снова услышал, что калмыков как «врагов народа» сослали в Сибирь и что в степях калмыков нет. Это были два монгола. Они дословно сказали: *хальмг цусн махн болв – кровь калмыков стала мясом* и быстро отошли от меня. Но я не верил, что семьи нет в Калмыкии, и поехал домой. А здесь, в степи, были случаи, когда демобилизованных солдат-калмыков убивали с целью грабежа. Такое едва не случилось и со мной. Помог мне, не дал погибнуть донской казак Григорий Иванович Небабин. Он спрятал меня[181].
>
> Из госпиталя деда выписали 15 августа 1944 г. Так из Кадуйского района Вологодской области его отправили домой. Сначала он оказался в Москве, потом поехал в Сталинград, где продал свои продукты, купил гражданскую одежду и, довольный, решил ехать на Родину. Но не тут-то было. Случайно дедушка встретил первого калмыка (тоже возвращался домой), который и сообщил ему эту страшную новость. Тогда молодой, холостой солдат решил вновь пойти на фронт, но ему ответили, что

---

[179] Некрич А.М. Указ. соч. С.78.

[180] Кичиков М.Л. Советская Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ленинград. 1972. С.58. Цит. по: Некрич А.М. Указ. соч. С.78.

[181] Бембеев М.Б. Доброе отношение сибиряков // Мы – из высланных… С.118.

калмыки им больше не нужны и что ему следует ехать в Сибирь. Переночевав на вокзале, он пешком отправился в свое родное село Малые Дербеты. Там он встретил своих старых друзей (русских), погостил у них и вновь, пешком, пошел обратно в Сталинград. А его русские друзья из Малых Дербет сказали ему: «Когда калмыки были, всем жилось хорошо. Мясо было. А сейчас – ничего. Из-за тысячи человек весь народ погубили». Проделав такой путь, 1 сентября 1944 г. мой дед наконец-то приехал в Новосибирск.[182]

Они возвращались с фронта и искали свои семьи через спецкомендатуры или через народную молву. Многие рассказывали, что вначале приезжали в Омск, там, на вокзале или на рынке, встречали калмыков, которые сообщали, в какую именно область отправляли калмыков того или иного района из Калмыкии, и уже ехали далее на восток. На поиски родных уходило порой несколько месяцев. Как пелось в народной песне,

Салдс бор өрмгнь	Серая солдатская шинель
Шаһа цокҗ генүлнә.	Бьет по лодыжкам.
Садн-элгән хәәһәд,	В поисках своих семей
Сибирин селәд төгәлләв[183].	Сибирские села обходили.

[182] ППТП. Манджиева С.

[183] Декабрь сарин киитн // Л.И.Цебиков. Указ. соч. С.119.

2 СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ

Калмыки оказались расселенными в самых разных уголках Советского Союза. В начале февраля 1944 г. в Алтайском крае оказалось 22212 чел. (6167 семей), в Красноярском крае – 24998 чел. (7525 семей), в Новосибирской области – 16434 чел. (5435 семей), в Омской области – 27069 чел. (8353 семей), в Томской – 1848 чел. (660 семей), в Казахской ССР – 2268 чел. (648 семей). Калмыки были поселены и в северных районах страны: в Тобольском – 1377 чел. (522 семьи), в Ямало-Ненецком округе – 8548 чел. (2796 семей), в Ханты-Мансийском – 5961 чел. (1760 семей),[184] а также в Тюменской области, Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе. Счастливчиками считались те калмыки, кто попал на поселение в Киргизию, Казахстан, где коренное население было фенотипически более близким, а климат гораздо более теплым. После смерти Сталина, когда режим спецпоселения был несколько смягчен, многие стремились перебраться в Киргизию или Казахстан.

Калмыки существенно выделялись среди местных жителей. Они были иными не только внешне. Многие не говорили по-русски, поэтому коммуникации были затруднены. Прибывшие калмыки были культурно другими, часто не имели самых простых навыков и умений, даже таких простых, как умение затопить печь. Их инакость была видна сибирякам с первого взгляда.

> Было это средь зимы, которая в Сибири, как известно, без лютых морозов не бывает. А тут почти на всех незнакомцах была легкая верхняя одежда, словно на дворе стояла еще ранняя осень. Одеяние некоторых имело странный вид. Много позже я

[184] Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.31.

узнал, что на них была легкая национальная одежда. Обуты были люди тоже легко, во все кожаное. У одних сапоги на ногах, у других ботинки. Это настолько контрастировало с зимним обликом сибиряков, что непроизвольно приковывало к себе внимание. К тому же было видно, что люди измождены дорогой и голодны. Они едва держались на ногах[185].

Зимой 1944 г. в наше село Корнилово, Красноярский край, привезли 50-60 семей калмыцкой национальности. От холода и голода вымирали целыми семьями. Умершим не могли вырыть могилы, их часто оставляли под сугробами. Весной черные смоляные косы ветра́ разносили по селу, и останки умерших оставались на виду. Через некоторое время (через два-три месяца – Э.Г.) осталась только одна калмыцкая семья...[186].

Первые контакты местных жителей с калмыками были в лучшем случае настороженными, а чаще – неприязненными и даже враждебными.

Привезли нас на какую-то станцию, было холодно, нас заставили собраться в кучу и ждать. Мы сидели молча, озираясь, как звереныши в зоопарке. Несколько молодых парней вышли из дверей станции и, увидев нас, стали кричать на нас и кидать заледенелым снегом. А один подбежал к корыту и достал оттуда мокрый лед. Он дал его двоим, и они стали кидать его в нашего старика, который кричал им что-то. Они долго кидали в него, но он чудом уворачивался, и тогда один из них, разозлившись, подбежал и пнул его в лицо сапогом, старик ударил его клюкой с самодельной резной ручкой. После этого на старика набросилось еще трое, к ним присоединился и наш конвоир. Били долго, пока старик не затих и не захрипел, глотая кровь. Такой была первая встреча «новоселов»[187].

2.1. Миф о людоедах

---

185 Добряков Б.С. Мы не понимали глубины трагедии калмыцкого народа // Мы – из высланных ... С.360.

186 Я слышал стоны и плач. ИК. 28 декабря 1993.

187 ППТП. Санджиев Э.

Прибывших в сибирские места калмыков сопровождали слухи о том, что они людоеды. Бывали случаи, когда выселенцев по приезде размещали на ночь в один барак, и местные жители, спасаясь от каннибалов, заколачивали дверь и поджигали живых людей. В других деревнях в первые дни местные старики дежурили днем и ночью по очереди, с топором и ружьем.

> Моя мама очень хорошо говорила по-русски, и она рассказывала, как пацаны, которые везли нас на совхозную ферму, насмехались над нами и говорили, мол, зачем этих людоедов везти в село, лучше вывалить их в яр. На что мама ответила им, что мы такие же люди как они, и даже разжалобила их[188].
>
> Население здесь было из бывших русских кулаков. Вначале они к нам относились с опаской. Слышали, что мы людоеды, и они своих детей долго не выпускали, а нас к своему дому близко не подпускали[189].
>
> Когда мы приехали на станцию, мы все увидели подводы с людьми. Они стояли совсем далеко от нашего эшелона. Они, наверное, боялись нас, потому что мы были врагами народа. Как выяснилось позже – мне рассказали местные мальчишки – им говорили, что мы людоеды, что мы убиваем их отцов, дедов на войне. Они стояли в стороне, в ожидании увидеть своих врагов, страшных, уродливых мужиков. Но когда они увидели, что среди нас только старики, женщины, дети, они подошли поближе. Нас всех брали по очереди. Мою семью, вернее, то что от нее осталось – умер дедушка – взяли и отвезли в Табунский район в село Новиково[190].

Эти устрашающие «сведения», вероятно, распускались умышленно, ведь слухи о каннибализме опережали калмыков в их сибирских маршрутах и дошли до самых отдаленных мест. Значит, они не были случайными. Они также не могли быть

---

[188] ПМА - ДИШ. Кардонова К.Э.

[189] Дюгеева Т.Т. Не только судьбы были исковерканы, но и имена и фамилии // Мы – из высланных… С.253.

[190] ПМА – ДИШ. Очиров Г.Ц.

плодом больного воображения местных жителей, уж слишком часто в таком случае сибиряки из самых разных районов и сел упоминали людоедов.

Но это обвинение не было и просто метафорой. Оно было классическим проявлением колониального отношения к «дикарям», которое позволяло в свое время первым европейским колонизаторам безнаказанно творить с туземцами все что угодно и избегать порицания за жестокость в своей метрополии. Потому что лица, нарушившие один из трех основных запретов, позже сформулированных Фрейдом, – на убийство, инцест и каннибализм, исключаются из человеческого общества как несущие ему прямую угрозу[191].

Этот же прием сознательно или подсознательно был использован службами, призванными идеологически обосновать операцию «Улусы», ведь обвинение в измене Родине, столь нужное для партийных и правительственных документов, могло и не внушать враждебных чувств к калмыкам среди сибирского населения, привыкшего к разным каторжникам и выселенцам, неугодным Санкт-Петербургу и Москве. Среди сибиряков было немало политических ссыльных, и многие из них не столь легко поддавались официальной пропаганде и имели свое неафишируемое отношение к власти. Такие люди могли бы, наоборот, внутренне приветствовать калмыков и помогать им. К тому же о каком идеологическом обвинении могла идти речь, когда выселяли немощных стариков и неразумных младенцев, слабых женщин? Поэтому обвинять их надо было в чем-то простом и всем понятном и в то же время – особенно тяжелом, что было бы несовместимо с человеческим обликом. Однако миф о калмыках – узкоглазых людоедах был со временем развеян.

> Приехали когда, в деревне все знали, что едут людоеды. Со мной классом ниже Маша Риттер, немка-девочка, училась. Когда

[191] Из лекций И.Новиковой, прочитанных на летней школе в Форосе. Сентябрь 2002.

я появлялся на улице в деревне, она обегала за тридевять земель. Потом, чуть повзрослев, я спросил у нее: Маша, а что ты так пугалась? А как же, сказали, что везут людоедов. Казалось бы, немцев самих привезли в 41-м, а верили[192].

К нашему приезду около конторы колхоза собралась масса людей. Одна из женщин удивленно проговорила: смотрите, они такие же, как и мы, только нацмены. А говорили – одноглазые людоеды. Я сразу же отреагировал: кто вам сказал, что мы одноглазые людоеды? В ответ услышал: ты смотри! Он еще по-нашему говорит!

В связи с нашим приездом почти неделю не работала семилетняя школа. Родители боялись отпускать детей, так как слух о том, что калмыки – людоеды, вызвал у людей страх. Представитель районного отдела народного образования и директор школы попросили меня, чтобы я вместе с ними прошел по дворам и рассказал им о нас, калмыках, что наши отцы и братья воюют на фронте, что мы – обычные люди. На следующий день занятия в школе возобновились[193].

Когда нас привезли в Аральск, был пущен слух, что калмыки – людоеды и будто бы поймали на базаре калмыка, который продавал мясо человека. Как было больно слышать такую сплетню про народ, к которому ты принадлежишь. Кроме того, я еще не знал русского языка. Яша обзывал меня людоедом, а я, ничего не понимая, отзывался на его зов[194].

Но, как нередко случается в жизни, находились люди, использовавшие мифы в своих интересах. Вот описание реальной криминальной истории, которая изначально планировалась исходя из невероятного для современного человека обвинения в каннибализме.

В первые годы отношение местного населения к нам время от времени беспричинно осложнялось. Припоминаю такой нелепый инцидент. Как-то в Ужуре стали бесследно исчезать отдельные граждане. Пошла молва, что их убивают калмыки, так как они

---

[192] ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

[193] Натыров М.Н. Правление колхоза мне доверяло // Мы – из высланных… С.214.

[194] Дорджиев В.П. Верность интересам народа // Мы – из высланных… С.335.

> людоеды. Некоторые жители поселка стали относиться к нам откровенно враждебно. У нас же не было никакой возможности, чтобы пресечь сплетни и развеять подозрение. К нашему счастью, дело это открылось совершенно случайно. Школьницы-подростки, играя в прятки во дворе у одной своей подружки, которая жила на улице Рабочая, случайно нашли расчлененную женскую голову. Перепуганные девочки разбежались по домам и заявили родителям, что видели «тетенькину голову». Милиция произвела в доме обыск, обнаружила готовые к продаже котлеты, холодец. На огороде нашли закопанные человеческие кости. Выяснилось, что хозяйка дома заманивала домой разных людей, проезжавших через поселок, и убивала, а из человеческого мяса готовила на продажу «еду». Знакомым же говорила, что родственники из села Сосновка присылают ей мясопродукты на реализацию. Она же и распускала слух, что калмыки – людоеды и убийства людей – дело их рук[195].

Несмотря на чудовищность обвинения в каннибализме, оно все же было слишком абсурдным, чтобы долго продержаться. И хотя сибиряки поначалу опасались сталкиваться лицом к лицу с калмыками, все же контакты были неминуемы, как и неминуемым было развенчание мифа о людоедах, и страхи у сибиряков быстро исчезали.

2.2. Жилище

Одной из характеристик этнической или социальной группы является жилище. В каких комнатах, землянках, домах, квартирах устраивались калмыки на новых местах? Что было запланировано властью, какова была жилищная политика на местах? Жилище всегда отражает социальный и экономический статус хозяина. Жилье спецпереселенцев также отражало статус и степень адаптации в местное сообщество. В приведенных ниже рассказах ясно

[195] Гайфутдинова Ф.Ш. Меня заставляли разрушить семью // Годаев П.О. Боль памяти. С. 288-289.

прослеживается, как за тринадцать депортационных лет менялось положение калмыков и из угла чужого дома, из палатки на льду, из землянки на несколько семей люди переселялись в построенные для себя, собственные деревянные дома. Но память о депортации – память травматическая, она хранит в себе то, что прочнее связано со стрессом, поэтому она сохранила самые яркие воспоминания о жилище и о пище в экстремальных условиях. Связанная с телесностью обстановка также запомнилась надолго: сырость, холод, плохое освещение. Ретроспективный взгляд, нацеленный на период депортации, как бы провоцирует вспоминать то, что отличало калмыков от других, подчеркивая статус спецпереселенца, то, что особенно выделяло их из местного сообщества. Обычная еда и обычное жилье, такое же, как и у сибиряков, упоминаются, когда они были у других, а у калмыков отсутствовали. Как только они появляются у калмыков, уже воспринимаются как норма, о них лишь упоминают и больше не вспоминают.

Как видно из рассказов, самым легким решением для властей было принудительное расселение спецпереселенцев в сибирских семьях. Первые воспоминания – об угле в чужом доме.

> Мы приехали в село Богдановка, колхоз «Новый мир». Нас поселили в холодное, неотапливаемое помещение клуба. В этом клубе мы провели сутки. Нас пропустили через баню. Председатель колхоза расселял все семьи. Колхозникам в приказном порядке подселяли «калмыков – изменников Родины». Никто из них не хотел принимать нас. Они нас боялись, говорили, что людоедов везут, чертей с рогами, в общем, свои были сказки-присказки. Председатель колхоза прихрамывал сам, привез нас в какой-то дом, говорит: встречай, Мефодий Иванович! Тот так затылок почесал, говорит: ну что же, теперь надо ваш приказ исполнять, время-то военное. Дед был уже пожилой, говорит нам: у нас лишних кроватей нет. В доме было чисто, уютно, тепло. Мама сразу по-русски стала говорить: мы вас понимаем, вам же

сказали, везут чертей. Посмотрите, может, найдете рога у меня или моих детей? Мать никогда духом не терялась. Они удивляются, что по-русски говорит. А мама же детство в Оренбуржье провела, среди русских. – Проходите. – Если мы не черти, то людоеды, что ли? Будем голодные, так, может, и вас съедим. – У вас сил не хватит нас съесть. Это у них такая перепалка была. – Конечно, наши зубы вас не возьмут. – Проходите, вот угол для вас. Мы зашли, руки-ноги помыли. Достали свои вещи: перина пуховая, одеяла пуховые красного атласа, подушки, наволочки такие красивые, вышитые, все чистое. Простыни, пододеяльники, покрывало – все как полагается. Не угол, а пол комнаты заняли. – Ничего, ничего – говорит дед Мефодий Удовиченко, а сами спали: дед на кровати, бабушка на полатях. Они нас сразу чайком напоили. Чай, картошка и все. С первого дня подружились, может, знание русского языка, может, юмор сблизил. Мать потом говорит: если думаете, что изменники, то вот письма мужа с фронта. Бабка говорит: как тебя звать? – Клавдия Александровна. – Для нас ты будешь Клаша. Клаша, мы тебе верим[196].

Нас подселили к главному бухгалтеру колхоза Шерстюку Ивану Францевичу. Сам с Украины, он во время войны убегал от немцев и попал аж туда. В семье их было четверо. И мы до весны прожили в этой семье. Мы с братом и мамой, бабушка, наш дядя Кётяря с женой, тетей Халгой и их сын – всего семеро. Мы жили в одной комнате, не было ни одной кровати, спали все на полу, а я спал на сибирской лавке. У сибиряков вместо стульев были лавочки вдоль стены шириной 30 см. Когда мы жили дома, у нас была большая деревянная кровать. Меня укладывали к стенке, потом брата, с края ложилась мать. Я мог через брата и мать перекатиться, упасть на пол и, не просыпаясь, спать на полу. А на доске в 30 см я умудрялся спать и не падал[197].

Но после первых месяцев, а для многих и сразу надо было самим обустраивать жилье из нежилых помещений или рыть землянки после того, как земля оттаяла. Места, где калмыки селились компактно в плохо обустроенных жилищах, видимо, настолько выделялись на общем фоне своей экзотической

---

196 ПМА. Урхаева Р.К. Элиста. 2004.

197 ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

нищетой, что часто получали среди местного населения и среди самих калмыков снисходительные и ироничные названия, например, «Хотон», как назывались небольшие поселения родственников по-калмыцки, «Копай-город» или «Калмыцкая АССР».

> Из школы нас сразу переселили в заброшенный подвал – овощехранилище. Сырое, темное помещение длиной около 40-50 м. В нем мы прожили почти до осени 1944 г. Условия скотские – не описать. Можно было только смотреть со слезами на глазах. Сейчас вспоминаю и плачу. Многие умерли, не дожив до весны… Летом из взрослых калмыков создали бригаду, которую окрестили «копай-город», и заставили копать для землянок ямы глубиной около двух метров, шириной и длиной около 4-6 метров. Стены изнутри обмазали глиной, полом служило дно ямы. Для входа и выхода сделали ступеньки, как в подвал, с одной стороны маленькое окошечко, соорудили в углу печку. От таких обустройств ни света, ни тепла не получилось, но зато сырости было вдоволь. В эти землянки поселили по две-три семьи. Жить пришлось в условиях полной антисанитарии. По сравнению с жизнью в первые полгода, практически, улучшения условий быта не было. Поэтому люди сильно болели, а голод и холод еще больше усугубляли положение. И за зиму 1944-1945 гг. смерть унесла очень много калмыков. В одной нашей землянке умерли шесть человек: мои сестра Зоя, братишка Володя; из трех человек другой семьи (жена, муж и его брат) – все трое, и еще один солдат, пришедший из Широклага, но так и не успевший найти семью. Только через три-четыре года некоторые, у кого были возможности, сложили саманные домики и выбрались из землянок. Многие жили в тех землянках лет 7-8, а некоторые – вплоть до возвращения на родину. И то место, иронизируя, называли «Калмыцкая АССР».
>
> Выгрузили их в Алтайском крае, Рубцовском районе. Поселили их и еще одиннадцать семей в бараке, размером приблизительно восемь на восемь. Условия были ужасные: зимой умерших людей не хоронили, а складывали в коридоре до весны, только весной трупы хоронили, так как зимой невозможно было копать могилу; зимой ходили на кладбище ломали кресты, чтобы

> хоть как-то согреться; на все двенадцать семей было всего две пары валенок[198].

Как вспоминала моя знакомая, «бабка одна в бараке полы мыла из кружки, рукой побрызгает и подметает – это значит, она никогда на деревянном полу не жила». Рассказывали, что «в первое время жили в кошаре, где раньше держали овец»[199].

О тяжелых условиях, в которых вынуждены были жить калмыки, писали даже привыкшие ко многому государственные чиновники. Через десять месяцев после прибытия в Томскую область оказалось, что

> Спецпереселенцы, переданные для трудового использования на Томской пристани, расселены в неотремонтированных и неприспособленных для жизни в зимних условиях помещениях, в которых стены и двери не утеплены, окна не застеклены, печи не отремонтированы. Помещения содержатся грязно, имеется большая скученность. Из-за отсутствия необходимой мебели спецпереселенцы вынуждены принимать пищу и спать на полу[200].

Заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР Г.С.Завгородний докладывал в своем отчете, что «калмыки-спецпоселенцы проживали в антисанитарных условиях при отсутствии обуви, постельных принадлежностей, приусадебных участков и т.д.»[201]. Как отмечалось в одном донесении из Новосибирской области, в бараке Тимирязевского механического пункта с жилплощадью 34 кв. м. размещалось 148 чел., на каждого жильца не приходилось и 0,3 кв.м., люди размещались на нарах в два-три яруса. А в похожем помещении, площадью 28 кв. м., теснилось 131 человек[202]. Я

---

198 ППТП. Муев Б.

199 ПМА – ДИШ. Кензеева Е.П.

200 Сообщение заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова наркому речного флота СССР З.Шашкову… // Книга памяти. Ссылка калмыков… С. 176.

201 В кн. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». С.43.

202 Там же. С.61.

пытаюсь представить, как это возможно, и у меня не получается.

Местные жители не только с сочувствием отнеслись к калмыкам, но и реально помогали благоустраиваться на новом месте.

> Летом 1944 г. отец перевез нас в районный центр Чистоозерное, где он устроился работать на ремонтный завод. Сначала мы жили в маленьком однокомнатном, барачного типа домике, пристроенном к бане, а затем буквально за три-четыре воскресника рабочие завода нарезали дерна и поставили нам двухкомнатную избу. Потом пристроили и третью комнату, из сеней шел теплый переход в пригон, где содержались коровы, овцы и бычок, которого заодно с боровом забивали на зиму. Вырыли в избе и во дворе два погреба, чтобы хранить картофель и другие овощи до следующего урожая[203].
>
> Дядя Эрдня жил в тайге. Работал на лесоучастке №5 авиационного завода имени Чкалова. Калмыки жили здесь в землянках, которые напоминали дзоты: четыре столба по углам ямы, крыша накатом, вход по ступенькам вниз и одно крохотное отверстие – окошко. Скудные вещи держали в мешках, ежедневно ожидая известия о возвращения домой[204].
>
> Жили мы в отдельном домике, который кожурлинцы называли «избушкой на курьих ножках». Папа построил его сам: сделал каркас из досок в два ряда, а пустое пространство заполнил смесью из глины с соломой. Стены обмазал изнутри и снаружи, поэтому дом и заслужил такое иронично-доброе название со стороны кожурлинцев, поскольку они, как настоящие сибиряки, жили в срубах-избах и считали, что в домах из глины живут только птички[205].
>
> Желая иметь собственный дом, я взял ссуду на его строительство. Вскоре его построил и стали в нем жить, купили корову, заимели огород[206].

---

[203] ПМА – ДИШ. Кардонова К.Э.

[204] Тюрбеев Б.Э Такое не забывается // Годаев П.О. Боль памяти. С. 67.

[205] Широкова А.А. Долгая жизнь в ссылке // Мы – из высланных… С.186.

[206] Лиджиев Н.Д. Нас спасли упорство и стремление выжить // Мы – из высланных… С.153.

Мысль, что отец воюет с фашистами, а нас загнали в такую даль бедствовать и страдать, да еще и жить в скотских условиях, не выходила из головы. Оскорбляло и то, что установили режим спецучета. По сохранившемуся номеру полевой почты отца я написал ему на фронт и кое-что сообщил об условиях жизни. От него, видимо, стало известно его командиру, который написал нашему начальству о боевых заслугах своего красноармейца. Просил ли он за нас что-нибудь, не знаю. А вот реакция последовала быстро: семью с участка переселили в добротный деревянный дом главного поселка. Позже к себе мы взяли и земляков[207].

Появились дома из сосновых срубов, поставленные самими выселенцами, казавшиеся нам пределом мечты. Вот почему, наверное, снится мне наш сибирский дом из стройной, прямой, как стрела, сосны[208].

---

[207] Амнинов А.Д. Мы рано повзрослели // Мы – из высланных... С. 243.

[208] Джиляев М.М. Сибирская природа давала нам силы, вселяла надежду // Мы – из высланных... С. 62.

2.3. Пища

Как вспоминают пятьдесят лет спустя многие, в тех бесчеловечных условиях ели кожуру от картошки, ели и падаль со скотомогильников – все было[209]. В отчетах НКВД докладывалось, что «отмечено много случаев употребления калмыками в пищу трупов павших лошадей и других животных, зачастую в сыром виде»[210]. В антропологии питания есть представление о «кризисной пище», которая становится основной в чрезвычайных, кризисных ситуациях. Для калмыков в обычное «кризисное» время – во время мора, падежа скота, при стихийных бедствиях и эпидемиях такой кризисной пищей, основой питания был калмыцкий чай. Для экстремальных условий депортации – суперкризисной пищей стала падаль, которую старались по возможности каким-то образом приготовить. Шло в пищу и многое другое, что отдаленно напоминало еду, но могло заглушить постоянное чувство голода.

Этот вечер запомнился ясно:
Мяса – полное, с верхом, ведро.
Падаль? – Пусть! Но ведь все-таки – мясо!
Много лучше, чем ничего!
Этих павших овец всю зиму
Вместе с Надей Басан свежевал.
Голод валом косил скотину
Но калмыков от смерти спасал[211]!

Город, куда нас привезли, назывался Аральск. Жили мы в нескольких шагах от моря... Море нас кормило рыбой. Питались

[209] Эти годы – в памяти нашей. ИК. 27 декабря 1991.

[210] Докладная записка комиссара внутренних дел госбезопасности СССР 1-го ранга Меркулова // Книга памяти. С.150.

[211] Буджалов Е. Двери настежь, калмыки! Элиста: Джангар. 1997. С.229.

мы и потрохами рыб, которые выбрасывали за комбинатом. Точно так же жили и другие наши земляки[212].

От смерти спасла случайность. Кормили нас баландой из гнилых рыб. Надо было отрубать тухлые головы, а остальное отбирать на “суп”. Поработал так некоторое время и набрался сил[213].

До весны 1944 г. оставшиеся дожили, употребляя в пищу березовую кору, а когда начали пахать землю, ходили за плугом и собирали мерзлую картошку[214].

Первое время мы жили в землянках и питались тем, что могли добывать, собирали кору деревьев и коренья, ходили по дворам и попрошайничали, выполняли какую-нибудь мелкую работу, а так как колхоз был бедным, мы часто голодали. Наши родители, не выдержав суровых испытаний, умерли, мы остались втроем. Весной 1944 г. мальчишки натравили на маленькую племянницу собак, и от укусов и испуга она умерла[215].

Хлеба не было, благо рыба была. И по весне, когда сойдет снег, ходили мы выкапывать мерзлую картошку. Сделаем из нее лепешку, а в середине лебеду, чтобы задерживалось в желудке. Полусырую ее ели, а из глаз аж слезы текли из-за горечи[216].

Чтобы выжить, весной мы ходили собирать мерзлую картошку. Ходили также и на скотомогильники, там раскапывали трупы околевших от болезни животных в поисках мяса. Варили то, что удавалось найти. У меня в семье умерли семь человек. С 1944 по март 1945 г. я похоронила двух маленьких братишек, отца и своего грудного сына. Сын мой умер от голода. Он съел все мясо на своих пальцах (видимо обсосал до кости - Э.Г.), так как кормить его было нечем. Я была голодна, грудное молоко пропало. В период с 46 по 1950 г. я похоронила еще троих: двух детей и мать[217].

Когда я вышла из больницы, управляющий фермой Новиков, расспросив о здоровье, распорядился выдавать мне по ведру крупы, хоть она предназначалась для откорма свиней. Нам этого

---

212 Боль моя, Арал. ИК. 27 декабря 1991.

213 Судьбы моей военной половинки. ИК. 27 декабря 1991.

214 В годы темные, глухие... ИК. 29 декабря 1992.

215 ПМА – ДИШ. Катнанов Ю.Э.

216 Утаджиева А.Б. Нам помогали: кто делом, кто советом // Мы – из высланных... С.177.

217 Бадьминова А.С. Мне не дали работать учителем // Мы – из высланных... С.194.

вполне хватало, с голоду мы не померли. Мама даже обменивала крупу у соседки на молоко. Так что даже калмыцкий чай у нас был[218].

Постоянное чувство голода, жуткий холод мучили людей. Многие не перенесли этого, тяжело заболел маленький мальчик, брат Нины и Клавы. Когда они приехали в село, его сразу же положили в больницу. Ему необходимы были нормальные условия жизни. Но как их обеспечить, если местное население настроено враждебно, своих личных вещей почти нет, дети постоянно голодают? Мать устроилась на работу, но получала очень мало. Единственное, что она могла себе позволить - это одно яичко, даже не каждый день, чтобы покормить ребенка. Обычно утром она поручала дочерям купить на рынке яйцо и отнести братику, а сама приходила вечером и сидела голодная у постели больного сына до утра. Недолго прожил сын, умер, и она узнала об этом, придя в больницу навестить сына. А Нина и Клава купили яйцо и принесли малышу, но, узнав, что он умер, плакала только Нина, она была старше и уже все понимала, а младшая, Клава поняла только то, что теперь можно будет съесть яйцо…[219].

Делали мучную похлебку, дети собирали в поле колоски. Рядом раньше было зернохранилище, поэтому зимой они привозили на санках мерзлую землю, в доме промывали ее и из 5-6 больших кусков земли намывали одну-две чашки зерна[220].

Материальное и продовольственное положение калмыков в новых местах поселений было катастрофическим. Так, заместитель начальника управления НКВД по Омской области писал на имя Л. Берии: «В связи с исключительно тяжелым продовольственным обеспечением случаи опухания на почве голода калмыков-переселенцев приняли массовый характер»[221]. В первую зиму люди часто ели картофельную кожуру, предварительно очистив от грязи, жарили на печке. Многие спасались лепешками из жмыха. Ежедневной едой в Сибири была картошка, в рыболовецких хозяйствах – рыба,

---

[218] Сарангова Э.К. Степная трава пахнет горечью // Мы – из высланных… С.225.

[219] ППТП. Савченко А.

[220] ППТП. Ланцанова В.

[221] Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 57.

вернее, головы, хвосты и потроха. Чай калмыцкий варили из белоголовника, из листьев черной смородины и яблони, из трав. А еще так: можно было поджарить в чугуне горсть муки без масла, залить водой, посолить - и чай готов[222].

> Продуктов не было. Питались только хлебом и кипятком. Работающим давали 500, детям – 300, взрослым иждивенцам – 200 граммов хлеба. Чай иногда заваривали сушенной луковой кожурой[223].
>
> Еще в апреле помогали суслики: мы их ловили в капканы. Мясо и жир сусликов потом продавали, также помогала прожить и работа на колхозном поле; несколько картошек оставляли в земле, чтобы зимой выкопать и съесть[224].
>
> Самыми трудными для калмыков были первые годы после прибытия в Сибирь, особенно с жильем и питанием: ели мерзлый картофель, брюкву, турнепс, мясо павших животных, вместо чая собирали травы. Летом помогали ягоды, плоды, овощи. Постепенно научились выращивать картофель, овощи, обзаводились коровами, свиньями. И тогда уже в рационе был и хлеб, и картофель, и овощи, и мясо[225].

Даже в официальных документах органов внутренних дел в качестве факторов высокой смертности среди спецпоселенцев отмечались «полная неприспособленность к суровому климату, непривычным условиям, незнание языка»[226]. Нельзя равнодушно читать опубликованные недавно документы тех лет, например, о вопиющих фактах жестокого обращения со спецпереселенцами, изложенных сухим языком такого казенного документа как «письмо заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова наркому лесной промышленной СССР о тяжелом положении спецпереселенцев-калмыков на Тимирязевском мехлесопункте треста «Томлес»:

---

222 Церенов Б. Боль моя, Арал. ИК. 27 декабря 1991.

223 Лукшанов Е.Ш. Жили в землянках слово зверьки в норах // Мы – из высланных... С.154.

224 ППТП. Муев Б.

225 Каталаева Б.М. Сибиряки относились к нам благожелательно // Мы – из высланных... С. 70.

226 Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.30.

> Медицинская помощь больным не оказывается. Смертность возросла до 7,6%. Руководство мехлесопункта без оснований лишает спецпереселенцев – калмыков продовольственных карточек и права пользоваться столовой. Так, например, калмычка Наранова Цаган, работавшая на производстве и выполнявшая норму, 3 мая заболела и не вышла на работу, за что была лишена хлебных талонов в течение одиннадцати дней. В момент обследования она обнаружена истощенной и опухшей.
>
> Выписанный из больницы после перенесенного тифа Болдырев Халга получил освобождение от работы после болезни. Зам. начальника мехлесопункта Корзунь лишил его вместе с престарелой матерью Болдыревой Ользет, 64 лет, хлебных талонов и права пользоваться столовой, в связи с чем спустя десять дней Болдырева умерла от истощения. Подобные случаи не единичны[227].

Новая жизнь изменила систему питания калмыков, которая не могла оставаться мясо-молочной в своей основе. Калмыки переходили на те продукты, которые были доступны в новой экологической среде – в первую очередь это был картофель. Как рассказывал в 2001 г. Н.Убушиев, «я теперь картошку по внешнему виду определю, какая она на вкус». При этом старики так и не смогли оценить вкус местной пищи – ягод, грибов. «Нам, детям, было все равно, какое мясо кушать, а старикам все казалось, что вкус мяса не такой, все им не нравилось»[228]. Видимо, вкусовые ощущения, как телесные, помнятся долго. Также и интернированным американцам японского происхождения было трудно в лагерях, им предлагалась американская пища типа сыра или мамалыги, которую до этого они не ели. Многие из них запомнили на всю жизнь как унижение: идти в столовую по звонку, стоять в очереди за едой, принудительное меню. Хотя тяготы были относительны: калмыки порой питались падалью, а американцев возмущало однообразие – консервированные

---

227 Ссылка калмыков: как это было. Т.1. Кн. 1. С.158.

228 ПМА. Корнусов Б.М. Элиста. 2001.

сосиски на завтрак, обед и ужин. Кроме того, в отличие от калмыков – советских граждан американцев японского происхождения оскорблял сам факт «бесплатной еды», уподоблявший их нищим[229].

Калмыков бесплатная еда не оскорбляла. Их нищенское положение в те годы делало невозможным отказ от любой еды: от сомнительной по качеству, от ворованной. Еда означала жизнь, кусочек хлеба – еще одни прожитые сутки.

> Путь наш по океану продолжался полтора месяца. Все это время люди получали скудный паек. На сутки выдавали чуть-чуть сухарей, хорошо, если ломтиками, а то доставались крошки от них, кусочек селедки соленой и кружка воды. Для многих это была вся еда. Глаза человека всегда выдавали его голод. Если приходилось что-то есть под их взглядом, то пища будто застревала в горле. И невозможно было не поделиться, хотя бы самой маленькой крошкой…
>
> В Минусинском районе мы попали в самый отсталый колхоз, в село Потрошилово. Работа в колхозе была почти даром. Ночами я обшивала местных. Расплачивались продуктами. Когда уезжали из Потрошилова, взяли с собой полмешка муки ручного помола. Это уже была моя подработка. Ею и спасались на длинном пути к океану. Приходилось изощряться, чтобы испечь какое-то подобие лепешки. Потому что на камбуз нас не пускали. Бывало, замешу тесто и бегу на верхнюю палубу. Налеплю его на дымоходную трубу и жду, пока тесто коркой не затянется. Почти сырое тесто служило нам дополнительным пропитанием. Недалеко от мыса Челюскин, попав в заторы, пароход наш некоторое время стоял. Наиболее шустрые из тех, кому еще силы позволяли, выбрались на лед и стали обшаривать местность. Обнаружили место промысла на тюленя. Здесь подобрали куски жира, и в нашем промысле появился тюлений жир. Все-таки мы упросили растопить его на кухне[230].
>
> Председатель колхоза старался поддержать нас, помочь чем-нибудь. Бывало, он тайком от жены прятал горячие пирожки за пазухой, улучив момент, спешил огородами к нам, чтобы

---

[229] Takezawa Y. Breaking the Silence. P. 87.

[230] Нохашкиева О.Б. Последняя воля матери // Годаев П.О. Боль памяти. С. 140.

угостить нас. Жена его удивлялась: где пирожки? А он, не моргнув глазом, утверждал: я все съел. Те пирожки для нас до сих пор дороже и вкуснее всех лакомств, которые мы позже вкусили в годы благополучной жизни… В 45-м г. вернулся с фронта раненый брат Михаил. Привез нам гостинцы – по одному бублику и кусочку сахара. Какой это был подарок для нас, даже хлеба не видевших! Мы боялись его откусить, лизнем уголок кусочка и держим его в руке, смотрим, потом снова повторяем и так тянули удовольствие. Когда чуть обжились, многие калмыки каким-то образом стали доставать кирпичный чай, а он был завернут в фольгу. Я ее разглаживала ложкой, потом разрезала на ровные пластинки и эти золотинки обменивала на картошку или кусочек лепешки. То, что обменяю, положу в карман фуфайки и несу домой маме и племяннику[231].

С наступлением весны и лета стала ходить в лес с соседскими ребятишками за ягодами, грибами, а осенью – в кедровник. Сбивали колотушками орехи, жарили их на костре, и вкуснее, казалось, ничего и не было. Можно сказать, что с весны до наступления зимы нас кормили и поили земля и лес. А вот с наступлением холодов, лютых морозов сидели на картошке, что запасли загодя[232].

Одним из основных продуктов питания стал картофель, многие калмыки научились есть рыбу, борщ, щи, каши, грибы, кедровые орехи, ягоды, яйца диких уток. Квашеная капуста, соленые огурцы, сибирские пельмени с тех пор вошли в ежедневный рацион калмыцких семей. Но как только голод отступил и жизнь стала налаживаться, люди пытались вернуться к калмыцкой еде и напиткам. Семьи, выселенные в Среднюю Азию и Казахстан, переняли там местные блюда – плов и манты. Как вспоминали, некоторые смогли в Сибири наладить даже домашнее производство молочной водки, для которого требовалось избыточное количество молока. Конечно,

---

[231] Иванова С.М. Как мы выжили в ссылке // Мы – из высланных… С.139.

[232] Китляева Н.Н. Весь колхоз поднимал сироту-калмычку // Мы – из высланных… С.255.

такое было возможно только в компактном калмыцком поселении.

> Нас в поселении было много. Мы старались поддерживать свои традиции. Конечно, в меру возможностей. В дни калмыцких праздников, пусть даже иногда почти условно, но заглядывали друг к другу и отмечали. Одно время даже приспособились гнать калмыцкую молочную водку. Закоперщиками были моя бабушка Эренжен Парскановна и ее приятельница, мать Цагады Ункурова. Они хорошо знали свое дело, а молока хватало, так как сибирские коровы отличались высокой молочностью. Поэтому удавалось произвести популярный напиток не только на собственные нужды, но оставался он и для угощения гостей. Сказать к слову, Цагада в Тюменском облторготделе занимал высокую должность. Думаю, не ошибусь, предположив, что его сослуживцы имели возможность продегустировать калмыцкую араку[233].

2.4. Занятия

В этот период калмыкам пришлось освоить непривычные для себя занятия, поскольку новые условия не позволяли заниматься традиционным трудом. Из общего числа спецпоселенцев числилось на работе в разных отраслях народного хозяйства 45985 калмыков, из них:

– в сельском хозяйстве – 28107,

– в горнорудной и золотодобывающей промышленности – 1632,

– в угольной – 784,

– в бумажной и деревообрабатывающей промышленности – 259,

– на предприятиях других ведомств – 8608 чел.[234].

---

[233] Амнинов А.Д. Мы рано повзрослели // Мы – из высланных… С.244.

[234] Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.83.

Все были вынуждены упорно трудиться от зари и до зари, но было важно, где этот труд прилагался. За одну и ту же работу оплата в колхозе и совхозе существенно различалась. Опытные люди, бывшие руководители хозяйств, зная об этом, сразу просились на предприятия, находящиеся в государственной собственности.

> Привезли нас в Чулымский район Новосибирской области. Надо же было такому случиться, что мы попали в один из самых захудалых колхозов, которые даже за работу ничего не могли дать кроме трудодней. А этими палочками, которые записывали в ведомости, кормиться ведь не будешь. Сейчас даже вспоминать тяжело о том времени: чем мы кормились, во что одевались, чем прикрывались, ложась спать в зимнюю стужу. А многие ведь тогда умерли.
>
> Потом нам удалось переехать в совхоз, где порядок оплаты труда был другой. Мы стали иметь заработок. Но чтобы себя прокормить, нужно было работать с утра до ночи. И я работала наравне с взрослыми. Помогало то, что я сизмальства приучалась к черновой работе. Но бывало, уставала до того, что ноги заплетались, хоть падай на землю и лежи[235].

Лесная промышленность тех лет была практически единственной приносящей валюту отраслью народного хозяйства СССР. Поэтому всех трудоспособных спецпереселенцев старались направить на лесозаготовительные предприятия. Женщины, которые никогда до того не работали в общественном производстве, должны были идти на ту работу, на которую посылали местные власти, – лесоповал.

> Нам говорят: вы будете лес пилить на участке, веники делать, потом этот лес сплавлять будете, мы вас научим. Будете плоты строить и на Самаринский рыбокомбинат возить лес. Вот это ваша основная работа. – Мы никогда деревьев не видели, как

---

[235] Нильцеренгова Г.Б. Мои дети и внуки – дар судьбы // Мы – из высланных… С.158.

к ним подходить? Дерево упадет, нас убьет. – Ничего, вам все бригадир расскажет. С какой стороны подходить, с какой стороны подпилить, когда ветрено. Научит, как сучья убрать, как потом пилить, на какие размеры, как правильно укладывать. У вас будет норма, трудодень надо будет вырабатывать. Если неправильно сложите, придется заново перекладывать. Научат, как правильно основания сделать, как это будет наращиваться. Как правильно делянки прочищать, чтобы за вами хворост не оставался.

В общем, наши мамы, сестры стали лесорубами, пилили все вручную. Тогда же не было электропил. Ладно, летом, а зимой – по колено в снегу, норму же надо выполнять. Хорошо, что все женщины были молоды[236].

Зимой всех молодых девушек отправляли на лесоповал. Каждый день с пилой, с топором на поясе, на лыжах мы добирались до леса. Если мы до темноты не успевали вернуться домой, зарывались в сугроб и так ночевали. И так всю зиму[237].

Они попали в Новосибирскую область, где Булгун устроилась работать на лесоповале. Жизнь была очень тяжелой, житье в бараке, постоянное голодание, антисанитария отрицательно влияли на состояние здоровья, но Булгун стойко переносила тяготы, борясь за жизнь сестры и свою. Как оказалось, это было только начало ее мучений. Примерно спустя два года после приезда в Сибирь Булгун постигло несчастье, на лесоповале на нее упало дерево, оставив ее на всю жизнь калекой. Около года она не могла работать, выжила лишь благодаря помощи сибиряков и врачей, но навсегда она перестала расти, так и осталась ниже нормального роста, с горбом на спине[238].

Норма на лесоповале была двенадцать кубометров дров, а норма хлеба – 600 граммов и выдавали только в том случае, если была выполнена норма лесозаготовки. Если нормы нет, то и хлеба не давали. Заставляли выполнять норму под страхом голодной смерти.

В 1946 г. нас снова погнали дальше, так как деловой лес на нашем участке кончился. Нашу и еще две семьи калмыков отправили на Тупик. Тупик – это название станции, где мы жили.

---

236 ПМА. Урхаева Р.К. Элиста. 2004.

237 ППТП. Аноним.

238 ППТП. Иджаева Б.

> Здесь снова стали работать на лесоповале. Летом меня направляли даже на лесосплав, где работа еще тяжелее и опаснее. Жили мы очень трудно. За работу деньги нам не платили. Зато заставляли подписываться на госзаем и выдавали облигации. А что с ними делать, на них ведь продуктов или одежды не купишь. Поэтому в свободное время я ходила к начальству мыть полы, убирать скотные дворы. Всю эту работу я делала за тарелку борща или за старую ситцевую юбку и другие обноски. Вскоре выяснилось, что главный бухгалтер и инженер занимались махинациями… Новое начальство значительно улучшило наше положение. Стали платить заработную плату, а в 1949 г. я впервые получила отпуск[239].

При этом многие женщины, которые взяли с собой швейную машину, подрабатывали индивидуальными заказами на пошив одежды, поскольку «сибирячки ведь шить особенно не умели». Как рассказывала мне знакомая, ее бабушка, хорошо умевшая шить, в Сибири шла со швейной машиной в деревню, где в течение недели обшивала ее жителей, а потом возвращалась с мешком продуктов для всей семьи. Опыт пошива на заказ как способ прокормить семью был довольно распространен, так же кормили свои семьи калмычки в белой эмиграции. Почти все женщины, кто сумел захватить из дома швейную машинку, зарабатывали шитьем, и их семьи не голодали.

> Для того чтобы прокормить семью, бабушка брала работу. Она получала рваные полушубки, перекрашивала и перешивала вручную, то есть превращала их в целые. Из лоскутков шила длинные теплые варежки и продавала или меняла на ведро картошки или две булки хлеба на станции[240].

Из всех хозяйственных навыков в новых условиях мужчинам и женщинам пригодился рыболовецкий и

---

239 Кокрушева М.Д. Мы страдали по вине всяких начальников // Мы – из высланных… С.71.

240 ППТП. Эрдниева Б.

животноводческий опыт. Более трех тысяч семей рыбаков были расселены в рыбопромышленных районах, в Красноярском рыбтресте – 2100 семей и Таймырском – 900. Нашлась работа для калмыков в рыболовецких колхозах и других областей. Имевшийся опыт дополнялся новым, приобретенным в новых экономических и экологических условиях. Как отчитывались в октябре 1945 г. в ОСП НКВД СССР офицеры НКВД по Тюменской области,

> отношение к труду спецпереселенцев-калмыков, занятых на работах в промышленности и сельском хозяйстве, в целом по области удовлетворительное. Новые для них производственные процессы большинством спецпереселенцев-калмыков освоены, нормы выработки выполняются в среднем на100-120%. …Так, бригада калмыка Джанова Сергея на сеноуборке нормы выработки выполняла на 160%… Особенно хорошие показатели в работе имеют спецпереселенцы-калмыки, занятые на работах в рыбной промышленности Севера. В Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого округа все спецпереселенцы-калмыки, занятые в рыбной промышленности на работах по рыбодобыче и рыбообработке, нормы выработки выполняют до 130%… Бригады калмыков Уманджиева, Лиджиева, Бабаева, Цеглинова и др. нормы выработки выполняют свыше 160%. В Нахрачинском и Учинском рыбозаводах (Кондинский район) все трудоспособные калмыки к труду относятся добросовестно, отдельные спецпереселенцы нормы выработки выполняют до 180%. Так, рыбак Очиров план рыбодобычи выполняет на 150%, рыбак Гаврилов на 180%.
>
> В городе Салехарде Ямало-Ненецкого округа спецпереселенцы-калмыки достигли хороших показателей в работе. Среди них имеется 55 человек стахановцев и 47 ударников. Калмычка Дорджиева Байха нормы выработки выполняет на 234%…
>
> Но наряду с хорошими показателями в работе часть спецпереселенцев-калмыков к труду относится неудовлетворительно, нормы выработки не выполняет – заработок последних очень низок. Основными причинами этого служат необеспеченность спецпереселенцев одеждой и обувью,

а также тяжелые материальные условия. Фактов массового уклонения спецпереселенцев-калмыков от работы нет[241].

Когда их привезли в Тюменскую область, прабабушка нанялась на работу к одной сибирячке ухаживать и доить коров. Часть молока она брала себе и варила калмыцкий чай. После некоторого времени сибирячка признала, что ее коровы никогда не были такими ухоженными, они почти блестели. И сибирячка за это подарила прабабушке одну корову[242].

Работать пришлось повсюду: и в полеводстве, и в животноводстве. По молодости интересно было работать телятницей, ухаживать за молоденькими телятами, выпаивать их. Грязнее и труднее всего было на свинарнике. Ответственнее всего чувствовала я себя, когда назначили дояркой. Здесь нужно было дать высокий удой, добиться хорошей жирности молока. А для этого старалась выдоить все до последней капли молоко у каждой буренки. Кроме того, и санитарные нормы требовалось соблюдать[243].

Маму определили на работу в свинарник и, если не хватало доярок, то ее направляли временно на ферму, где содержали дойных коров. Ей было тогда лет сорок, она не боялась никакой тяжелой работы. Одетая в фуфайку, ватные брюки и резиновые сапоги, убирала навоз в скотных дворах, вывозила их в хранилища и в поле. Относились к ней ровно, ценили за трудолюбие, и потому она быстро нашла общий язык с работниками ферм – русскими и немецкими женщинами. Они ее жалели и по возможности помогали. Колхозницы из общего удоя себе забирали в бидоны немного молока, иногда сметану, ей нельзя было нести в открытую свой бидон. Если ее поймают, то тюрьма ей обеспечена. Так, женщины – русские и немки – брали ее бидон, относили ближе к дому, а там дети уже ждали эту передачу и, таясь от чужих глаз, быстро заносили в дом. Потом ее совсем перевели в дойный гурт. Это уже было спасением для нас. Но одной работать на всю семью было очень трудно, и в следующую весну бабушка определила Гордея пастухом частного скота. Хозяева рассчитывались кто деньгами, кто картошкой или

---

[241] Докладная записка начальника УНКВД по Тюменской области Шеварова начальнику ОСП НКВД СССР Кузнецову о положении калмыков-спецпереселенцев в Тюменской области // Книга памяти. Т.1. Кн. 1. С.199.

[242] ППТП. Цеденова Б.

[243] Нильцеренгова Г.Б. Указ. соч. С.158.

> молочными продуктами. Брат очень старался быть хорошим пастухом, и, слава Богу, за все время его работы не было потерь или падежа скота, нападения волка. Гордей вовремя пригонял стадо в село, и его старание ценилось населением[244].

В отношении к труду, часто принудительному, калмыки отличались от чеченцев и ингушей, у которых была иная стратегия и этика сопротивления – в виде отказа выходить на работу или, по крайней мере, работать не так, как требовали власти. Так, в небольших городах Джексы и Есиль до четверти чеченских мужчин трудоспособного возраста нигде не работали[245]. Калмыки в Сибири старались прилежным трудом доказывать свою лояльность государству. В своих воспоминаниях они всегда упоминают о местах, занятых в соцсоревнованиях, о почетных грамотах и знаках отличия за примерный труд.

Многие люди, на вопрос, как проводили досуг, отвечали, что свободного времени у них не было. Только тяжелый труд позволял сводить концы с концами. Как пелось в народной песне:

Черногорск гидг балһснасн	В городе под названием Черногорск
Чолуна көдлмшт одувдн	Мы ходили на каменные работы…
Чолуна көдлмшт одувчн	Пока мы ходили на каменные работы,
Чидл-насан өгүвидн[246].	Годы и силы ушли.

> Я работала с четырех утра до поздней ночи: рубила лес, с утра собирала ягоды в лесу и до работы старалась продать, а после работы и в воскресенье косила траву, копала огороды для других людей, делала все то, что давало хоть какой-нибудь доход. К 18 годам мне удалось приобрести небольшой домик и

244 Налаева Н.А. Мы настойчиво пробивали себе дорогу в жизни // Мы – из высланных… С.210.

245 Поль М. «Неужели эти земли нашей могилой станут?» Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944-1957 гг.). С.173.

246 Попова В. // Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. С.2.

корову благодаря тяжелому почти 20-часовому рабочему дню. В свободное время я постоянно работала[247].

Я одна работала в нашей семье, так как мама болела, а все остальные были или очень маленькие или очень старые. Я работала и на лесозаготовке, и телятницей, и дояркой, и пасла коров. От тяжелого труда валилась с ног, так что однажды я не заметила, как умерла моя бабушка, спавшая рядом со мной[248].

Через некоторое время мы переехали в колхоз «Доброволец», где мама стала работать на лисьей ферме. Я с местными ребятами работала в поле: возили зерно из-под комбайна. Мне было тогда 11. Во время сенокоса подвозили копны к стогам, чем помогали не только колхозу, но и себе, зарабатывали на пропитание. В колхозе ведь в те годы жилось очень скудно. По этой же причине, уже поздно ночью, мама подрабатывала. Она, будучи искусной мастерицей, пряла, вязала различные вещи на заказ, я готовила для нее шерсть: чистила, стирала, сушила. Бывало, что работала на небольшом огороде, где выращивали морковь, картофель. Зарабатывали вместе с соседским мальчиком – калмыком Колей молоко, творог или сметану, наполняя людям бочки, бадьи водой[249].

Мы, дети, осенью собирали колоски после уборки урожая, весной – мерзлую картошку, оставшуюся на полях, т.к. осенью после уборки картофеля поля сразу же покрывались снегом. Взрослые в колхозе зарабатывали трудодни, на которые давали немного зерна и овощей. Домашними животными обзавелись лет через семь-восемь, а некоторые и десять лет жили без молока и других животных продуктов. Мясо, конечно, мы вообще редко ели. Самая лучшая пища для нас всегда была картошка, иногда стакан молока и хлеб.

Большинство калмыков в свободное время читали, если находили книги или журналы на русском языке, изредка ходили в кино, еще немое тогда привозили, ходили в гости друг к другу. Женщины постоянно что-то шили, латали, вязали, штопали. А мужчин – калмыков вообще мало помню, говорили, что их с армии вообще всех согнали в концлагеря на Урале, там многие умерли от болезней и непосильного труда[250].

---

[247] ПМА – ДИШ. Ункова Н.Ч.

[248] ПМА – ДИШ. Тагирова Б.У.

[249] Китляева Н.Н. Весь колхоз поднимал сироту-калмычку // Мы - из высланных… С.255.

[250] ПМА – ДИШ. Мамонова В.Д.

В семье работали отец ночью, а мать днем, потому что валенки были одни на всю семью. В 1944 г. нам выдали четыре метра мешковины и телочку. Мать сшила платье, но чулок не было, и она обматывала себя старьем[251].

Похоронив отца с болью в сердце, бабушка полностью отдалась работе. В свободное время она стала шить на заказ. Шила платья, рубашки, штаны, тулупы для мужчин, вязала платки, кружевные оборки для покрывала на кровать, носки и так далее. За ее работу русские женщины приносили еду. У нее было все, что нужно человеку, чтобы выжить в этом суровом климате[252].

Бабушка попала в рыболовецкую бригаду. В первый же день ей дали кирку и велели рубить лед. Она не знала для чего это, но, тем не менее, рубила лед усердно. Потом пришли еще две женщины, уже русские. Они с опаской подошли к ней, увидели, что она нормальный человек, объяснили, что надо делать и как. Так они проработали целый день. Стоя в холодной воде, сачком выбирали ледяное крошево, рубили лунки для подводного лова рыбы. Рыбы было много, работать приходилось от зари и дотемна, получая за это 800 граммов хлеба. Их надо было еще разделить на двух сестер, которые не работали, и на мать, которая болела. Так она работала до весны. Весной бабушку посадили на весла лодки, которая раскидывала сети недалеко от берега. Было очень тяжело вытаскивать из воды мокрые сети, полные рыбы. Затем эту рыбу отвозили на приемный пункт, распределяли по видам, взвешивали и сдавали. В зависимости от выполнения плана им оплачивали наряд продуктами. Так она проработала два года. Затем ее перевели работать на молочно-товарную ферму. Но уже болели руки, ноги, поясница – она заболела ревматизмом[253].

Нас отправили в Уватский район, который гораздо севернее Тюмени. Для нас, бедствующим, это оказалось спасением. Я стал работать на рыбоучастке Максимовского рабозавода, добыча была хорошая, поэтому и нам доставалось рыбы вдоволь. Здесь же оказались настоящие знатоки рыбного дела, калмыки-приволжцы. Они меня научили не только секретам промысла, умению правильно ориентироваться на реке при любых сложных

251 ПМА - ДИШ. Эрдниева Э.Н.
252 ППТП. Хулаева Г.
253 ППТП. Манджиев М.

погодных условиях. Даже тому, как можно «выдоить» часть черной икры из осетровой рыбы, не повредив саму особь. Дела складывались удачно, и меня назначили бригадиром неводного лова. В бригаде одиннадцать человек, работали дружно. Мать стала поварничать. Так что к новым условиям на чужбине понемногу приспособились. Кроме того, нас, работающих на гослове, обеспечивали неплохо и продуктами, и промтоварами. А у меня дела на работе складывались хорошо. План лова всегда перевыполняли, поэтому бригада была на виду. И меня отмечали в числе лучших бригадиров. А потом предложили пройти подготовку на шкипера, я согласился. После курсов принял плашкоут с изометрической установкой и стал с Уватского завода возить в Тобольск свежезамороженную рыбу. Обратным рейсом везли продовольствие, промышленные и хозяйственные товары. Так что работы хватало, да и ответственность была большая. Иртыш – река многоводная, при плохой погоде условия для судоходства усложняются, и всегда надо быть начеку. Навигационный период на ней очень оживленный. И крупные, и малые суда идут круглые сутки в оба конца. Но и тут я в грязь лицом не ударил. Команда моя снова ходила в первых рядах[254].

Попали в Ханты-Мансийский национальный округ, в рабочий поселок Березово, где с 15 лет начала работать на Березовском рыбзаводе. Село Березово находилось в 15 км от Салехарда. В летний сезон там занимались ловлей рыбы, а зимой заготавливали лес. С 1945 по 1957 г. Соня Павлова проработала на таких рыбных угодьях, как Лотпан, Сартынпан, Нюрик, Кузьминские и Козловские места. Лес же заготавливали на Люкарских, Новинских, Малевских, Бобровских лесоучастках. Рыбу добывали на рыбацких песках (места по берегу Иртыша и Оби), путь к которым лежал через топи в разливах этих рек. Один неосторожный шаг – и человек увязал с головой. Поэтому на ловлю ходили лишь с опытными рыбаками, связавшись общей бечевой. Однажды два сезона подряд пришлось ловить рыбу подледным ловом. Во льду толщиной в 1,5 – 2 метра выдалбливали майны: проруби в 2 метра длиной и в полметра шириной. В них опускали сети, обвешанные грузами, или «кибасами», в двести грамм на каждые двадцать сантиметров. Вместе с рыбой сеть из майны шла очень тяжело. Но приходилось

[254] Амнинов А.Д. Мы рано повзрослели // Мы – из высланных… С.243.

тянуть. Да это еще полбеды. Со всех сторон дул ветер, а мороз был в 40-50 градусов. Руки белели и покрывались ледяной коркой. Чтобы отогреть руки, их засовывали под одежду и прижимали к животу. Было холодно, словно притрагиваешься к кускам льда. А отогрев их чуть-чуть, снова принимались за работу[255].

Калмыки-степняки в Сибири приобрели первый опыт огородничества. Конечно, в голодное время выбирать не приходилось, и калмыки учились у соседей необходимым земледельческим знаниям и навыкам. С другой стороны, этому способствовали решение государства поддержать вымирающий от голода народ и проводимая «агитация о необходимости заниматься разведением своих огородов на выделенных земельных участках. Так, только в Новосибирской области в 1945 г. было обработано 575 га индивидуальных огородов, а в 1946 г. – уже 777 га»[256].

Самым трудным было освоение земли: выкорчевывали деревья и кустарники, снимали дерн, потом только перекапывали землю и получался огород. В подготовленную землю в первый год сеяли просо или рожь, в следующие годы сажали картофель. Картошка хорошо росла, особенно «берлинка». Просо рушили и превращали в пшено. Рожь толкли в ступках, мололи на муку в жернове… Так постепенно привыкали к сибирскому холоду, труду, образу жизни[257].

В 1949 г. я построил себе дом. Появился свой огород в 15 соток, где сажали картошку. Снимали отменный урожай. 2-3 куста давали ведро картофеля. Под полом дома был большой подвал кубов на 15. Осенью он полностью заполнялся картошкой. Держали и дойную козу. Постепенно жизнь стала налаживаться[258].

---

255 ППТП. Демиденко А.

256 Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.50.

257 Джамбаев В.М. Через века в Калмыцких мысах // Мы – из высланных… С.36.

258 Кушинов Л.Д. Комендант уверял, что меня в техникум не примут // Мы – из высланных… С.73.

Изменение в социально-профессиональной структуре среди калмыков было заметно уже в те годы. Так, Д.Пюрвеев писал в 1952 г.: «И теперь калмыки не те, что вы знали 10-15 лет тому назад. Они теперь работают на крупных заводах и фабриках, они пользуются железной дорогой, они работают в высокомеханизированных совхозах, МТС-ах и они общаются со многими советскими народностями. На этой основе у них расширился кругозор, выросло сознание…»[259].

> Я работала колхозной рабочей, летом в поле собирала урожай, даже управляла трактором и комбайном[260].

Работа, производственный процесс, если приходился человеку по душе, то становился отдушиной, увлекал и помогал смотреть на миропорядок иначе.

> Я поначалу занялся промыслом. Ставил петли, силки, ловил куропаток, зайцев. Но затем сестра отвела меня к директору рыбозавода Николаенко Сергею Петровичу, полковнику в отставке, в целом неплохому человеку, чтобы меня приняли на постоянную работу. И с того времени я был постоянно в командировках, помогал бригадам рыбаков, разбросанных по побережью Хантайского озера и на десятки и сотни верст вдоль Енисея, Хантая, по рекам и озерам Долгано-Ненецкого и Ямало-Ненецкого округа. Здесь научился ездить на оленьих, на собачьих упряжках. Туда возили соль, продукты, оттуда – рыбу. Научился есть строганину из мороженой рыбы, оленины, пить кровь свежезабитого оленя, есть загубину – свежатину по-ненецки. Помню, с манси у нас было одно схожее слово «*ганз*» – трубка. Приходилось попутно развозить также рыбакам почту, зарплату. Так, почти все ненцы, манси, эвенки, в ведомостях на зарплату ставили не подписи, а свои особые знаки: кто ставил крест, кто – стрелу, кто – чум, кто – нарты, зверей и т.д. И еще они говорили: не надо нам красивые бумажки, давай табак, чай, соль, огненную воду – спирт и др. Труд рыбака в тундре, особенно зимой, неимоверно тяжелый. Вокруг морозы до сорока

---

[259] Пюрвеев Д.П. Книга памяти. Т.1. С.205.

[260] ПМА – ДИШ. Опиева Е.Н.

> градусов, ветры, пурга. Лунки, проруби быстро замерзали. Но, тем не менее, рыбу ловили. Чаще всего на Енисее и в его устье была такая рыба, как пилетка, черс, сиг, омуль и др., особенно ценилась рыба с эвенкийским названием «тыпте», рыба из ценных красных пород, шедшая за границу. Ее из Дудинки увозили чаще всего самолетом. Будучи рыбаком, я освоил так называемую глазировку рыбы – способ сохранения высоких качеств свежезамороженной рыбы.
>
> Приходилось не раз ночевать в зимней тундре. Если заставала тебя пурга, то надо было остановить собак, оленей и зарыться в снег, подложив под себя ветки, мох. Из-за недостатка витаминов нападала цинга. Летом было полегче, появлялись ягоды – морошка, голубика, травы, прилетали птицы. Но ведь заполярное лето очень короткое, да еще мучили мошкара, комары[261].

Среди калмыков-спецпереселенцев были специалисты с высшим образованием. Часто на местах выселения они оказывались желанными профессионалами, и в отсутствие местных профессионалов им доверялась ответственная работа. Многие калмыки в сибирской глуши стали преподавателями средних и восьмилетних школ. Как вспоминала калмычка, учительница усть-абаканской школы: «Учить мне пришлось в основном детей спецпереселенцев: немцев, прибалтийцев, западных украинцев и белорусов»[262].

> Молодежь в совхозе была в основном малограмотной, никаких “культурных очагов” не было... После знакомства с ними я стал ненавязчиво проводить беседы о культуре слова, поведении на улице, в быту... Установили с ребятами перекладину, качели, гигантские шаги, разбили волейбольную площадку. Договорился с учителями об организации в школе танцев, организовал драмкружок...[263]
>
> На партийных собраниях присутствовать было достаточно тяжело. Дело в том, что на них очень часто говорили, что 20 %

[261] Майоров С.Г. В зимней тундре спасался, зарывшись в снег // Мы – из высланных ... С.320.

[262] Судьба моя счастливая. КК. 6 апреля 1989.

[263] Выжил и не сломился. ИК. 28 декабря 1993.

> населения Новокузнецка – депортированные, и поэтому надо быть особенно бдительными. Да и в пединституте, то затихая, то усиливаясь, шли кулуарные разговоры, почему депортированный калмык возглавляет исторический факультет, неужели нельзя найти русского и т.д.[264]

Образовательный и культурный уровень выселенных калмыков порой был выше, чем у местного населения. Вот воспоминания подростка Ференца Надя, в то время жившего в Сибири.

> На элеваторе у нас работала очень красивая женщина (калмычка), она резко выделялась среди окружающих своими манерами, умением выглядеть элегантно. Я не помню сейчас, кем она была до Сибири, но что она была хорошо образованной женщиной – это точно. Она разговаривала с казахами, татарами на их родном языке, хорошо, без акцента говорила по-русски. Как-то я сидел и готовил уроки, мне тяжело давались геометрия и алгебра. Женщина эта как раз зашла к нам в машинное отделение. Спросила меня, над чем я мучаюсь, и легко и просто объяснила мне теоремы. Потом я не раз просил ее помочь мне в решении задач.
>
> На элеваторе работал грузчиком калмык средних лет, у него было прозвище – «Пушкин». Когда наши двигатели стояли, этот калмык читал нам вслух стихи – Пушкина, Лермонтова. За это и за его курчавые волосы его и прозвали Пушкиным. Наше машинное отделение было ответственно за стенгазету. «Пушкина» мы попросили ее редактировать, и кроме этого он писал в газету шуточные стихи[265].

В отличие от части сосланных чеченцев и ингушей, пытавшихся избегать интеграции в советское общество, для чего они стремились не регистрировать новорожденных детей, позже не посылать их в школу, а молодежь предпочитала не вступать в комсомол[266], практически все калмыки изо всех сил

---

264 Эрдниев У.Э. Ссыльный калмык во главе факультета // Мы – из высланных... С.44.

265 Надь Ф. Помнит земля сибирская. КК. 13 августа 1988.

266 Поль М. Указ. соч. С.175.

старались быть не хуже других советских людей. Они заводили дружеские отношения с соседями, сослуживцами, одноклассниками, отмечали праздники и участвовали в самодеятельности и других видах общественной жизни. В этой стратегии интеграции через сверхусилия они были похожи на интернированных американцев японского происхождения, которые стремились доказать свою легитимность большому обществу сверхтрудолюбием и ответственностью.

2.5. Комендатура

Самой тягостной повинностью для всех совершеннолетних калмыков, как свидетельствуют многие воспоминания, было ежемесячное посещение комендатуры. Чтобы доказать, что калмык не сбежал с места приписки, ему приходилось с 16-летнего возраста каждый месяц в назначенный день и час являться в местную комендатуру для регистрации. Эта процедура воспринималась как наиболее унизительная, она ежемесячно напоминала человеку о его низком статусе наказанного, о его принадлежности к народу-изгою. «Самым унизительным было ходить ежемесячно отмечаться в комендатуру»[267]. Казалось бы, что в этом такого, кроме символического унижения – расписаться, что ты на месте, не сбежал, что твое наказание продолжается? Но эта процедура сопровождалась беседой с комендантом, который, чтобы выслужиться, чтобы показать свою «работу», вполне мог «пришить» любое антисоветское дело. Как рассказывала респондентка, «комендант был очень строгим, и мы между собой в шутку называли его богом, потому что как он скажет, так и будет»[268]. Если взрослые были всегда начеку, то неопытные подростки могли проговориться о чем-то таком, что

[267] Там же.
[268] ПМА - ДИШ. Меяев Б.

недоброжелательным комендантом было бы представлено как донос. Неудивительно, что детям, выросшим в Сибири, взрослые обычно убавляли возраст, чтобы отсрочить обязанность подростка ходить к коменданту, и только много позже, перед выходом на пенсию, постаревшие сибирские дети спохватывались и торопились в архивы за подтверждением своего действительного года рождения.

Режим проживания в спецпоселении запрещал калмыкам без разрешения покидать свой населенный пункт. За самовольную отлучку с места проживания виновный мог быть наказан длительным сроком тюремного заключения, с 1948 г. – на двадцать лет исправительных работ, фактически это был смертный приговор. Долгое время единственной причиной, которая считалась достаточной для переезда из одного места в другое, было только воссоединение семьи. «Особенно было горько на душе являться на регистрацию 5 декабря – в день Сталинской конституции»[269].

> Отец приехал с фронта в Сибирь в 1945 г. инвалидом. Комендант направил его на работу в шахту. Отец был болен, поэтому хлопотал, чтобы перевели на другую работу. Пытался убедить коменданта, что он инвалид войны, предъявлял все свои документы, спорил с ним. Комендант забрал все документы, сказав, что они недействительны. А потом отца арестовали и посадили на десять лет. За что, так и не знаем[270].

Унижение было смешано со страхом, потому что почти каждый визит в комендатуру не обходился без расспросов о настроениях среди калмыков. Любой неосторожный ответ мог повлечь арест и осуждение невиновных людей.

---

[269] Есть на Урале река Косьва. СК. 3 сентября 1989.

[270] Кокрушева М.Д. Комендант уверял, что меня в техникум не примут // Мы – из высланных ... С.71.

В комендатуре спрашивали, кто чем занимается, что против советской власти говорят, нам передавайте, а мы их судить будем. А все плачут, ничего не говорят[271].

Но тут подстерегало меня еще одно позорище. Поскольку исполнилось мне 16 лет, сразу же поставили на спецучет. Это означало, что я должна буду находиться под постоянным наблюдением комендатуры и ежемесячно приходить отмечаться, давать подписку, что никуда не сбегу. С того времени прошло много десятилетий, но не могу вспоминать без содрогания то, как меня, уезжающую на учебу в Красноярск, сопровождал вооруженный комендант и сдавал там под расписку.

Училась, но не ходила отмечаться. Как-то прихожу с практики, а мне говорят: тебя ищет комендант. Я чуть было не лишилась дара речи. Ведь никто до этого не знал, что я ссыльная и нахожусь на специальном учете, под надзором.

Комендант встретил меня разъяренный, начал кричать, пугать, что посадит. Я обозлилась: Вы понимаете, что мне стыдно, больно? – кричу ему в ответ, плача – Мне, дочери фронтовика, погибшего за Родину, воспитаннице советского детдома, комсомолке, легче идти на виселицу, чем к вам, в комендатуру! Идешь, а под ногами будто земля горит. Мне кажется, что каждый тычет пальцем в мою сторону как на предательницу. За что? Почему? Вы это можете понять?

Комендант был человеком в возрасте и не мог не внять моей мольбе, поэтому тут же сменил тон. Я понимаю, – сказал он, глубоко вздохнув, – но и ты, дочка, должна меня понять. Порядки такие, и никому не дано их нарушать, ни тебе, ни мне. Давай договоримся так: приходи тихонько, расписывайся и уходи. Никто знать не будет[272].

Роль коменданта была так важна, что даже через шесть десятилетий люди легко помнили их имена. «Сначала был комендант Одинцов, очень был строгий, даже на базар поехать нужно было просить его разрешения. Потом Давыденко, он был мягче, а потом был Ярлыков, при нем уже разрешили без

---

[271] ПМА – ДИШ. Бадмаев Ц.М.

[272] Бембеева П.А. Комендант грозился посадить меня // Мы – из высланных… С.48.

пропуска ездить»[273]. Должность коменданта занимали разные люди, которые по-разному относились к своим обязанностям и видели в спецпереселенцах кто врагов народа, а кто – несчастных людей.

> А я решил – буду учиться. И на этой почве у меня был конфликт и с председателем колхоза, и с комендантом. Когда я встал на спецучет, комендант контролировал мой каждый шаг. В архиве сохранился документ о двукратной проверке в месяц квартиры в райцентре, где я жил – на месте я или нет. Это обостряло наши отношения. В 9-м классе я два месяца приходил расписываться, он меня прогонял, а я снова приходил, но он не давал мне расписываться. И он составил на меня документ прокурору, что Годаев в сентябре-октябре не расписывался, расписался по приводу. Арест на 5 суток, 23 октября в 9 часов утра я был выпущен… Я стал с ним воевать и вышел победителем. На мою сторону встал начальник спецкомендатуры лейтенант Назаров. Он был гораздо умнее, образованнее и человечнее. Ну что издеваться над парнишкой – круглым сиротой. Назаров приходил на крупные районные соревнования. Он всегда приходил с женой. А я выступал за сборные команды школы по легкой атлетике, по лыжным гонкам, по жонглированию двухпудовыми гирями, будучи 50-килограммовым тощяком. Я с пятого класса занимался физкультурой. Он всегда ко мне подходил и говорил: имей в виду, Годаев, я же за тебя болею. Поэтому в первой своей книге я подчеркнул, что среди тех, кто проявлял благосклонность, были и должностные лица[274].
>
> На норму, как бы ты хорошо ни работал, прожить было невозможно. Естественно, что, несмотря на страх перед тюрьмой, многие воровали потихоньку что могли. Особенно в ходу был картофель. Однажды в отсутствие взрослых комендант стал опрашивать детей: ходили ли они ночью за картофелем. При этом угостил их конфетами, кусочками сахара. Многие и проболтались, в том числе и мой Чон. Он признался, что я его посылала, дала при этом нож, сетку. А вечером меня вызвал комендант, показал мне сетку. Мне пришлось подтвердить признания мальчика.

---

273 ПМА - ДИШ. Мукукенов Ю.Ф.

274 ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

> Комендант был неплохим человеком. Я надеялась, что он нас пожалеет. Так и случилось. Ограничился тем, что отругал меня, а мальчиков отправил в наказание работать в колхоз[275].
>
> В 1945 году мне пришло письмо от мужа. Он писал, что на фронте. Письмо показала коменданту, чтобы доказать, что мы, калмыки, прежде всего, мой муж, – не враг народа. В ответ комендант на меня накричал, обозвал моего мужа бандитом, письмо – подделкой и разорвал его. Не дал даже собрать его клочки. Так я лишилась единственного письма от мужа[276].

Репрессивная система создавала свой репрессивный аппарат надзора и администрирования над спецпереселенцами. Из прибывшего контингента сотрудники спецкомендатур должны были создать работоспособный агентурный аппарат. Так, в соответствии с докладной запиской начальника УМВД по Новосибирской области на 1 июля 1946 г. агентура «состояла из 674 чел. (52 агента, 20 резидентов, 603 осведомителя). Выявлено и взято в агентурную разработку 2140 человек различного предательского и антисоветского элемента… на оперативный учет нами взято 19,6 % от взрослого калмыцкого населения»[277]. В этой атмосфере недоверия даже «подростки все хотели выжить и боялись говорить лишнее»[278]. Каждый десятый был назначен старшим и обязан был по утрам и вечерам докладывать дежурному по комендатуре о всех происшествиях, разговорах.

> Было и легальное осведомительство. Создавались десятидворки, и гласно осуществлялся принцип круговой поруки. Говорили прилюдно: вот, Бадма, ты отвечаешь за эти пять дворов, если кто будет агитировать к побегу или еще что, Бадма должен отреагировать. Люди знали, что Бадма за них отвечает и его нельзя подводить. Кроме того, среди них мог быть и

---

275 Дюгеева Т.Т. Не только судьбы были исковерканы, но и имена, фамилии // Мы – из высланных… С.253.

276 Там же. С.254.

277 Докладная записка начальника УМВД по Новосибирской области… // Книга памяти. С.211.

278 ПМА – ДИШ. Бадмаев С.М.

негласный завербованный осведомитель. Мне в Сибири в школьные годы приходилось кое-что слышать об осведомителях, хоть и не часто, но заходил разговор. Из соседней деревни наведывался в нашу деревню человек, он жил один, периодически нас навещал и беседовал с моими дядьями. Удивительно, но он никогда своего мнения не высказывал. На это обратил внимание мой дядя и как-то он высказался: *Акад күн, күүндәд суусн биинь күүнә келсиг соңһсч, биинь соңһсч төруц юм келхш. – Странный человек, сидит и слушает слова других, но сам своего мнения ни за что не скажет.* У моего отца было четыре брата. Младший был призван в самом начале войны и вернулся в 46-м. Остальные трое были в военизированном морском дивизионе, это те же красноармейцы. Поэтому у них восприятие выселения было свое, и когда они делились своим мнением, они хотели в ответ услышать мнение собеседника, но тот странным образом молчал. Сейчас я думаю, он был, видимо, из осведомителей, поэтому специально приходил, чтобы выслушать и куда следует доложить[279].

Но как бы хорошо мы ни работали, какими бы преданными гражданами своей страны ни были, все равно оставались с клеймом спецпереселенцев. Все время над нами висела обязанность ежемесячно отмечаться у спецкоменданта и не ходить без его особого разрешения за пределы колхоза. А он сидел в городе, за 18 км от подсобного хозяйства. Приедешь в комендатуру в город и, если не у кого получить разрешение, то не имеешь права пройти куда-либо по своим делам. Поймают и посадят. Вот до такой нелепости доходило[280].

Нас в классе было две спецпереселенки: я и девушка-молдаванка. Наша «неполноценность» начиналась за порогом школы. Когда подошел срок расписываться, это было такое тягостное и унизительное ощущение, что приходилось таиться от сверстников. Поэтому мы каждый раз украдкой пробирались к комендатуре, чтобы нас никто не видел. Одноклассники, может, и догадывались, но никто ни словом, ни действием этого не показывал[281].

---

[279] Годаев П.О. Элиста. 2004.

[280] Лукшанов Е.Ш. Жили в землянках, словно зверьки в норах // Мы – из высланных... С.155.

[281] Чурюмова В.С. В комендатуру шли, таясь от сверстников // Мы – из высланых... С.183.

Эхо тех времен откликнулось в моем опросе 2004 г. - в делегированном интервью, которое старшеклассники Элистинского лицея проводили со своими старшими родственниками по подготовленному мною опросному листу. В некоторых случаях старики письменно отвечали сами. Один из них, бывший фронтовик и узник Широклага, начал ответ с таких слов: «На Ваши вопросы отвечает гражданин Амнинов Давид Сагинович». Прошло 60 лет с момента выселения - для калмыка это целый век, но как только человек прочел тему опроса и, видимо, мысленно вернулся в те годы и в тот статус, он тут же восстановил тот символический репрессивный порядок и почувствовал себя «гражданином Амниновым».

2.6. Школа

Новая социализация калмыков происходила для взрослых на производстве, для детей – в школе. Не все дети могли учиться, особенно в первые годы. Многие старшие дети из многодетных семей становились кормильцами так рано, что не смогли закончить семилетку. К тому же начиная с восьмого класса надо было ежегодно платить за учебу 300 рублей[282]. Однако если возможности позволяли, а это означало, что были родственники, считавшие учебу в школе необходимым условием жизненного успеха, дети учились изо всех сил. Быть лучшим учеником в классе означало для многих считаться «не хуже других». Пятерки в табели становились охранной грамотой в школьном коллективе и могли стать пропуском в большую жизнь.

> В школу я пошла в Куйбышеве. Целый год я ни с кем не разговаривала, со стороны наблюдала за сверстниками. С девочкой в рваной фуфайке и в галошах никто не хотел играть.

[282] Бембеев У.Э. «Спецпереселенец» - учиться в вузе запрещено // Мы – из высланных... С.121.

Тогда это было так горько. Так я «молча» и училась, отвечала только на уроках, зародилось у меня большое желание все преодолеть, доказать, что я не хуже других. Постепенно втянулась в учебу. Со второго класса уже стала лидером, своими знаниями я заставляла всех считаться со мной. Учебников не было, поэтому я внимательно слушала учителя. Как только начинался урок, для меня уже ничто не существовало, я настраивалась все запомнить. Если задавали выучить стихотворение, мы собирались несколько человек и учили вместе. Мне было достаточно прочитать три раза. Учебники только в седьмом классе появились. Так и училась семь лет, была пионервожатой, секретарем комсомольской организации. Я не забуду свой выпускной вечер после окончания семилетки в далеком 52 г., первое ситцевое платье и парусиновые туфли на деревянных каблуках. Я чувствовала себя королевой, единственное беспокойство было связано с тем, чтобы ребята во время танцев не наступили на мои начищенные белые туфли[283].

В сентябре 1947 г. в нашем классе появился юноша-калмык. Это был Коля Бурулов. Оказалось, он закончил семилетку в деревне Меньшиково. Решил непременно закончить среднюю школу, чтобы продолжить затем учебу в высшем учебном заведении... Коля был исключительно целеустремленным, не по возрасту рассудительно сдержанным юношей. Он никогда не выходил из себя. Вел себя всегда ровно. А трудяга был неимоверный. Ко всему относился с похвальным усердием: будь то учеба, общественная работа или иное какое дело. И учился хорошо. У него была поразительная грамотность. Письменные работы по русскому языку Коля писал, в отличие от нас, русских, на «отлично». Чему мы в первое время удивлялись, а потом привыкли. Он обладал изумительно каллиграфическим почерком. К чему Коля стремился в школьные годы, того он добился: в 1950 г. успешно закончил Венгеровскую среднюю школу и стал одним из лучших ее выпускников[284].

Начальную школу я закончила на «отлично», у меня сохранились похвальные грамоты с портретами Ленина и Сталина. Ко мне все относились хорошо. Я любила свою школу,

---

[283] Иванова С.М. Как мы выжили в ссылке // Мы – из высланных ... С.140.

[284] Добряков Б.С. Мы не понимали глубины трагедии калмыцкого народа // Мы – из высланных ... С.361.

родители приходили на собрания, концерты. Вот был такой случай – меня как отличницу направили на первый пионерский слет в области. Радостная прибегаю домой и сообщаю новость, что я одна от школы еду, десять человек от района направляются в Омск, смотрю, родители не реагируют. Они по-башкирски говорили, когда обсуждали секретные дела. – Что же делать она на учете в комендатуре. Ее не пустят. Что делать? А мама говорит: ты сходи к соседу энкаведешнику, честно расскажи. Зачем ребенку праздник омрачать. Я не понимаю и твержу им: нам сказали всем, кто едет на слет, купить новый пионерский галстук, белую кофту, черную юбку. Галстук у меня был, но все остальное трудно было купить. Пошли искать, искали-искали: белой кофты нет, есть бежевая блузка, мама меня успокаивает, а я все твержу: белую же сказали. Один день прошел, другой. А папа в это время добивался моего разрешения на выезд. Мы купили желтоватую шелковую кофту и черную юбку. Вдруг папа приходит радостный – среди сопровождающих поедет один сотрудник комендатуры, одетый в гражданское, как будто учитель, дочка даже знать не будет. Я и не знала, радостная поехала на слет.

В первый раз я видела демонстрацию 7 ноября, аж голова закружилась. Впечатление было неизгладимое. Мы остановились на станции юннатов. А слет проходил в драмтеатре. Мы поехали организованно на регистрацию. Такое красивое здание. Широкая мраморная лестница. Я тогда что понимала? Иду, любуюсь, все так красиво, чисто. Вдруг, в углу, на площадке, огромный медведь стоит. Я кричу: *Аю*! - *медведь*! А русские женщины не поняли, мне говорят: что ты? Он не живой, это чучело! Я дар речи потеряла, потому что всю жизнь боялась медведя, еще когда мы жили в тайге. Видимо, осталась доминанта. Потом я сама смеялась над собой, дома рассказывала по-калмыцки: *Аюгас әәчкүв би. Ики гидг аю тенд зоһсчана – Я медведя испугалась. Большой такой медведь там стоял!* Потом мы хороводили, танцевали. Подошел ко мне мальчик, спрашивал, как меня зовут, думал, что я казашка. Целую неделю жили там. В Омске жила наша Таня, работала на заводе. Домашние ей сообщили обо мне, она меня посетила, мы так хорошо встретились, но забрать меня к себе она не могла, мне нельзя было уходить. Это был первый областной слет пионеров.

Потом меня моя дочь Кема спрашивала: когда ты была пионеркой, что-нибудь было интересное? О-го-го, какая честь была для меня, спецпереселенки, ездить на слет в сопровождении работника комендатуры.

В школе я была лидером, группоргом. Меня все уважали, никто ни разу мне ничего обидного не говорил. К этому времени уже все знали, что мы, калмыки, – не изменники, не черти, не людоеды. В эти тяжелые годы все жили плохо, много работали, но родители понимали и все делали для того, чтобы я училась. Я одна училась в средней школе, потому что другие калмыки не имели возможности, всем надо было кормить семьи. Ребятишки все работали, пололи картошку, чистили снег[285].

Я пошел в школу в третий класс, я на четыре года переростком закончил среднюю школу. Учителя ко мне нормально относились. Мне было трудно учиться только первый год, в третьем классе – по гуманитарным предметам. По математике я был силен, а гуманитарные дисциплины постепенно подтянул. Семилетку кончил круглым отличником. В седьмом классе писали изложение, и я был единственным, кто написал на 4/5.

В пионеры меня приняли в четвертом классе. Учеников мало, а хороших учеников и того меньше. В первую очередь принимали хорошистов. Я в третьем классе немного бултыхался, а в четвертом классе уже учился уверенно. Даже отличился на уроке пения. Учительница Пинегина Александра Ивановна заставляла всех петь сольно, чтобы четвертную оценку получить. Местные ребята были непослушные и вели себя вольно, а я всегда рос дисциплинированным. Когда меня подняли и сказали петь, а в третьем классе русских песен я не знал, я спел «Катюшу» на калмыцком языке. Как я запел, а пел я хорошо, этим я еще дома отличался, дверь открылась и ученики, которые пришли во вторую смену, тоже стали заглядывать. Я устроил им маленький концерт.

Я всегда ощущал, что в обществе я стою не на одной ступени с другими. Я закончил четырехлетку, потом записался в 5-й класс в селе за 20 км. Я не стал ходить в 5-й класс, потому что меня никто не хотел брать на постой. Это был ощутимый момент. Я остался в колхозе помогать дяде, он также работал летом пастухом, зимой скотником. Я ему помогал управляться с

---

[285] ПМА. Урхаева Р.К. Элиста. 2004.

животными, дома по хозяйству, не учился. Во втором полугодии к нам пришла учительница Каламис Анна Ивановна. Она из нашей деревни, и с нового года стала учительницей работать. Она сказала: зачем Паше дома сидеть, пусть ходит в четвертый класс повторно, чтобы не забыть материал, а потом пойдет дальше. Я с января стал ходить снова в 4-й класс, и потом только мы с братом поехали в районный центр Чаны, уже за 37 км, он пошел в 9-й, а я в 5-й класс. Вначале мы жили на квартире у его одноклассника одну четверть. Потом нам отказали, и мы пошли жить в калмыцкую семью, она чуть-чуть наша родня. В 6-й класс я пошел учиться в соседнюю деревню соседнего района, было близко и туда пошли учиться человек 13 из нашей деревни. У них открыли семилетку, и там я закончил ее первый выпуск на круглое «отлично». Стал одним из двух первых комсомольцев семилетней школы. Имел возможность поступить без экзаменов в любое среднее учебное заведение. Даже в школьной газете, в которой я был редактором, я написал заметку, кем я мечтаю стать – капитаном речного флота. В Новосибирске было речное училище, и почему-то я решил, что меня могут туда принять. Но с этой мечтой я распрощался. 8-й и 9-й класс я снова учился в Чановской средней школе. Вначале я жил в интернате, в райцентре был интернат на 40 мест, и мне досталось место, а в 10-м классе уже жил на частной квартире. Теперь меня взяли на частную квартиру с охотой, потому что я был уже взрослый и мог по хозяйству помогать. Почему-то одноклассники мои были уверены, что я стану историком. У нас была грамотная историчка Медведева, располагала к себе добрым, внимательным отношением, и я активно участвовал на уроках истории. Скорее всего, я должен был стать математиком. У нас в 8-м классе была учительница Евдокимова Зоя Григорьевна. Она жива и до сих пор, я ее вчера поздравлял с международным Днем учителя. Она была учитель от Бога. Один-единственный вопрос не подготовил я за три года, что учился у нее. Потому что ходил домой, попал в пургу, пропустил день и пришел в четверг. А когда она вызвала к доске, я не знал домашнего задания. Спустя полтора месяца она спросила: Паша, а ты что должен был? Я как стихотворение рассказал. У нее была такая тактика. Если ученик плохо ответил, она могла этот вопрос спросить через неделю, через две. Поэтому мы все ее уроки готовили исключительно. Кто был более-менее способен к математике, учились на отлично, кто был

средних способностей, учились твердо на четверки, а кто был неспособный, тот имел твердые тройки. Я поехал поступать в пединститут по следам брата[286].

Первый школьный опыт для многих детей был травматическим, особенно поначалу. Мальчикам в целом приходилось труднее, чем девочкам. Бывало, что и девочкам приходилось драться, но мальчику свое право быть равным в школьном коллективе надо было доказывать не только волей, но и физической силой.

В первый класс я пошел в 55-м. Надолго мне запомнилось. Учительница у нас была Таисия Тимофеевна Бродина. Что-то я натворил, и она меня наказала. Я заплакал. И она мне сказала: что ты, Олег, плачешь. Вот когда ты Родине изменишь как твои родители, тогда будешь плакать, а сейчас тебе рано плакать. Это учительница, в первом классе. В нашем классе я был один калмык, а потом пришел Вася Ходжинов, был один татарин. Это все по мелочам накапливалось. В пионеры меня приняли, но перед тем как принять встал вопрос, можно ли меня принять или нет. Это обсуждалось! А почему нельзя? Потому что калмык[287].

С сентября 45 г. я пошла учиться в Покровскую начальную школу, старалась учиться хорошо. Но учительница патологически ненавидела нас, калмыцких детей, унижала и оскорбляла нас всячески, снижала оценки, обзывала нас, первоклашек, «врагами народа». Видимо, это приносило ей какое-то удовлетворение[288].

Бабушка и тетя меня оберегали (мальчик, продолжатель рода!). Делали все, чтобы я учился. Детей-калмыков сначала много ходило в школу, но многие проучатся два-три года и бросают. Во-первых, мы плохо знали русский язык. Во-вторых, тех, кто заканчивал учебу, никуда не брали, даже в техникум перспектив не было. Но бабушка настаивала, чтобы я продолжал учебу: один-единственный внук. Так получилось, что во втором-третьем классе калмыцких детей было мало – из ребят остался я и две девочки. Помню, пацаны меня обзывают, дразнят: калмык,

---

[286] ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

[287] ПМА.О.Манджиев. Москва. 2004.

[288] Н.А.Налаева. Мы настойчиво пробивали себе дорогу в жизни // Мы – из высланных ... С.211.

бандит. Я, естественно, драться. Вечно ходил с синяками. Дошло до того, что вынуждены были меня перевести в другую школу. Там посмотрели мои оценки: о, молодец, давай к нам. Но и в этой школе началось то же самое: дети есть дети, они не понимают, что мой отец так же как их отцы на фронте воюет. «Предатель» и все. А молоденькая учительница, не догадываясь, как они меня избивают – кучей, припомнила мне, что из первой школы я был переведен в эту за драку. В общем, началось такое, что я пришел домой и сказал: больше в школу не пойду, даже учительница сказала, что я заслужил, чтоб меня били, потому что я сам драчун. Ничего не оставалось, как перейти в третью школу, самую дальнюю от нашего дома. Я не хотел идти, но бабушка так плакала, так просила… Выдержал я только год – повторилась та же история[289].

В Хатанге в возрасте 9 лет я пошел в первый класс, начал постигать азы грамоты. И в моей жизни появилось некоторое разнообразие. Ведь в такой многочисленной ребячьей среде вращаться мне не доводилось. Поэтому на занятия я ходил охотно. Но потом произошел один инцидент, который на время осложнил мои отношения с учительницей и вызывал отвращение к школе. Случился он при следующих обстоятельствах. На уроке учительница, показывая портрет усатого человека в букваре, сказала, что это Сталин, при этом перечислила множество его заслуг и достоинств. От услышанного во мне все словно закипело, запротестовало. И, вымещая таившуюся во мне обиду на него, я принялся безрассудно замалевывать черным портрет вождя, «друга» всех советских детей. Живя на фактории, портрета Сталина я не видел, но наслышан был достаточно. Среди калмыков были образованные мужчины, которые вели разные разговоры про политику, про выселение калмыков. И часто Сталина обвиняли в наших бедах, в том, что мы оказались на Крайнем Севере и многие умерли от голода и холода. Поэтому в моей детской душе уже прочно сидела нелюбовь к нему. За свой поступок я тут же выслушал нотации и угрозы от учительницы. Потом меня прорабатывал комендант. Для начала дал несколько тумаков, чтобы я почувствовал силу удара его увесистого кулака. Потом голыми коленками поставил на соль и

---

[289] В воспоминаниях и снах приходим мы туда. СК. 23 декабря 1993.

продержал так несколько часов. Все запугивал меня, что за такое дело может посадить, несмотря на то, что я еще мал.[290]

Чтобы детям-спецпереселенцам почувствовать себя равными в школьном коллективе с другими детьми, им надо было усердно учиться, быть активными в спорте и в художественной самодеятельности, заниматься общественной работой. Такая стратегия часто приводили к лидерству в коллективе. Однако, несмотря на отличную учебу и активную общественную работу, калмыкам-выпускникам золотую или серебряную медаль не давали. Единственное известное мне исключение: В.П.Дорджиев закончил школу в Аральске с серебряной медалью, но смог получить ее только в 1960 г. с помощью главного редактора «Комсомольской правды» А.Аджубея[291].

У нас учитель математики был Ломоносов Евсей Иванович. Задаст сложную задачу, знает, что в классе никто не решит. Проходит по рядам, смотрит кто решил. Я сижу, молчу, потому что за меня старшая сестра Майя решила. Говорит, решила Кларочка, она у нас умница, а сам знает, что это мне сестра решила. У нас тетрадей даже не было, бумаги не было. Папина сестра Женя откуда-то доставала серую бумагу типа посылочной, мы шили тетради и такие счастливые были, что у нас есть тетради. В общей среде я не поддавалась в любом плане. Я и в самодеятельности участвовала. В шестом классе мы играли «Свадьбу с приданым», я там играла Любу. Для спектакля из дома таскала то скатерть, то еще чего. Раньше в школе были принято делать пирамиды, всякие фигуры на сцене, а внизу кто-то делает мостик, самый гибкий. И вот мостик всегда я делала. В деревенском масштабе я была как настоящая артистка. А Майя на концерте читала стихотворение Льва Ошанина, в котором были такие строки:

А мать, откинув седые пряди

---

290 Акуев В.У. Даже там мы умели радоваться // Мы – из высланных... С.307.

291 Дорджиев В.П. Верность интересам народа // Мы – из высланных... С.337.

С высокого, умного, русского лба,
В глаза мои взглядом суровым глядя,
Говорит мне – я знаю, что там борьба,
Мне больно за мирных людей Вьетнама,
И горе моих корейских детей
Слезинкою каждою в сердце прямо
Стучит в тишине бессонных ночей[292].

При словах «С высокого умного русского лба» Майя делала такое движение, как будто откидывает прядь со лба, а лоб у нее при этом низкий. Но в зале не смеялись, все было на полном «серьезе». Другие на нас не «возникали», потому что мы их превосходили. В школе всегда будут любить отличников, всегда будут их уважать. Нас – трое сестер, были все хорошистки[293].

Начальную школу я закончил с похвальным листом летом 1949 г., когда административный режим спецпоселения калмыков еще более ужесточился. Поэтому мне похвальный лист в районо, куда дядя наведывался чуть ли не каждый день, долго отказывались выдавать. История повторилась и после окончания семилетней школы, когда районо под разными предлогами так и не выдало мне похвальный лист. То же искитимское районо, выдав мне аттестат зрелости с отличием после окончания средней школы, отказало мне в получении медали даже в 1955 г., когда наступило некоторое послабление в режиме спецпереселения. Не помогло даже и то, что я был хорошим активистом, являлся секретарем комитета комсомола и членом райкома ВЛКСМ[294].

В школе у нас была традиция: всем, достигшим совершеннолетия, вручать паспорта в конце каждого года. Для всех моих сверстников день получения серпастого и молоткастого был особым, счастливым днем. Но я-то знал, что вручат мне не паспорт, а удостоверение взамен паспорта, поэтому решил не идти на это торжество, на котором я буду выглядеть вороной. Узнав об этом или догадываясь, что я не приду, Раиса Олимпиевна послала за мной моих друзей, и они зашли ко мне, будто случайно.

---

[292] Ошанин Л. Будет ли война? 1950.

[293] ПМА. Сельвина К.Е. Элиста. 2004.

[294] Убушаев В.Б. От спецвыселенца – до исследователя…// Мы – из высланных… С. 172.

> И каково было мое удивление, когда мне вручили паспорт, на обложке которого красовался герб Советского Союза со словами СССР – над ним и Паспорт – под ним. Как я мечтал получить такой паспорт! И вот он в моих руках! Но прежде чем я его раскрыл, заметил, что он слишком тоненький. Поэтому сразу положил в карман. А дома с горечью обнаружил, что в подлинную обложку паспорта вложено бумажное удостоверение спецпереселенца с непременными атрибутами клеймения. Так, в графе «особые пометки» стоял жирный штамп «спецпереселенец» и от руки было написано, что я не имею права выезжать за пределы города Аральска без разрешения спецкомендатуры. Мираж радости рассеялся[295].

2.7. Вуз

В течение тринадцати лет у большинства спецпереселенцев не было возможности получить высшее образование. Чтобы иметь возможность поступить в вуз, нужно было иметь только пятерки в школьном аттестате. Даже калмыки, принадлежавшие к военной и партийной элите, – к примеру, Герой Советского Союза генерал Б.Б.Городовиков, впоследствии первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС, – также имели ограничения. Его семья не была репрессирована, и он продолжал занимать ответственные должности, но трем его детям не разрешили поступать в один из лучших вузов страны – Московский госуниверситет. Поступление в высшее учебное заведение было заветной мечтой многих калмыков, закончивших школу в Сибири. Но сделать это было нелегко по многим причинам. Во-первых, из экономических соображений: студенческая стипендия была небольшая, прожить на нее было невозможно. Содержать студента было не под силу большинству семей, и выпускники должны были работать и помогать своей семье, старшим и младшим. Сочетать ночную

---

[295] Дорджиев В.П. Верность интересам народа // Мы – из высланных ... С. 336.

работу и дневную учебу было трудно, в такой комбинации в первую очередь страдала учеба, а тогда и терялся главный образовательный смысл.

Но для калмыков основные трудности заключались в их статусе. Спецпереселенцам запрещалось покидать свои населенные пункты без особого на то разрешения коменданта, который всячески препятствовал таким пожеланиям подопечных – врагов народа. Значит, поступить в вуз могли те, кто жил в больших городах. Но калмыков как раз расселяли преимущественно в сельской местности. После смерти Сталина было разрешено свободное перемещение в пределах области, в которой жил человек, это требование было зафиксировано в паспорте, так что при любой проверке документов нарушителя легко находили. Однако основным препятствием был негласный запрет на прием документов для поступления от спецпереселенцев.

> Пошел в сельхозинститут и подал документы на зоотехнический факультет. Ознакомился с обстановкой и узнал, что конкурс очень маленький. По итогам четырех экзаменов набрал девятнадцать баллов. Ребята, которые успешно сдали экзамены, поехали по домам и мне говорят: Давай, Убуш, поедем домой, что ты беспокоишься. Зачисляют в институт с тринадцатью баллами, а у тебя их аж девятнадцать. Я отнекиваюсь, а самого грызет мысль: зачислят или нет, опять придерутся, что я спецпереселенец. Наконец, наступает 28 августа. Пригласили меня на заседание комиссии. Директор института Соколов докладывает о результатах экзаменов и спрашивает мнение членов комиссии. Один молодой человек говорит, что абитуриент Бембеев отлично сдал экзамены, в школе был секретарем комитета комсомола и вносит предложение принять в институт. Но поднимается секретарь комиссии Бойко, возмущенно возражает и заявляет, что в коридоре сидят дети фронтовиков, отцы которых достойно защищали Родину, а мы хотим принять в институт спецпоселенца. Я вскакиваю и хочу объяснить, но меня окриком осаживают, говорить не дают, а директор на моем личном деле

> накладывает резолюцию, что я не прошел по конкурсу. Я выхожу из кабинета оплеванный, униженный и оскорбленный[296].

Даже в период некоторого «послабления» режима запрещалось принимать калмыков в вузы гуманитарного профиля, особенно на «идеологические» специальности, какими считали историю, философию. Практически все, кому удалось получить высшее образование в те годы, были медики или экономисты. Впоследствии это вызвало кадровую диспропорцию в народном хозяйстве восстановленной республики.

> В 1952-м я поехала в Омск сдавать документы в медицинский институт, в сопровождении, конечно. Документы у меня приняли, хотя многим калмыкам отказывали в поступлении в вузы. Может, я на калмычку не походила. Потом пришла телеграмма-приглашение на экзамены. Поселили нас, 500 человек, в спортивном зале, но дисциплина тоже была. У меня было белое холщовое платье с вышивкой, каждую ночь я его стирала, а утром раньше всех вставала, чтобы его погладить. Так и ходила в одном и том же белом платье, и про меня говорили «девушка в белом платье с косами». В нашей школе хорошо преподавали многие предметы, особенно физику, а ведь в учебниках не было раздела «электричество», но в билетах были вопросы: устройство звонка, утюга. Когда абитуриенты попросили, а я им рассказывала, мимо проходил председатель экзаменационной комиссии доктор филологических наук, профессор С.Н. Ляпорский, до конца своих дней буду его благодарить. Этот мудрый человек преклонного возраста открыл мне дорогу в жизни. Он меня заприметил, что за нацменка хорошо по-русски говорит, да и еще физику объясняет. Потом он вел у нас латынь и называл меня Роза Рубрум, что означает прекрасная Роза. Утром встаю, опять стайка окружает, просят объяснить, думаю, так не пойдет. Убежала от всех заниматься на набережную Омки.

---

[296] Бембеев У.Э. Спецпереселенец – учиться в вузе запрещено // Мы – из высланных … С.122.

Первый экзамен был сочинение, я взяла свободную тему. До сих пор помню название темы: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». 52 г. – не все было спокойно. Я хорошо раскрыла эту тему, ни одной грамматической, ни одной стилистической ошибки. Получила «отлично».

Следующий экзамен устный – русский язык, литература. Подготовилась, устные правила все раскрыла, написала. Елки-палки! А по литературе отрывок из поэмы «Медный всадник» – начало вылетело из головы. Профессор Ляпорский спрашивает: кто готов? Была моя очередь, пропускать нельзя. Смотрит в экзаменационный лист: Чуматова, у Вас «отлично»! Оказывается, он навел справки о моей успеваемости в школе, позвонил и убедился, что оценка заслуженная, а не случайная: а почему тогда нет медали? – Она у нас калмычка, спецпереселенка. К этому времени он все про меня уже знал, но делал вид, что ничего не знает. Я положила экзаменационный лист. - На все вопросы ответили? – Да! – А отрывок знаете? – Да. – Расскажите конец. – А я конец хорошо знала и выпалила. – А теперь скажите, вы в семье которая? – Вторая. – Из какой семьи будете? – Из рабочей. – А кто по нации? – Я калмычка, спецпереселенка. – Ну а сочинение Вы сами написали? Смотрю ему в глаза: Да! – А почему выбрали свободную тему? Она для меня очень проста. Парировала я ему, и ему это тоже понравилось, видишь, какие заковыристые вопросы задавал. – Ну что ж, отлично! Теперь я иду на физику, ну а там … меня уже знали. И химию тоже сдала на отлично. У меня все оценки были отлично.

Сказали всем разъехаться, потом письменно сообщат. Приезжаю домой. Ну, как? – Ждите ответа! Опять дома волнение, почти траур. А я в душе спокойная, и говорю им: ну я же поступила! Потом приходит телеграмма: зачислена в Омский медицинский институт им. М.И. Калинина, но без предоставления общежития.

Нам сказали приехать за пять дней до начала занятий, чтобы сдать зачет по плаванию. Тихий ужас! Я же плавать не могу. Нашу группу привезли на Иртыш, а я говорю: не полезу! Что я, утонуть, что ли, должна в этом Иртыше?! Сказали: за это могут отчислить. Я думала, это они узнали, что я плавать не могу, и специально хотят что-то «устроить», но оказалось, многие русские тоже не умели плавать. Позже с нами провели

собеседование, за год научили, и в следующее лето мы сдали зачет.

Латынь вел профессор Ляпорский. У меня была подруга Галя Торчикова. Как бы она ни отвечала, он всегда говорил: Торчикова, что это такое? Роза Рубрум, как надо? К доске! Мне было даже неудобно перед Галкой. Гале «посредственно», а мне «отлично». Короче, с его благословения я поступила в институт, меня уважали, я была шесть лет старостой, и меня допустили на военную кафедру. В тот год, в 1952-й, ни один калмык в мединститут не поступил. Всем, кто хотел стать врачом, пришлось поступать в ветеринарный, сельскохозяйственный. А в педагогический, геодезический, медицинский ни одного калмыка не приняли. Я была исключением. Когда умер Сталин, мы все плакали, в большой аудитории было собрание. До пятого курса я не чувствовала себя ущемленной. Когда я сдавала экзамен по истории, преподаватель мне сказал: ну что же вы, Чуматова, должны учиться на отлично. Я ему ответила: мы все должны учиться на отлично, мы же врачи. Нам жизнь детей доверят. Так я ответила на государственном экзамене, мне было так обидно за слова преподавателя[297].

Когда я закончил школу в 55 г., было достаточно спокойно, с ежемесячного учета мы уже были сняты. Только, когда я получил паспорт, там была отметка: разрешается передвигаться в пределах Новосибирской области. Поэтому я мог без разрешения комендатуры ехать, но только надо было, когда приедешь на место, стать на спецучет.

Когда брат школу закончил в 51-м г., мы его в вуз украдкой отправляли. К счастью, тогда страх над нами не довлел, боязнь была, но страха не было. Он сдал все экзамены в инженерно-строительный институт, был принят, но отчислен прямо перед самым началом семестра, когда в спецчасти обнаружили, что он – калмык. Ему вернули экзаменационный лист и сказали: вы с вашими оценками можете поступить в любой вуз города. Из одиннадцати вузов, которые были в 51 г. в Новосибирске, он обошел все, но везде прием закончился, и его не брали. Последним вузом был пединститут, брат пришел к ректору, тогда им был Синицын Иван Васильевич, положил на стол экзаменационный лист и объяснил. Синицын посмотрел, послушал и сказал: молодой человек, вы можете поехать к тому

[297] ПМА. Урхаева Р.К. Элиста. 2004.

директору, тогда ректоров назвали директорами, и сказать, вы мне не доверили строить уборные, а брат поступал на ПГС, а я вам доверил воспитывать молодое поколение. И с этими словами по тем же оценкам он принял его на физико-математический факультет Новосибирского пединститута. При этом сказал: поскольку ты сирота, тебе будет трудно, поэтому я тебя зачислю на учительское отделение. Закончишь за два года, у тебя будет незаконченное высшее образование, и я тебя сразу без экзаменов зачислю на заочное отделение, и ты закончишь пединститут заочно. Хотя комиссия уже не функционировала, он собрал на следующий день комиссию по математике, чтобы она приняла второй экзамен по математике специально для брата. Так брат стал студентом.

Я очень хотел поступить в институт связи, был Электротехнический институт связи на улице Кирова, номер 56. В этом институте на первом курсе платили стипендию в 490 руб., а в пединституте платили 220 руб. Зная, что там надо знать хорошо математику, я хотел туда, и стипендия для меня была очень важна. Но, к сожалению, я побоялся, что может повториться история брата. И поколебавшись, я решил податься в пединститут. Сдал первый экзамен по математике письменно. Прихожу, нет моей контрольной. Искал три раза, моей контрольной нет. Преподаватель тогда стал шуметь, сам переискал – нет. Как ваша фамилия? – Годаев. – Что же вы молчите, что вы – Годаев, я же вашу контрольную отметил, специально забрал в свой портфель. Тут же мне поставил пятерку и за устный экзамен. Тут же он мне сказал: я вам две пятерки поставил, вы не смейте идти в группу физиков, будете учиться математике. Мне оставалось четыре экзамена. Когда абитуриентов делили, меня туда и записали, а я захотел пойти на физику. Девчата, наоборот, зачисленные на физику, многие хотели на математику. И я так с одной поменялся. В институте я первую сессию закончил с одной четверкой, а потом учился средне.

На физмате из калмыков курсом раньше училась Вера Арашаева, Владимир Убушаев учился на историко-филологическом факультете, Бурчугинова Любовь – на географическом. Время от времени калмыки собирались на празднования, мы все сбегались[298].

---

[298] ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

2.8. Стратегии и тактики выживания

Оторванные от своего традиционного образа жизни, ограбленные, лишенные гражданских и политических прав, обреченные на рабский труд калмыки в суровых условиях Сибири оказались на грани исчезновения. Приведу свидетельство чиновника, который на службе в органах внутренних дел в те годы, видимо, должен был привыкнуть к самым страшным вещам. 10 июля 1946 г. начальник отдела спецпоселений УМВД по Новосибирской области в своем отчете писал: «Смертность среди калмыков действительно высока. С момента выселения и до 2 апреля 1946 г. их умерло 14.343 человека, или 15% к прибывшему в Сибирь контингенту... Сейчас смертность среди калмыков превышает рождаемость в 3,5 раза, хотя эпидемических заболеваний среди этого населения не было... Ничтожной была рождаемость. До 1 июля 1946 г. в калмыцких семьях родилось только 297 детей, т.е. в девять раз меньше, чем умерло калмыков за этот период. Среди коренного населения области рождаемость превышала смертность в этот период в два раза»[299]. Сын местного врача из села Венгерово Новосибирской области на всю жизнь запомнил, как забегал к матери на работу и часто видел заваленный трупами калмыков морг[300].

> Наш дядя имел одиннадцать детей до войны, а назад вернулось двое[301].
>
> Выгрузили их в Алтайском крае, Рубцовском районе. Поселили их и еще одиннадцать семей в бараке, размером приблизительно восемь на восемь. Условия были ужасные: зимой умерших людей не хоронили, а складывали в коридоре до весны,

[299] На чужбине. СК. 28 января 1993.

[300] Добряков Б.С. Мы не понимали глубины трагедии калмыцкого народа // Мы – из высланных ... С.360.

[301] ПМА. Бормангнаев Б.Э. Элиста, 2001.

только весной трупы хоронили, так как зимой невозможно было копать могилу; зимой ходили на кладбище ломали кресты, чтобы хоть как-то согреться; на все двенадцать семей было всего две пары валенок[302].

Время было тяжелое, голодное. Выжили самые крепкие. Мы похоронили четверых моих братьев. Каждая семья потеряла кого-то из своих близких и родных. За городом выросло калмыцкое кладбище![303]

К весне в барах стало просторнее: от голода и холода умирали люди. В больницы калмыков не брали. Зато морг был открыт круглые сутки. Несли, везли на салазках трупы каждый день. Многие семьи обменивали на толкучке свой последний скудный скарб на продукты, чтобы не умереть от истощения. Старушки и ребятишки дежурили на одной из городских свалок, куда вывозились отходы местного мясокомбината. Иногда на этой свалке устраивалась шумная кутерьма: местные подростки с огромными дворняжками ради забавы устраивали облаву на изголодавшихся людей. Собаки кусали старушек и ребятишек за ноги и руки, рвали жалкие лохмотья ветхой одежды. Но зато, когда возвращались домой с добычей, по всему бараку несся терпкий запах похлебки, вскоре истощенные люди с аппетитом поглощали прогорклые куски кишок»[304].

Как рассказывают многие женщины, оказавшиеся в Сибири в фертильном возрасте, первые рождавшиеся там дети были нежизнеспособны.

Вскоре, спустя год, от воспаления легких умер мой двухмесячный брат. Вообще, по словам мамы, смерть детей была явлением частым, так как не было еды; у кормящих матерей не хватало молока, а дети с искусственным вскармливанием были слабы и очень быстро заболевали[305].

Нет почти детей 1945-1950 гг. рождения. Привезенные на Крайний Север малые дети продолжали умирать, а родившихся в этот период просто не было. Только позже стали рождаться дети. Многие вскоре умирали, так как на здоровье молодых женщин

---

302 ППТП. Муев Б.

303 Боль моя, Арал. ИК, 27 декабря 1991.

304 ППТП. Менкенова В.

305 ППТП. Наранкаева Б.

> пагубно сказывались суровые условия жизни и непомерно тяжелая работа[306].

До трех детей рожала женщина и теряла их, пока дети не стали выживать. В 1948-49 гг. в калмыцких семьях родилось 3193 младенца, при этом умерло 2766, в 1949 г. родилось 2058 человек, а умерло 1903[307]. Кстати, резкая смена климата и сильный стресс вызывали и такую женскую реакцию, как аменорея. Недаром наиболее трудным в первые годы люди считали «привыкание к местному климату и налаживание отношений с местным населением»[308].

> Бабушка до сих пор вспоминает те ужасные года, когда ей пришлось лишиться мужа, родителей, единственной сестры и восьмерых детей[309].

Оказавшись на новых местах, недостаточно зная русский язык, не имея специальности, которая могла бы здесь пригодиться, калмыки часто не могли устроиться на работу, да их и не всегда хотели трудоустраивать. Чтобы как-то выжить, голодным людям порой приходилось красть скот, с которым они хорошо умели обращаться. Опытным скотоводам было нетрудно подманить скотину, убить и быстро разделать, затем спрятать все следы кражи. Но все равно виновника находили. Часто в таких случаях спрашивали у детей, что они ели вчера. Доверчивые дети чистосердечно рассказывали, и арест был неизбежен. Арестовывали всегда только одного человека. Тяжелое положение калмыков продолжалось, работу найти было трудно, а кормить семьи было необходимо, иначе от голода умерли бы все. Другой возможности у репрессированных калмыков поесть, кроме как снова украв

---

306 Васляев С.М. Мы были похожи на подранков // Годаев П.О. Боль памяти. С.163.

307 Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.78.

308 ПМА ДИШ. Мухлынова М.С.

309 ППТП. Дорджиева Б.

скот, часто не было. Выход нашелся такой. Самые слабые, больные люди, которые не надеялись выжить, были готовы взять вину на себя, предварительно обговорив, кто из оставшихся берется вырастить и воспитать их детей и внуков. Вот одна из причин того, что в годы изгнания так часто жили вместе близкие и дальние родственники, и в одной семье носили несколько разных фамилий.

Люди, поставленные на грань жизни и смерти, лишенные возможности честно зарабатывать себе на еду и одежду, часто работая изо всех сил, но не получая ничего за свой тяжелый труд, пересматривали этические нормы. Они вынуждены были красть, чтобы жить. Действия людей, зафиксированные в рассказах и письмах самими авторами как кражи, вряд ли можно квалифицировать как воровство. Ведь экстремальность ситуаций меняла нормы обычной этики благополучной жизни. На войне как на войне. Не случайно на фронте использовали военный язык, сдвигавший семантику слов, при этом прямые значения многих слов табуировались. Одним из первых табуированных слов было «украсть», причем и красноармейцы, и солдаты вермахта применяли иносказания: спикировать, организовать[310]. Но если фронтовики сознательно дистанцировались от мирной жизни, то калмыки в тылу и в мирной жизни, которая своими обыденными угрозами могла быть приравнена к фронту, своего особого языка не завели. Поэтому все трюки выживания они и спустя шестьдесят лет бесхитростно считали воровством.

> Вскоре мать посадили в тюрьму за кражу одного килограмма мяса, которую совершили несколько человек, чтобы прокормить своих детей. Лишили свободы на десять лет[311].
>
> Деньги на жизнь я зарабатывал летом и зимой подрабатывал начиная с пятого класса. Через нашу станцию Чаны всегда везли уголь с востока на запад – кузбасский

---

[310] Лотман Ю.М. Не-мемуары // Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПБ. 2003. С.18-19.

[311] ПМА – ДИШ. Ункова Н.Ч. Элиста. 2002.

антрацит. Поезда останавливались. Мы, несколько пацанов, группировались, шли туда. Как только начинал состав трогаться, мы взбирались на вагон. Если полувагон, просто платформа, – хорошо, если большой вагон, хуже – высоко. Там или большие куски сбрасываешь, или в мешок набираешь и сбрасываешь. Соберешь – на горб, оттащил и припрятал, потом несколько ходок совершаешь и – к частникам, которые нуждаются. Мы сами знали, кому можно нести. Получали там иногда рублями, иногда продуктами. Так перебивались[312].

Тогда ей было всего шестнадцать лет. С того времени она и несла свой тяжкий крест, поскольку нужно было как-то жить. Продолжала работать и после замужества. А жили в нужде, так как заработки были скудные. Уходя с работы домой, она ухитрялась пронести замороженную рыбу под фуфайкой, перехваченной вместо пояса бечевкой. Как только мать переступала порог, мы с Олей бросались к ней и принимались развязывать бечевку. Нас забавляло, как при этом из-за пазухи, словно мелкие чурбачки, сыпались мерзлые рыбки и с дробным стуком разлетались по полу. Ей же было не до наших забав: освободившись от ноши, она прижималась к печке и долго отогревала окоченевшее тело[313].

Первая зима памятна постоянным чувством голода. Не знаю, каким нормами руководствовались, определяя нам рацион. Слишком скудным он был. Иногда нам удавалось полакомиться собачьей едой. Поодаль от интерната жил каюр – татарин. Мы заметили, что он после своих поездок кормит собак сытно, крупной рыбой, порубленной на куски. Зная график его поездок в Хатангу и по факториям, мы прятались вечерами вблизи его жилища, вырытого на склоне оврага. Как только, разбросав корм, хозяин удалялся, мы выскакивали из укрытия, палками отгоняли привязанных собак от еды и, забрав себе часть, быстро возвращались в интернат. А здесь наготове была вода, согретая в консервных банках теми, кому предстояло кухарить. Жирная рыба была весьма питательной пищей. Только добывать ее приходилось таким воровским путем. Однажды, когда заболел Максим Харайкиев – слег от сильного истощения, мы спасли его этой рыбой. Урезая свой пай, мы усиленно кормили Максима. И он

---

312 ПМА. Годаев П.О. Элиста, 2004.

313 Гавшунова В.А. Трагический отголосок ссыльной жизни // Мы – из высланных... С.325.

окреп, стал на ноги. Весной в нашем меню появились снегири. Пацаны наловчились их ловить, потом общипывали и зажаривали в печи[314].

Родители шли на все, чтобы спасти детей. Отец мой устроился извозчиком, подвозил хлеб с центральной усадьбы. И вот он усаживал нас, несколько человек детворы, вывозил из села и прятал в лесочке, где мы должны были дожидаться его возвращения. На обратном пути он заворачивал в лесок и от каждой буханки надламывал аккуратно наплывы, которые нависали по краям, и мы наедались досыта, а часть брали с собой. Видимо, хлеб он принимал и сдавал поштучно, а не по весу[315].

Бывали также случаи краж. Помню, как сосед – дедушка Церен украл несколько колосков с поля, чтобы прокормить свою семью. Его поймали и посадили за решетку, и с тех пор я его не видел[316].

В январе 1944 г. нас привезли в Новосибирскую область и определили в Куйбышевский район, колхоз «Большевистская смена», деревня Трехречка Булатовского сельсовета. Мне было 14 лет, работал я в колхозе на разных работах: пас телят, был учетчиком в полеводческих бригадах. В 1945 г. после уборки ржи я набрал колоски, но был пойман. В комендатуре взвесили: всего полтора килограмма. Председатель колхоза выручил меня, сказал, что некому пасти скот. А могло быть и хуже, в соседнем совхозе имени Сталина пас гурт инвалид войны Савелий Манжикович Улеев, которого за пол-литра молока осудили на десять лет.[317]

Однажды ночью весной 1944 г. Боова, Бадма и Бяява выкрали из сельского стада бычка. Зарезали и поставили варить мясо на печке. На следующий день управляющий с надсмотрщиком объезжали и проверяли всех в ближайших селах… Тетя Боова сидела и что-то шила, вдруг дверь открывается и слышатся голоса. Вскочив, подхватила ведро с мясом. Перевернула и села на него. И дальше стала шить, как ни

---

314 Б.К.Эрдни-Гаряев. Босыми ногами мы ломали лед // Мы – из высланных… С.300.

315 Убушиева С.И. Отец всегда помогал землякам // Мы – из высланных ... С.94.

316 ППТП. Э.Гаджиев.

317 Лиджиев Н.М. Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. С.75.

в чем не бывало. Управляющий вошел и почувствовал все равно запах вареного мяса. Маленький Бяява промолвил: «Дядя, а вы зачем пришли?» Начальник ответил: «Да вот бычка ищу». «А его у нас нет». Бадма сидел, не промолвив ни слова. Управляющий улыбнулся и ушел. Мама рассказывала, что дед с благодарностью вспоминал этого старого русского мужчину. Ведь этого бычка им хватило на целый месяц сытой жизни. Но не подумайте, что тетя Боова, Бадма и Бяява жили только, воруя чужой скот. Нет.[318]

На другом конце Изотова, в заброшенном деревянном домишке с покосившимся фундаментом жили четыре семьи: женщины с малыми детьми. Они жили подаяниями. Две дочери нашей землячки Очировой Шинды, Булгун и Дога, очень страдали от недоедания. Дети других лежали опухшими от голода. Моя мать, выросшая сиротой, иногда им помогала, уменьшая нашу долю еды. Но мы понимали, что им труднее, чем нам. Бедные женщины, чтобы спасти детей от голода, пошли на отчаянный шаг – украли колхозную овцу. За это их посадили в тюрьму, а детей отправили в детский дом. К счастью, все выжили и дождались матерей[319].

Поселили их в Красноярском крае около шахт, где и работала моя бабушка. Было холодно, голодно, однако вскоре их адрес узнал дедушка и стал периодически посылать им деньги, посылки. Позже, уже придя в Германию, хотя об этом и не принято говорить, он, как и все солдаты, стал посылать различные подарки родным, которые те меняли на еду на рынке. Таким образом, мой дедушка спас семью от голодной смерти[320].

О недовольстве калмыков сообщала агентура НКВД, усердно вербовавшаяся среди прибывших людей. Так, 13 февраля 1944 г. начальник отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР Мальцев докладывал о Сактаеве, который говорил:

Теперь нашим калмыкам придется погибать. Если бы власть не была заинтересована в гибели калмыков, то нас переселили бы со всем нажитым добром. А нам за все, что мы оставили дома,

318 ППТП. Батнасунов М.

319 Джиляев М.М. Сибирская природа давала силы // Мы – из высланных ... С.60.

320 ППТП. Эняева Э.

> дали 8 кг муки, 2 кг крупы и по 8 кг мяса, а каждый калмык дома оставил очень много добра и все это пойдет на пользу власти[321].

Чтобы выжить, надо было браться за любую работу. Когда работы не было или ее не давали по малолетству, нужны были предприимчивость и смекалка. Часто это была рискованная инициатива.

> Многие семьи бедствовали, особенно те, в которых не было главы семьи – мужчины. Поэтому подростки брали на себя хозяйственные заботы. Особенно старались мы, когда начинался ледоход. Вместе со льдом всегда шел всякий лес. И мы с большим риском для себя, перепрыгивая со льдины на льдину, собирали и выбрасывали на берег древесину. А еще выше Хатанги находилось Каякское месторождение каменного угля. Там добывали высочайшего сорта антрацит. Местами лед бывал им усыпан. Мы приноровились собирать его. Так мало-помалу запаслись топливом.
>
> А как мы ждали навигацию, сказать невозможно. Суда привозили продукты практически на целый год. Их нужно было как можно быстрее разгрузить. Поэтому для этой работы брали и подростков, несмотря на их малолетство. Здесь, кроме прямого заработка, нам удавалось разжиться и провизией. Особенно при разгрузке кондитерских изделий мы ловчили. Так, я иногда в самом конце трапа вроде как нечаянно, из-за потери равновесия, ронял ящик. Тара разбивалась, содержимое рассыпалось и становилось добычей пацанов. Мою же долю они честно оставляли. Бригадир прекрасно понимал мои уловки и для виду, бывало, прикрикнет, но смотрел снисходительно. От работы меня не отстранял, давал возможность хоть сколько-нибудь подзаработать[322].

Статус выселенцев и дисперсность расселения затрудняли возможность брака для многих калмыков в то время. Тем не

[321] Докладная записка начальника отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР Мальцева заместителю наркома внутренних дел СССР В.Чернышову // Книга памяти... Т.1. Кн. 1. С. 142.

[322] Акуев В.У. Даже там мы умели радоваться // Мы – из высланных ... С.307.

менее, демографическая диспропорция послевоенного времени, недостаток мужчин-сибиряков приводил к смешанным бракам между мужчиной-калмыком и женщиной-сибирячкой. Часто такие браки не регистрировались из-за разницы в гражданских статусах. Бывало, что такая гетерогенная семейная пара жила долгие годы, так и не зарегистрировав брак. Моя семидесятилетняя соседка по Элисте, урожденная сибирячка, вдруг осознала в 1989 г., что почти полвека прожила с мужем-калмыком без штампа о семейном положении в паспорте. Неожиданно уже в преклонном возрасте она стала просить мужа зарегистрировать брак в ЗАГСе, аргументируя, что хочет, «подобно Еве Браун, хотя бы перед смертью официально оформить статус жены».

В то же самое время многие калмыцкие женщины, чья молодость пришлась на это лихолетье, так и не смогли выйти замуж. Мужчине найти супругу в послевоенное время было легче. Стратегия выживания заключалась и в том, чтобы создать семью, желательно калмыцкую.

Интересна в этой связи история знакомства моих родителей. Мой отец, Мацак Гучинов, 22-летний офицер, был ранен на фронте весной 1943 г. и после госпиталя комиссован по ранению. В декабре 1943 г. он был выселен из Калмыкии в г. Куйбышев Новосибирской области. Там он подружился с маминым дядей Эрдни Зундуевым, который и рассказал ему о своей племяннице. Выпускница Астраханского педагогического института Мария Бальзирова в то время работала на рыбоперерабатывающем заводе в Сургуте. У нее не было никаких шансов выйти замуж, потому что калмыков соответствующего возраста там было мало. Мой будущий отец вызвал ее письмом как невесту, другой возможности познакомиться у них не было, потому что для переезда из одного места в другое необходимо было иметь вызов члена семьи. Невеста или жених приравнивались к членам семьи.

Мария приехала к своему незнакомому жениху в полдень, и в тот же вечер они сыграли свадьбу. Так же поженились родители депутата Государственной Думы Александры Буратаевой. Они были мало знакомы и расписались в ЗАГСе, потому что одиноких калмыков из Омской области должны были отправить на Таймыр, а женатые люди имели шанс остаться и выжить. Это была возможность остаться в живых[323]. Многие создавали семьи, руководствуясь не романтическими чувствами, а рациональными мотивами. Как отмечала одна из депортированных, видимо, обобщая свой жизненный опыт, «у многих людей личная жизнь сложилась не так, как могла бы при более благоприятных условиях, многие создали семьи без любви, просто по случаю совместного проживания в какой-нибудь местности»[324].

> Родители вступили в брак, если выражаться официальным языком, на борту речного парохода «Мария Ульянова» в пути следования на север. Отцу было тридцать два года, а матери двадцать два. Они понимали, что впереди – неизвестность и вряд ли ждет их легкая жизнь. Вот и решили держаться вместе, создать семью. Как ни говори – двое не один, опора друг другу[325].

Приведу еще одну семейную историю – о побеге из Сибири родственницы Софьи Алексеевой. Она показывает, что выжить в трудных условиях можно было, если пойти на риск, а не пассивно ждать гибели кормилицы семьи, – и, следовательно, всех остальных ее членов. Выпускница Московского педагогического института, Софья к началу войны имела двоих маленьких детей, комнату в Москве. Ее муж был главным врачом санитарного поезда. Летом 1941 г. она покинула Москву и приехала в Калмыкию к своей матери, преподавала математику в школе. Оказавшись в Сибири, она попала на

---

323 ПМА. Буратаева Л. Берлин, 2003.

324 Кардонова К.Э. Я лишь хочу, чтоб это не забылось // Мы – из высланных... С.143.

325 Гавшунова В.А. Трагический отголосок ссыльной жизни // Мы – из высланных... С.324.

работы по лесозаготовке, там упавшее бревно повредило ей позвоночник. Она понимала, что квалифицированную помощь получить не сможет, даже если ее положат в больницу, ее дети и старая мать, не понимающая по-русски, погибнут от голода. Они жили недалеко от железной дороги; отчаявшись, Софья показала свой аттестат жены главврача начальнику другого санитарного поезда, который следовал на фронт через Москву. Начальник поезда разрешил ей тайком, в бункере, доехать до Москвы, если только ее не поймают. В случае обнаружения он бы за нее не заступился. Так Софья с детьми и матерью вернулась в Москву, в свою комнату. Когда в 1948 г. при ужесточении режима прочесывали столицу и пришли к ней, работники НКВД, увидев лежачую больную, двух малышей и не понимающую по-русски старуху, оставили их в покое. Этому способствовали ее некалмыцкие имя и фамилия, а также некалмыцкие имена ее детей – Артура и Ларисы. Эта история – одно из немногих счастливых исключений.

На риск шли легче в ситуациях крайней опасности для жизни, особенно при угрозе голодной смерти.

> Со мной были уже два племянника, семи и десяти лет. Занимались тем, что поручат, но ничем определенным. И нам было хуже, чем в Тюмени. Мои мальчики весной 1945 г. в колхозе заболели от истощения. Я была готова на все, чтобы их спасти. И когда прослышала, что рядом на ферме есть стадо больных коров, решилась на рискованный шаг. Ночью подобрала помойное ведро у кого-то из местных, помыла его, пошла на ферму. Вернулась с полным ведром молока. В течение ночи несколько раз поднимала мальчиков и поила молоком, а ведро отнесла на место. На следующую ночь проделала то же самое. Третий раз рискнуть побоялась. Даже этого было достаточно, чтобы хоть чуть-чуть поднять мальчиков[326].

---

[326] Дюгеева Т.Т. Не только судьбы были исковерканы… // Мы – из высланных… С.253.

Чтобы получить образование, спецпереселенец должен был проявить личное мужество и целеустремленность:

> Старший брат решил учиться в техникуме. Написал заявление своему коменданту, что очень желает учиться. Тот отговаривал, не пускал, но брат настаивал и добился своего. Пришло приглашение из техникума, и через областное начальство брату разрешили переехать к месту учебы. Наш комендант отконвоировал будущего студента в город и сдал его под конвой другого коменданта. Вот такие трудности и препоны стояли перед переселенцами на пути к образованию[327].

Установки на получение средне-специального и высшего образования тоже были долговременной стратегией выживания.

> Отец нам настойчиво давал жизненную установку на образование. Когда мы уже стали жить вполне сносно, мы, сестры, подражая некоторым подругам, просили отца справить нам обнову. В моду входили шелковые наряды. А он внушал: не думайте и не гоняйтесь за шелком, а думайте об учебе. Когда получите образование и будете иметь специальность, то шелковое платье, и не только оно, само найдет вас[328].
>
> В 1954 г. я окончил семилетку на вечернем отделении для рабочей молодежи. Теперь нужно было выбирать: либо продолжать учебу в школе, либо поступать в техникум. К этому времени у меня уже родился сын, что делало почти невозможным второй вариант. Но родные настаивали – поступать в техникум. Они сказали: дом у нас есть, огород, коза, поросенок имеется, так что голодать не будем. Отправляйся учиться и не переживай[329].
>
> В эти тяжелые годы все жили плохо, много работали, но родители понимали и все делали для того, чтобы я училась. Я одна училась в средней школе, потому что другие калмыки не имели возможности, всем надо было кормить семьи. Ребятишки

[327] В годы.... ИК. 29 декабря 1992.

[328] Кардонова К.Э. Я лишь хочу, чтобы это не забылось // Мы – из высланных...С.142.

[329] Кушинов Л.Д. Комендант уверял, что меня в техникум не примут // Мы – из высланных ... С.74.

> все работали, пололи картошку, чистили снег. Как-то наш папа заболел. У него было после войны нервное истощение, и ему врачи запретили работать год. А кто семью кормить будет? Еля, Таня? Всё. Я говорю папе: пойду работать, буду снег чистить на железной дороге. Но он мне сказал: нет, доченька, не надо. Я выздоровлю, и врачи разрешат мне работать. Ученье – свет, неученье – тьма. Ты учись, ты потом нам поможешь. Кто-то в семье должен быть грамотным. Даже не надо расстраиваться, папа у вас есть, вылечусь, буду работать, мы с голоду не умрем[330].

Воспоминания о депортационных бедах часто сводятся к вопросу – как же выжили, что помогло? Объяснения различны. Многие считают, что «провидение спасло», «может быть, помог Всевышний, не дал пропасть нашему роду». Как писал в своих воспоминаниях отец Президента РК Николай Илюмжинов, из поколения в поколение в их семье передавались буддийские реликвии: статуэтки Будды, иконы, четки, кюрде (ритуальный барабан с молитвами), лампады.

> Сегодня, глядя на эти духовные семейные святыни, думаешь о том, что, может быть, благодаря им мы остались живыми и вернулись из Сибири на родину... Кто знает, может быть, некий родовой гений-хранитель оберегал нас, и в Сибири наша семья никого не потеряла, хотя с лихвой испытала все невзгоды и страдания, выпавшие на долю калмыцкого народа[331].

Большинство полагает, что выживание стало возможным из-за необходимости заботы о родных и постоянного труда, благодаря поддержке земляков, в том числе старших калмыков и других добрых людей (некалмыков). Про эти годы было сказано, что «в Сибири раскрылись лучшие черты нашего

---

330 ПМА. Урхаева Р.К. Элиста. 2004.

331 Илюмжинов Н. Д. Предки, факты, время. Элиста: ККИ. 1997. С.10

народа: люди помогали друг другу, делились последним, берегли сирот, стариков».[332]

> Нас разместили в общих бараках. Условия были никудышние, но все-таки это был не товарняк. Для своей семьи я выхлопотала у женщины-коменданта отдельную комнату. В благодарность угостила ее лаганской вяленой воблой. Сколько раз мне еще предстояло впереди проявлять изворотливость, обращаться к людскому сердоболию, чтобы облегчить участь своих малолетних детей и постаревшей матери; находить при этом понимание и поддержку одних, получать откровенно презрительный, грубый отказ других[333].
>
> Каждый из нас стремился выжить. И жизнь шаг за шагом налаживалась и входила в нормальное русло. Благодаря этому мы стали смелее смотреть в завтрашний день. С годами семья моя пополнялась, и я стал думать о своих малышах, чтобы создать им нормальные условия жизни. Поэтому я работал не только для заработка на один день, но думал о будущем. Выучился первоначально на шофера, потом на тракториста. И последние несколько дней работал на тракторе ДТ-54. В те годы это был самый современный трактор и внедрялся на смену старым маркам тракторов. Я работал на нем с большим подъемом и добивался очень высоких результатов. Поэтому отмечали мою работу премиями, разными грамотами. И зарабатывал я большие деньги[334].
>
> За эти годы, прожитые в Сибири, бабушка потеряла самых близких и дорогих людей – мужа и сына, но у нее оставались две дочери, ради которых она продолжала жить[335].
>
> Вначале Байрта с детьми жила впроголодь, но время спустя Алеша стал кормить семью. Он срисовывал и увеличивал с фотографий портреты ушедших на фронт для их близких, за что люди благодарили его различными продуктами, кто чем мог. Позже председатель колхоза предложил Алеше рисовать карикатуры на лентяев, за что также платили продуктами. Через

---

[332] Насунова – Сенглеева К.Д. В ссылке раскрылись лучшие черты нашего народа // Мы – из высланных... С.258.

[333] Васильева Г.С. Нас окружали хорошие люди // Мы – из высланных... С.330.

[334] Амнинов А.Д. Мы рано повзрослели // Мы – из высланных ... С.245.

[335] ППТП. Бадмаева А.

полгода семья переехала в Чернореченскую, где Алексей продолжил работу художником на станции и в клубе[336].

Однако родство и помощь сиротам–родственникам не были непреложным законом для всех. Многие пользовались ситуацией и эксплуатировали малолетних родственников.

Помню такой дикий случай, который, думаю, был невозможен в более-менее нормальных условиях. Гюнзиков Дорджи-Гаря, тогда ему было лет 7-8, в день высылки гостил у своего дяди Басанга, с которым и выслали мальчика. Обут он был в черные валеночки, в которых приехал к дяде. А в поезде дядя снял с ног племянника его валенки и надел своей дочери. Мальчик обморозил пальцы ног. Когда приехали в Тюмень, мальчика выгрузили, кто попало на него наступал, ворчал, оскорблял, а он только скулил. Никто его не кормил. Дядя напрочь забыл о нем[337].

В холодном вагоне мать совсем слегла и ее, мертвую, скинули на одной из стоянок. А девочку приютила дальняя родственница. Она ее прикрепила к своей семье, так как у нее были маленькие дети и старуха-мать. Девочка Шарка должна была стать нянькой, домработницей и девочкой на побегушках за чашку чая. В дополнение она получала тумаки и побои. От такой каторги девочка сбежала и скиталась в лесу, выбегая на дорогу после проезжавших телег: вдруг повезет и какие-то огрызки ей достанутся. Когда совсем похолодало, она стала на ночь прибиваться к жилью и ночевала, где придется. От людей пряталась, так как опухла от голода, покрылась коростой и одежда превратилась в лохмотья. Однажды ее, такую страшную дикарку, увидели дети и погнали по селу, как собачонку, с улюлюканьем. Насилу отбили две женщины-калмычки, привели домой, обмыли, обстригли наголо, переодели в старые, но чистые тряпки и удивились, что она еще «ничего» (то есть не страшила). Они поручили ей приглядывать за их маленькой ребятней, относились к ней по-дружески, и девочка расцвела, а тут вернулся ее брат с фронта, и они зажили как все[338].

---

336 ППТП. Алексеева К.

337 Дюгеева Т.Т. Не только судьбы были… // Мы – из высланных … С.252.

338 ППТП. Шевенова О.

Выживанию способствовали вера, молитвы и общение с буддийскими священнослужителями. Монахи и народные целители лечили методами тибетской медицины, предсказывали возвращение домой. Всопоминали, будто некоторые из них предчувствовали депортацию задолго до того, как указ о ней был подписан.

> За три месяца до выселения, осенью 1943 г., священнослужитель Бюрчиев запросил гроб. «Нас ждут большие испытания, говорил он, ветер дует с холодной стороны. Я не выдержу». Через три дня его не стало. Его похоронили в совхозе Балковский[339].
>
> В начале 1947 г., когда Манджиеву Очир-Гаря исполнилось сорок лет, он увидел сон. И во сне ему было сказано, что с этого момента ему ниспослан пророческий дар. Теперь он должен им пользоваться, чтобы помогать людям. Правда, он и без этого много добра сделал нам, когда на новом месте возглавил все работы по обустройству. Но тут уже был особый случай. Его стали посещать вещие сны, по которым Очир-Гаря предсказывал людям будущее. И ему верили, потому что действительно его предсказания сбывались. После одного из первых, самых красочных снов он сказал, что калмыков ждет приятная новость – возвращение домой и благодатная жизнь на родине. Но это произойдет уже без меня, – добавил он. Через четыре года, в феврале 1951 г., тяжело больного Манджиева отвезли в Хатангскую больницу. С трудом пробиваясь сквозь разыгравшуюся пургу, доставил его туда мой будущий муж Васляев Л.М. на собственной собачьей упряжке. Вскоре Очир-Гаря там и умер.
>
> Больница предложила Хатангскому рыбозаводу взять на себя заботы по захоронению. Дирекция завода поручила это пятерым рабочим – немцам, тоже, как и калмыки, спецпереселенцам. Родственники Манджиева сумели попасть в Хатангу только летом. Рабочие, хоронившие покойника, с глубоким к нему почтением рассказывали, что, явно, это был непростой человек. Потому что ни лом, ни пешня, которыми они запаслись, фактически не понадобились для рытья могилы.

---

339 ПМА. Пюрвеев Д.Б. Москва, 2003.

Земля под лопатой была, по их признанию, мягка как пух. Поэтому они без труда выкопали могилу. А ведь даже летом мерзлота отступает едва на 30-40 см. Пораженные невиданным явлением рабочие то и дело повторяли: это был непростой человек. Даже своей смертью Очир-Гаря укрепил в нас веру в возвращение домой, на родину[340].

Мама всегда говорила, что вера в Бога и следование традициям предков помогли им с отцом выжить в нелегких сибирских условиях, продолжить свой род. Незадолго до победы над фашистами родилась я. Так уж получилось, что я появилась на свет слабой, болезненной. Может, сказался климат, непривычный для степняков, а также тяготы и лишения, выпавшие на долю родителей, возможно, так было угодно судьбе. Мало было надежд у папы с мамой, что дочь победит недуг и будет радовать их своим детским криком… Одна бабушка подсказала маме, что меня нужно срочно везти к гелюнгу[*] в Новосибирск, чтобы выполнить ритуалы, необходимые для спасения моей жизни. О гелюнге этом в Убинском, почти за двести километров от Новосибирска, в калмыцких семьях ходила добрая молва. Так как отец был на хорошем счету на производстве и за родителями не было никаких нарушений, начальство промкомбината и спецкомендатуры дали ему разрешение на поездку. Папа поехал один… Не было его чуть больше недели. Когда он вернулся, мне заметно полегчало., и я стала расти и набираться сил… Сейчас, когда его нет среди нас, не только я, но и многие старики, жившие во время депортации в Новосибирской области, и те, кто обращался к нему за помощью, помним и чтим память Дорджин-шагджи, в самые тяжелые для нашего народа годы не отрекшегося от веры и приносящего добро людям[341].

Летом 1953-го я играл на детской площадке во дворе. Мимо проходили зэки и они просто так взяли меня за ноги и шарахнули головой вниз. Я три месяца в сознание не приходил. Меня отвезли в село Букатак к калмыцкой бабке, и она меня вылечила. Бабку я не помню, но помню деревянную избу, и помытые полы пахнут деревом. Я сижу, и на двери распята летучая мышь и она

---

[340] Цебекова С.С. Провидение нам дарило надежду // Мы – из высланных… С.292.

[*] Здесь – врач тибетской медицины.

[341] Широкова А.А. Долгая жизнь в ссылке // Мы – из высланных ... С.186.

> головой вертит, верещит. А надо мной бабка свинец льет. Несколько раз она отливала, мне показывала. Вначале выходили шипы, потом что-то другое. Постепенно болезнь стала проходить[342].

В трудные годы поднимали настроение вечеринки с земляками, на которых исполнялись калмыцкие песни и танцы. Это было возможно, когда калмыки оказывались в компактном поселении и при более-менее благоприятном отношении со стороны начальства. Осужденная этничность вдруг заявляла о себе в полный голос.

> Как только был поставлен первый жилой барак, тесный и неудобный, калмыки затягивали любимые песни. Появлялась на свет гармошка, и измотавшиеся на работе люди преображались. Откуда брались силы, не знаю. Но танцевали, веселились без устали. А наутро шли снова стынуть на холоде[343].
>
> Вот ведь штука какая: живот пустой, холодно, голодно, одна мысль в голове – выжить, и не до песен, кажется, – а пели. Душа рвалась…[344].

Рецепт выживания сформулировал народный поэт Калмыкии Константин Эрендженов, находясь в лагере: «И здесь я понял один из важных жизненных принципов – надо уметь быть полезным людям. А найти это самое умение быть полезным ох как трудно! Но только таким образом утверждая свою полезность, убеждая своим умением в том, что ты можешь не хуже других, даже в чем-то их превосходить, – можно было наравне общаться изгою с теми, кто сделал или считал его таковым»[345]. Подобное я слышала от Р.К. Урхаевой, закончившей в те годы Омский мединститут с красным

---

[342] ПМА. Манджиев О.И. Москва, 2004.

[343] Годаев П. Указ. соч. С.150.

[344] Шел третий год войны. Рассказ старой калмычки. Запись Э.Шамакова. КК. 1988. 21 июля.

[345] Эрендженов К. Калмыцкие благопожелания. М.: Новый ключ. С.107.

дипломом: мы, калмыки, должны были учиться только «на отлично».

Важный фактор, который редко всплывает в воспоминаниях, но, тем не менее, был одним из основных в стремлении выжить – это взвешенное, рациональное отношение к тем ограниченным ресурсам, которые были у людей. Семья Кокшуновых в Омской области, получив деньги как компенсацию за имущество, потратила их на покупку коровы. Эта корова стала кормилицей их семьи. «Мы жили очень просто, бедно, скудно, все было рассчитано, все рационально использовалось. Так не было, что сегодня много, а завтра нет. А вот другая семья, которая жила по соседству, получив эти деньги, истратила их на вечеринки, а потом нуждалась и голодала»[346]. Экономить надо было на всем:

> Осенью 1945 г. умерла сестра Света. На похороны освободили от работы всего на полдня и по разнарядке выделили три метра холста на гроб. Мать сэкономила и сшила мне платье, так как мое уже совсем обносилось[347].

Одной из стратегий выживания стало изменение гендерных ролей в калмыцкой семье. До 1943 г. в семье, безусловно, преобладала патриархатная модель и главой семьи всегда был старший мужчина. Даже подросток, если он был младший мужчина в семье, был по статусу выше снохи, замужней женщины, которую всегда брали из другого рода. Только состарившись, став матерью женатого сына, женщина становилась уважаемой.

Как представляется, большая часть ответственности за выживание народа легла на калмыцких женщин, которые в отсутствие мужей должны были взять на себя мужские обязанности в дополнение к традиционным женским ролям. В

---

[346] ПМА. Сельвина К.Е. Элиста. 2004.

[347] Кокрушева М.Д. Мы страдали по вине всяких начальников // Мы – из высланных... С.71.

самый тяжелый первый период, когда практически все здоровые мужчины от 17 лет и старше были на фронте, а позже многие в Широклаге, дома оставались старики. Многие из них не знали русского языка и не могли быстро сориентироваться в дороге и на месте, и все вопросы выживания должна была решать женщина. Традиционная сфера ответственности калмыцкой женщины расширилась.

В годы депортации калмыцкой женщине пришлось взять на себя, с одной стороны, заботу о воссоздании “дома” и традиционных ценностей в совершенно новых, незнакомых и порой враждебных условиях, принять на себя ответственность за сохранение семьи, а с другой – выйти за порог дома, пойти на общественные работы, что было совершенно новой ареной для нее. В результате изменились практически полностью не только облик женщины-калмычки, но и ее место в обществе и социальная роль.

Как же в отсутствие мужчин изменилась гендерная роль калмычки? Ей приходилось выполнять свои традиционные обязанности – стирать, одевать, кормить, благоустраивать дом, что было невероятно трудно и требовало выдумки, инициативы, риска. Ей также приходилось нести ответственность за всех членов семьи, принимать решения, быть главой семьи и материально ее обеспечивать, выполняя роль, традиционно принадлежавшую мужчине. Социальное продвижение калмычки имело следствием и появление таких личных качеств, которые ранее не были заметны. Это отметили все калмыки, прошедшие депортацию, и в первую очередь – сами женщины. Одна из них отмечала, что за тринадцать лет депортации калмычки стали смелее и независимее, их стали уважать[348]. В то же время женщинам приходилось «труднее, чем мужчинам, потому что работы было в два раза больше, чем у мужчин, ведь у мужчин были минуты, когда они могли отдохнуть, которых не было у женщин»[349]. Это понимали и

[348] ПМА – ДИШ. Убушиева Е.К.
[349] ПМА – ДИШ. Салынова Д.У.

калмыцкие мужчины: «Женщины трудились, чтобы выжить, а им труднее, чем мужчинам, приходилось, им еще о семье надо было заботиться»[350]. Изменение гендерных ролей помогло калмыкам выжить в экстремальных условиях, стало механизмом этнического выживания.

2.9. Встреча с родиной

После смерти «вождя народов» и ареста Л.Берии у всех наказанных народов появилась надежда на реабилитацию. Многие стали писать жалобы о незаконности репрессий, имевших место в годы сталинизма. Робко и осторожно люди поднимали голос в защиту своих попранных прав. Вот выдержки из письма коммуниста Л.Кирсанова:

> Настал момент положить конец ограничениям, наложенным на калмыков. Может быть, во время войны это было необходимо и целесообразно, но сейчас они не нужны... в первую очередь все права должны быть даны солдатам и офицерам, служившим в Советской Армии в годы войны[351].

Самые тяжелые последствия этих 13 лет – большие человеческие потери. По материалам переписи 1926 г. калмыков насчитывалось 129 321, по данным засекреченной переписи 1937 г. – 127 336 чел., а по всесоюзной переписи 1949 г. число калмыков снизилось до 88 900 чел.[352] В 1949 г. был проведен переучет всех репрессированных народов и некоторых других групп – «власовцев», «оуновцев», бывших кулаков. Данные этого переучета позволяют проследить

---

350 ПМА – ДИШ. Помпаев М.Д.

351 См. Бугай Н.Ф. Указ соч. С. 79.

352 Шалхаков Д.Д. Демографические особенности населения Калмыцкой АССР // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста: ККИ. 1985. С.28.

изменение численности калмыков от начала депортации до 1949 г.: из 91919 высланных калмыков прошли переучет 73727 человека, при 16017 умерших за этот период[353]. Итоги переучета, – в ходе которого выявились случаи побегов, после чего в Астраханское управление МВД поступили списки бежавших калмыков (268 чел.), – привели к ужесточению режима проживания спецпоселенцев в июне 1949 г. В «Инструкции для комендантов спецкомендатур МВД по работе среди выселенцев-спецпереселенцев» значилось: «Находящиеся на спецпоселении калмыки, немцы, чеченцы, ингуши... являются “выселенцами”. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 года эти выселенцы:

а) переведены на спецпоселение навечно, без возврата их к прежним местам жительства;

б) за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев мера наказания определена в 20 лет каторжных работ»[354].

К 1959 г. калмыков насчитывалось 106,1 тыс. чел.[355]

Калмыки, которых не выселили, а это были единицы, жили в постоянном страхе и тревоге. В 1952 г. 16-летняя москвичка Эза Каляева должна была получить паспорт, а в то время как раз шло «дело врачей». Сотрудник милиции прочел в анкете, что мать у нее еврейка, и, видя узкие глаза Эзы, спросил: «Девочка, а другой национальности, получше, у тебя нет?» Но назвать национальность отца-калмыка она не могла, иначе ее немедленно отправили бы в ссылку. Дочь кадрового военного Рая Онкаева оказалась с семьей в Ленинграде, куда отец был направлен из Монголии для преподавательской работы. Как она вспоминала, слово «калмык» услышала впервые в 1956 г., а до этого ломала голову, кто она – китаянка, кореянка или японка?

---

353 См. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.77

354 Там же. С.76.

355 ИК. 25 декабря 1993.

Первой ласточкой, предвестницей оттепели стала калмыцкая песня «Тегряш», переданная по всесоюзному радио[356]. Многие калмыки запомнили, какой радостью были для них слова диктора «передаем калмыцкую народную песню» и голос калмыцкой певицы Улан Лиджиевой. Однако в народе помнится, что песня, которую транслировали, была другая – «Нюдля». Эта аберрация памяти не случайна, ведь «Тегряш» – старая песня о жизни с нелюбимым мужем, а «Нюдля» написана в 1943 г. фронтовиком о разлуке с любимой девушкой и любимой степью, о неизбежности встречи. Трансляция калмыцкой песни означала, что слово «калмык» уже разрешено властями и вернулось в официальный публичный дискурс. Таким образом, калмыков возвращали в семью советских народов. Это был знак начала политики смягчения режима спецпереселения. Рассказы об этом дошли до внуков. А имя певицы стало символом калмыцкой песни, как бы единственным голосом безгласного народа.

> В 1956 г. по всем территориям, где проживали калмыки, были разосланы радостные телеграммы: двадцать четвертого июня слушайте по Всесоюзному радио калмыцкие песни. 24 июня из радиоприемника, у которого собрались все калмыки, живущие в селе, раздался голос Улан Барбаевны Лиджиевой. Все радовались и плакали от счастья[357].
>
> Папе телеграмма пришла, что он приглашается в оргкомитет по восстановлению автономии. В Красноярске он зашел в дом, где жила Улан Барбаевна. Она, узнав о новости, спела и отец, благословляя ее песню, обернул стакан, который держал, сторублевкой. Она позже рассказывала, что на эти деньги купила три метра штапеля и в сундук положила. Папа ее очень уважал[358].

356 Калмыкия в вопросах и ответах. Элиста: Джангар. 1998. С.136.

357 ППТП. Алексеева К.

358 ПМА. Сельвина К.Е. Элиста. 2004.

10 марта 1955 г. МВД СССР разрешило выдавать спецпоселенцам паспорта на общих основаниях, а до этого калмыки не имели паспортов. В марте 1956 г. был подписан указ Президиума Верховного совета СССР о снятии ограничений в правовом положении с переселенных калмыков и членов их семей. Несмотря на содержание указа, его тон продолжал быть далеким от демократического, как и отношение властей к калмыцкому народу. Так, указ постановлял:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД калмыков и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны;

2. Установить, что снятие с калмыков ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»[359].

Снятие ограничений по спецпоселению было лишь частичным потеплением политического режима. Эта половинчатая политика нашла отражение в постановлении ЦК КПСС: «Обязать ЦК КП Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Алтайский и Красноярский крайкомы КПСС, Сахалинский, Кемеровский, Свердловский, Новосибирский, Томский, Омский и Тюменский обкомы КПСС провести необходимую работу по закреплению калмыков в местах их настоящего жительства, исключив возможность их массового выезда из мест поселения»[360].

> Еще до указа в газете «Правда» за 56, не то за 57 г. я прочитал рассказ ростовского писателя Виталия Закруткина «Подсолнух». Меня потрясло, что речь шла о калмыке Бадме. Я носился с этим рассказом, показывал всем ребятам в общежитии. Потом музыку калмыцкую услышал по радио, тоже носился по

[359] См. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.85.
[360] Там же. С.86.

общежитию. Мы и сами были активными. Будучи студентом первого курса, в декабре 55 года я был одной из центральных фигур по написанию письма в ЦК КПСС по поводу штампа в паспорте «Разрешается передвигаться в пределах Новосибирской области». Эту идею подал мой друг Мёнкубушаев Иван, студент строительного техникума, он был на пару лет старше меня и больше общался со старшими. Он принес эту идею, а написать текст, переписывать и доводить до кондиции должен был я. Я должен был встретиться с одним из комендантов городского района, калмыком Егоровым, и посоветоваться с ним. Он прочел письмо, молча посмотрел на меня пристально и, ни слова не сказав, отдал мне письмо, повернулся и ушел. Я потом стал понимать, что он боялся, а тогда я опешил и не мог понять. Как же так, я за советом обратился, а он ни слова не сказал. Письмо было о том, чтобы калмыкам-студентам снять ограничения на передвижение, что это нас ущемляет, морально угнетает.

У меня был однокурсник Саша Мосжерин, сын капитана речного флота. Он всегда опаздывал к началу первой лекции. И вдруг он пришел чуть ли не раньше всех, весь возбужденный, уши торчат, глаза горят, рот открыт. Мы удивились: Саша, да как ты? Он говорит: ребята, папа пришел вчера поздно домой. Им читали доклад, и оказывается, Сталин был преступник. И ко мне. Паша, оказывается, вас, калмыков, неправильно выслали. Коротко, фрагментарно, запыхавшись, говорит: папе на работе читали доклад Хрущева, который он делал на XX съезде, и там он сказал, что столько людей наказывали и репрессировали неправильно, и все по вине Сталина. Группа как будто обомлела. Мы же Сталина боготворили. И вдруг такие слова. А я тем более ошалел – такое услышать. Я встал из-за парты и подошел к нему, говорю: Саша, скажи, ты же понимаешь, как мне это важно. – Правда! Это большой доклад, несколько часов им читали. Тут все подошли меня поздравлять[361].

В соответствии с решением XX съезда КПСС на Шестой сессии Верховного совета СССР был утвержден указ Президиума Верховного совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР на основе прежней территории в границах Ставропольского

[361] ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

края». Этот день позже будет предложено назвать Днем Освобождения или Днем Возрождения. Уже 25 января 1957 г. калмыкам было разрешено проживать и прописываться в местах, откуда они были выселены. В марте того же года прошли выборы в местные Советы. 29 июля 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую Автономную ССР. В течение второй половины пятидесятых годов большая часть калмыков вернулась во вновь образованную Калмыцкую республику. Для многих из них о невозвращении из Сибири не могло быть и речи, остаться там значило для массового сознания признать свою вину и справедливость сталинского наказания.

Однако вопрос о возвращении одних и невозвращении других репрессированных народов остается открытым. Властные органы предпочитают не высказываться публично по этому вопросу. Так, в наши дни встречается мнение, что российские немцы и крымские татары должны были остаться в местах выселения, поскольку местные власти были заинтересованы в них, как в хороших тружениках, в то время как чеченцам, ингушам и калмыкам разрешили уехать, т.к. считали их «полудикими» и «доставляющими больше хлопот, чем пользы»[362].

Свою роль в воссоздании Калмыцкой автономии сыграли лидеры калмыцкой общины в США, которые писали и рассылали письма-меморандумы высшим чиновникам Госдепартамента США, в авторитетные международные инстанции. Сведения об истреблении малых народов в СССР были хорошим аргументом для политиков США в период холодной войны, а затем и в последующем идеологическом противостоянии двух стран. Выступления членов делегации калмыков из США на конференции руководителей 29-ти

---

362 См.: Medvedev R.A., Medvedev Zh.A. Khrushchev: The Years in Power. Tr. from Russian by A.Durkin. N.Y. 1978. P.122.

государств Азии и Африки в Бандунге в 1955 г. вызвали большой международной резонанс[363].

> В 1956 г., когда вышел Указ, я помню, отец забегает домой, и у него крупные слезы текут. Подбегает к радио, включает на полную мощность, а там калмыцкая музыка. Впервые я его видел плачущим. Он взял отпуск на три дня, нам с братом купили красивые бушлаты и каждый день мы с утра ходили на вокзал. Я помню, двери товарняка раздвигаются, и на перрон высыпает обилие калмыцких лиц. Гармошки, домбры. Люди начинают танцевать. Отец стоит и плачет, обнимает всех подряд. У меня карманы были набиты деньгами. Потому что по калмыцкому обычаю как *бельг-подарок* надо было давать деньги. Тогда деньги были большие, как полотенца. Я помню, думал, е-мое, какой же я богатый! Сколько же конфет я смогу купить! Для меня тогда самые шикарные конфеты были «золотой улей», там внутри мед. Я тогда впервые сам побежал в магазин и купил один или два килограмма. Честно признаюсь, подлость совершил, с братом не поделился и под кроватью один съел. У меня потом сыпь на теле вышла. Я подумал, ну вот это наказание[364].
>
> Однажды в 1956 г., идя по улице в г. Славгороде, испытал сумасшедшую радость, когда услышал по радио калмыцкую песню; я не мог понять, что случилось. Только когда песня закончилась, до меня стало доходить, что в судьбе нашего народа происходит крутая перемена. Я был просто ошеломлен, остановился как вкопанный и уже больше ничего другого не замечал вокруг[365].
>
> Как только мы узнали о восстановлении республики, решили возвращаться на родину. В августе свернули работы на лове и вместе со всеми выехали в Хатангу. Но районное руководство хотело удержать нас любой ценой. Нам даже не сделали расчет, не выплатили проездные. Тем не менее, ни одна семья на факторию не вернулась. Только домой, только на родину![366]

---

[363] Наминов-Бурхинов Д. Борьба за гражданские права калмыцкого народа. Элиста: Джангар. 1997. С.24.

[364] ПМА. Манджиев О.И. Москва, 2004.

[365] Шурганов Н.Б. Похороны надо было доказать // Мы – из высланных... С.43.

[366] Васляев Л.М. Нас согревала мечта о Родине // Мы – из высланных... С.284.

Пароход «Усиевич», который развозил калмыков в 1944 г., в 1958 г. собирал оставшиеся семьи спецпереселенцев, чтобы доставить их на железно-дорожную станцию для выезда на родину.

Рожденным в то время детям стали давать калмыцкие имена, причем нередко эти имена были эпически торжественны и связаны с радостью возвращения: Сян Цаг – Благое Время, Цаган Хаалг – Счастливая Дорога.

> На станции Артезиан, первой на нашем пути на родину станции Калмыкии, моя старая мать огромным усилием воли выползла из вагона, опустилась негнущимися коленями на раскаленный августовский песок и, рыдая, стала благодарить Бога за то, что он вернул ее на родную землю. Простирая высохшие старческие руки к окружавшим станцию песчаным барханам, она говорила им слова любви, слова восхищения родною землею. Я стоял рядом и, ни словом не нарушая материнской благодарственной молитвы, но давно уже не веря ни в Бога, ни в черта, ни тем более в созданных самим человеком кумиров и идолов, беззвучно плакал, глотая слезы, высокие и горькие слезы[367].
>
> Когда пришла весть о возможности возвращения на Родину, многие за бесценок продавали свои дома и уезжали. Мои предки поручили своим русским соседям продать дом и переслать деньги (кстати, деньги они так и не получили), а сами, как на крыльях, помчались домой. Долго ехали по железной дороге, затем на пароходе до Цаган-Амана. Он тогда назывался Бурунным и был маленьким забытым селом. Приехало столько людей, что жилья не хватало. Им в первые годы опять пришлось жить в землянках, но они не унывали. Государство дало ссуду, и дед сам построил большой дом, который до сих пор стоит в центре поселка Цаган-Аман[368].

---

[367] Лиджи-Гаряев Т.Л-Г. Высокие и горькие слезы // Мы – из высланных... С.151.

[368] ППТП. Шевенова О.

Вернувшись на родину, многие не нашли своих сел и поселков. Как уже говорилось, существенная часть территории не была возвращена Калмыкии. Одни населенные пункты были заброшены, другие переименованы. Хозяйства, населенные пункты, местечки, имевшие до депортации свои исторические калмыцкие названия, например: Сян Цаг, Будга, Хажурта, стали безлико называться Виноградное, Урожайное, Заливное. Позже многие из них были названы в советской риторике, в итоге к 1991 г. в республике три хозяйства назывались именем комсомола, три – именем съездов КПСС, семь – именем Ленина, четыре – именем Октября, три – именем Кирова[369].

> Домой ехали прямо танцуя. Для меня трудно было привыкать. Ветер, пыль. Зимы не было. Снега нет, выпадет – растает. Тепло, рукавиц не надо[370].
>
> Приехав в родные места, старики испытали шок оттого, что не было родного дома, родного села. Молодые испытали чувство разочарования от местного климата, ландшафта, неустроенности[371].
>
> Удручали жара, ветер, пыль[372].
>
> Возвратившись из ссылки, мы поехали в свое родное село Чапчалган. То, что открылось нашим глазам, вызвало чувство безвозвратной утраты чего-то очень ценного. Вместо всегда аккуратно выбеленных и вытянувшихся струночкой домов во все стороны простирались посадки бахчевых. Лишь в редких местах зеленого массива несуразными обрубками торчали чудом уцелевшие остовы давно разрушившихся печей. От могильных холмов и надгробий наших предков не осталось и следа. По ним тоже прошлись плугами. Такая же участь, как оказалось, постигла и десятки других сел в нашем районе[373].
>
> В Калмыкию мы приехали в 61 г. Папа уехал, а мы остались в Новосибирске, потому что мой старший брат выиграл Сибирскую математическую олимпиаду и попал в первую

369 ИК. 28 декабря 1991.

370 ПМА. Мучиряев С.Г. Элиста. 2001.

371 ПМА – ДИШ. Манджиева С. Г.

372 ПМА – ДИШ. Опиева Е.Н.

373 Эрдни-Горяев Б.Э-Г. Не всем суждено было вернуться // Мы – из высланных... С.305.

физшколу в СССР в Академгородке. А тогда физика, что ты! К небожителям попал. Брат говорил, хочу здесь учиться, его одного оставить было нельзя. Мы долго решались. В конце концов мы поехали. Впечатления были ужасные. Я помню мы доехали поездом до Ставрополя, там нас папа встречал на газике. Мы сошли, сели и едем по Ставрополю. Ставрополь мне показался деревней, какой-то одноэтажной, Богом забытой. Я говорю, это Элиста, что ли? Как мы здесь будем жить? После миллионного Новосибирска он мне показался дырой. Папа говорит, это не Элиста, в Элисту мы еще приедем. А когда мы приехали, я помню университет, Красный дом были разрушены. Жара сумасшедшая 40 градусов, жара, пыль. Мы с братом по очереди в ванной сидели. Я помню, вышел на улицу, пять минут постоял и у меня от жары в глазах потемнело. Ходить некуда.

Наши отцы были непробиваемы, их поколение было просто зомбировано. На родину, на родину, на родину. Для них родина – это всё. Отец так Элисту в письмах расписывал, елки-палки, сейчас я думаю, откуда такая фантазия. И молодежь одевается моднее, чем в Москве. Яблоки и груши на улице растут и на голову падают. Я в Сибири никак понять не мог, как это так? Почему эти яблоки растут и почему их не жрут? Ну как это так? Это все равно что банки с черной икрой на улице стоят и никто их не берет. Действительно, рядом с домом росли и яблоки, и груши. Отец закупил много арбузов и закатил под кровать. Я в первый раз увидел столько арбузов вместе. И главное, они наши. Не магазинные. Чтобы одна семья могла владеть таким количеством арбузов – в моей голове не умещалось. Это такое богатство! Все равно что советская семья десять «волг» имеет. Мы их ели-ели, ели-ели. Наешься, потом отойдешь немножко, в туалет сходишь и снова ешь, уже от жадности[374].

На месте нашего некогда большого калмыцкого хотона гулял степной ветер, бурно цвела полынь, и ничто не напоминало о красовавшихся стройными рядами уютных домиках, в которых выросли многие поколения наших предков… Следы кощунственного разора наших святынь были безжалостной реальностью, от которой щемило грудь и перехватывало дыхание. Только по Лаганскому району из 53-х сел и одного рабочего поселка – райцентра, которые жили полнокровной жизнью, в первые же недели после нашего изгнания 49

[374] ПМА. Манджиев О. Москва. 2004.

мононациональных сел были варварски разорены и уничтожены. И ни одно из них не восстановлено…[375].

До декабря 1943 г. административно-территориальное устройство республики учитывало улусный принцип, в основе которого лежали этнотерриториальные различия. После восстановления автономии административное районирование получило иную конфигурацию, уже не так жестко привязанную к старым этническим территориям. Многие уроженцы Приволжского и Лиманного районов, вошедших в состав Астраханской области, должны были селиться на территории Калмыкии. Калмыцкий район Ростовской области также не был восстановлен, и донские калмыки-бузава селились в Элисте и в районах. Во вновь образованной области, а затем республике не было жилья и рабочих мест, поэтому специалистов направляли на работу туда, где она имелась. Так что часто торгуты жили в местах традиционного расселения дербетов и наоборот.

Калмыки вернулись на родину, которую надо было заново осваивать.

---

375 Дорджиев В.П. Верность интересам народа // Мы – из высланных ... С.340.

1. Семья Есиновых до выселения. Калмыкия. 1940.

2. Клара Сельвина среди одноклассников. Начальная Назаровская
школа, Красноярский край. 1946 г.

3. Семья Джугниновых. Новосибирск . 1947 г.

4. Сима Польтеева с подругой. Новосибирск. 1947 г.

5. Бамба и Ирина Есиновы. Новосибирская область, пос. Золотая Горка. 1951 г.

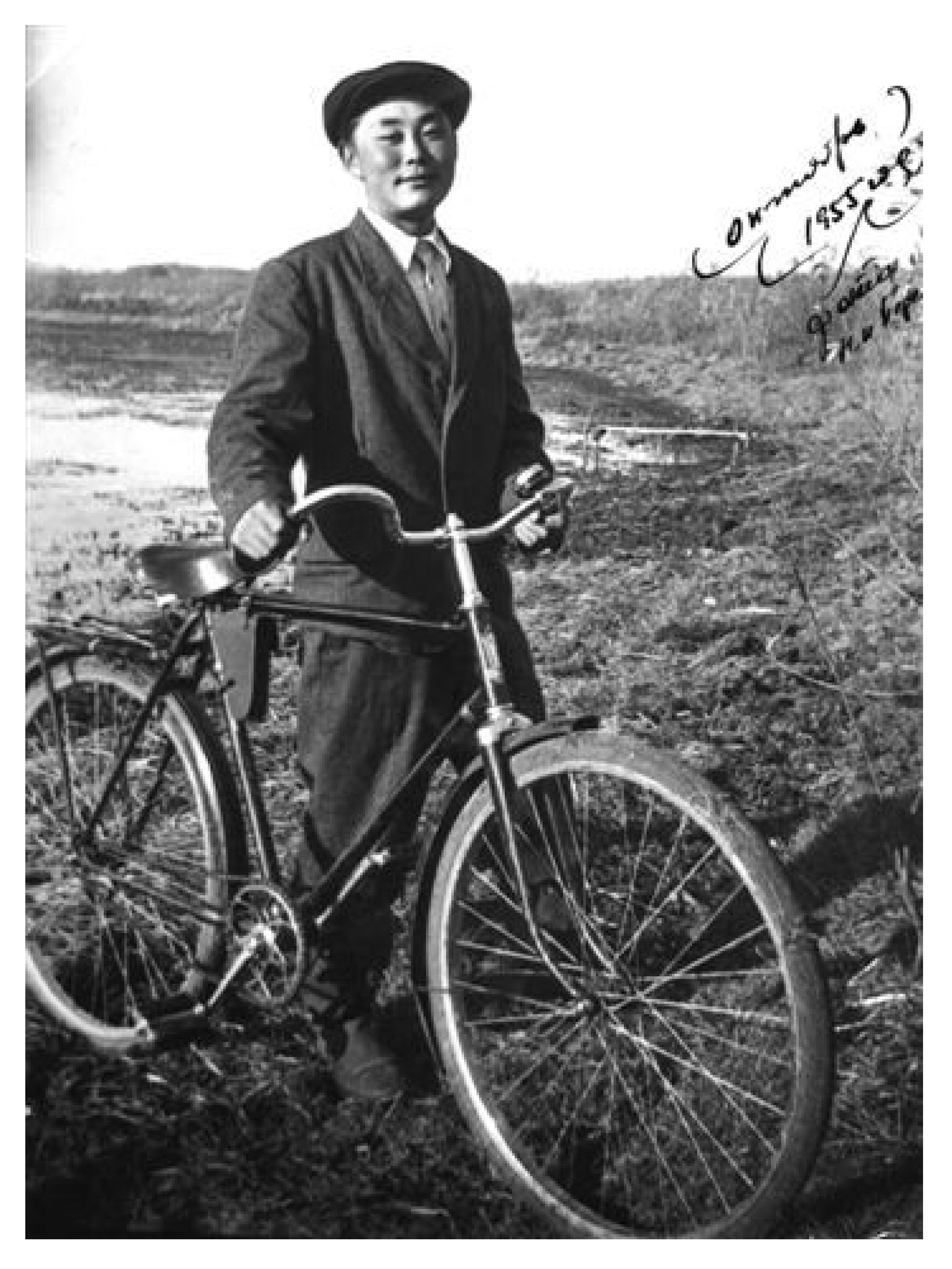
6. Анна Ильцхаева, старшина 2 статьи речного флота, с сослуживицами. Ханты-Мансийск. 1954 г.

7. Додик Сельвин с друзьями. Семипалатинск. 1955 г.

8. Семья Есиновых и семья Джугниновых.1956 г.

9. Калмык. Село Верхний Ануйск. 1955 г.

10.Марта Кулькова среди второкурсников новосибирского сельхозинститута 1956 г.

11. Марта Кулькова с калмыцкими подругами. г. Новосибирск. 1956 г.

12. Калмыки в ссылке. Село Соколово, Алтайский край. 1957.

13. Калмыки в ссылке. Застолье. Возможно, отмечают Указ о снятии ограничений с калмыков-спецпереселенцев.

14. Студенты-калмыки на фоне театра оперы и балета. Новосибирск.1956 г.

15. Исход и возвращение. Скульптор Эрнст Неизвестный. Элиста. 1996г.

3 ДЕПОРТАЦИЯ 1943 г. В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

3.1. Без / Гласность и вопрос о депортации

Долгое время факт репрессии четырнадцати тотально депортированных народов официально замалчивался. Если в отношении троцкистов и других «врагов народа» в свое время были организованы громкие судебные процессы, и центральные, а вслед за ними - и местные газеты, клеймили преследуемых, то репрессии на этнической основе происходили тихо.

После выселения калмыков стал замалчиваться сам факт наличия народа в настоящем и в прошлом. Из Большой советской энциклопедии исчезло слово «калмык» и соответствующая статья о народе, с карты СССР – Калмыцкая АССР. Столица республики Элиста была переименована в «Степной». И ныне в Эрмитаже можно увидеть карту СССР, изготовленную в те годы из уральских самоцветов, где на месте Элисты значится Степной. Калмыцкое искусство, прошлое народа в эти годы также «пропало». Так же, как книги калмыков и о калмыках, музейные экспонаты калмыцкого происхождения были «запрещены», но в отличие от запрещенных книг их не сжигали (ведь коммунисты – не нацисты), а прятали в запасниках и хранилищах или выдавали за памятники культурно близких народов: бурятские, монгольские и другие.

Официальное замалчивание депортации продолжалось и после возвращения калмыков. «Тринадцать проклятых лет» в официальной историографии упоминались скороговоркой и

туманно, эта тема формулировалась в осторожных партийных терминах следующим образом: «В 1943 г. были допущены грубые нарушения ленинской национальной политики». Вышедший в 1970 г. второй том «Очерков по истории Калмыцкой АССР (эпоха социализма)» описывал этот период так: «Калмыки временно переехали». Целая глава была посвящена последующему периоду и носила название «Калмыкия в период завершения строительства социализма (1946–1958 гг.)». В ней повествуется о «высокой трудовой активности калмыцкого народа», о том, как он отдавал свои знания и способности «быстрейшему выполнению планов послевоенных пятилеток», как успешно развертывалось «социалистическое строительство на территории Калмыкии в годы четвертой и пятой пятилеток (1946–1956 гг.)»[376].

На это первое основательное историческое исследование калмыцкого народа, написанное под научным руководством сотрудников Института истории АН СССР, как пишет историк науки М.Ленкова, «молча равнялась вся историография региона в 70-80-е гг.». Через десять лет увидели свет «Очерки по истории Калмыцкой организации КПСС». В этой монографии история была представлена так, как будто калмыцкий народ и не двигался с места, просто «Калмыкия временно входила в состав Астраханской области»[377]. Возможно, именно в силу официального требования, согласно которому тринадцать лет из истории выпали, первое исследование истории Калмыкии получило форму «очерков», позволяющих свободнее манипулировать историческим материалом.

Ни в вузовской, ни в школьной программе депортация калмыков не упоминалась вообще. В советские годы так называемый региональный компонент в курсе истории СССР отсутствовал и был разрешен только в начале 90-х. Преподаватель Элистинского лицея С.И.Шевенова писала:

---

376 Ленкова М. История Калмыкии XX в. в современной историографии. Элиста. 2001. С.147.

377 Там же. С. 147.

> Я помню времена, когда мы, учителя истории, стыдливо молчали. Долгое время в истории Калмыкии были табуированные темы, которых мы старались не затрагивать, так как нам казалось, что калмыки там не просматривались достойно. Это такие темы, как коллаборационизм в Калмыкии во время оккупации немцами, калмыцкое зарубежье, депортация и жизнь калмыков в ссылке. Да что говорить о нас, учителях. Эта тема была запрещена не нами. Сверху было указание не затрагивать эти темы, чтобы не вызывать негативных последствий, что они вызывают националистические чувства у населения. Но, если не говорилось официально, то на бытовом уровне все равно возникали разговоры и споры на эти темы, порой они выливались в обидные обвинения в предательстве народа, в том, что мало калмыков наказали, не надо было их прощать. По крайней мере, мои детские воспоминания сохранили такие впечатления. Шло время, но проблемы, загнанные вглубь без должного им объяснения, только аккумулировались до поры до времени. Люди боялись режима и молчали. Но когда пришла перестройка, а вместе с ней и гласность, то дискуссии разгорелись нешуточные. Я помню заседание кафедры истории СССР в Калмыцком университете в 1986 г., когда обсуждался проект учебного пособия для учащихся. Пришли к выводу, что нецелесообразно затрагивать такие болезненные для калмыцкого народа темы, как депортация и сибирский период – решили в будущем учебнике оставить пробел. Да и во всех учебных пособиях, двухтомной истории Калмыцкой АССР этот период пропускался. На калмыках оставалось клеймо наказанного народа[378].

Единственной книгой о жизни калмыков в годы депортации была брошюра «В семье единой» Д.Номинханова[379]. В основу монографии лег текст кандидатской диссертации, она вышла в 1967 г. и была посвящена трудовому вкладу калмыков на местах их выселения. Видимо, мотивом издания служил ее «оправдательный» характер, описание трудовых подвигов калмыков в годы депортации. Таким образом, вышла брошюра

[378] ПМА. Шевенова С.И. Элиста, 2004.
[379] Номинханов Д.Ц-Д. В семье единой. Элиста: ККИ.1967.

о самоотверженном труде калмыков на благо социалистической родины в годы «сибирской ссылки». В ней не говорится о репрессиях, статусе калмыков и отношении государства к народу, но смелой воспринималась сама постановка вопроса, выбранные хронологические рамки, указанная география расселения народа. Эта информация позволяла вдумчивому читателю судить о масштабах репрессий.

В связи с запретными темами причин и истории депортации калмыков необходимо отметить ряд работ, посвященных участию калмыков в Великой Отечественной войне, особенно боевому пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии (ОККД)[380]. В них не упоминается факт выселения народа, а хронологические рамки повествования ограничиваются периодом до декабря 1943 г. Но обращение историков к участию калмыков в войне было неявным сопротивлением официальной истории, попыткой представить другую версию истории республики военного периода, как она виделась историкам-калмыкам, многие из которых были фронтовиками. Действительно, эти исследования, основанные на документах Государственного Военно-исторического архива, показали, что ОККД не в чем упрекнуть, она героически воевала и была расформирована и влита в другое формирование из-за больших людских потерь. Таким образом военные историки опровергли официальное обвинение в переходе дивизии на сторону врага, хотя в их работах полемики с обвинением как таковой нет. Тем не менее, эти публикации вписываются в дискуссию о причинах и правомерности наказания народа, поскольку «контексты не стоят рядом друг с другом, как бы не замечая друг друга, но

[380] Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сб. документов. Элиста: ККИ. 1966; Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста: ККИ. 1970; В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста. ККИ. 1976. и др.

находятся в состоянии напряженного и непрерывного взаимодействия и борьбы»[381].

Аргументом в споре о верности калмыков родине в советские годы было количество калмыков – Героев Советского Союза**.** Калмыкия занимает одно из первых мест среди национальных республик СССР по числу уроженцев, получивших звание Героя, их было 22 человека, из них девять – калмыки. Больше того, многие калмыки, представленные к высшей награде, из-за своей национальности получали взамен Звезды Героя орден Отечественной войны или другой, менее значимый. Да и само количество Героев могло бы быть бóльшим, поскольку война для калмыков длилась не четыре года, а три. Эта статистика была важна как довод против обвинения народа в предательстве. Такой патриотизм в процентном отношении подтверждал верность народа России. Предсмертные слова одного из Героев: «Калмыки умирают, но не сдаются», – должны были относиться ко всему народу. После «оттепели» историческая правда так или иначе просачивалась в советскую печать, но практически в микроскопических дозах. Так, в один из своих очерков несколько слов о выселении калмыков вставил абхазский поэт Дмитрий Гулиа, видевший на железнодорожной станции товарные вагоны, набитые людьми. «В чем виноваты эти женщины и дети?», – задавал вопрос поэт. И это сочувствие было очень важно для всех калмыков, эти слова запомнились многим.

Эпоха гласности и демократизации вызвала к жизни Декларацию Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Одним из последствий этого документа была выплата денежной компенсации выселенным, но большее значение имело нравственное звучание публичного покаяния

[381] . Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка. М. 2000. С. 416.

государства перед своими гражданами, хоть и спустя почти полвека. Справедливое негодование калмыцких стариков вызывал порядок оформления этих выплат. Чтобы получить право на материальную компенсацию, пострадавшему от политической репрессии человеку нужно было представить восемь документов, среди которых – метрика, а ЗАГСы появились в Калмыкии только в 1926 г., и у рожденных раньше метрик просто нет; свидетельство о смерти, которое в той же Сибири часто не выдавали, как документ, подтверждающий родство, например, 70-летней старухи со своим отцом, умершим в Сибири. А выселяли людей без всяких документов, и они не сохранились даже у тех, у кого имелись. Чтобы получить денежную компенсацию за потерю жилого дома, требовали выписку из домовой книги довоенной поры, несмотря на то, что архивы пострадали во время оккупации и в период ликвидации Калмыцкой Автономной Республики. Чтобы доказать год рождения, родство, наличие дома до войны, люди должны были обращаться в суд с двумя свидетелями. Суды республики были переполнены стариками. Понимая, что подобная волокита оскорбительна, парламент Калмыкии в сентябре 1994 г. принял решение об «упрощении порядка» оформления, и на какое-то время порядок оформления бумаг для получения компенсации действительно стал проще. Но федеральные власти не сочли возможным упрощенный порядок при выдаче значительных сумм. И волокита с оформлением подачи заявления и долгое ожидание самой компенсации были причиной недовольства калмыков старшего поколения.

Другая проблема, доставшаяся в наследство от 1943 г., – невозвращенные территории. Два района, отрезанные в пользу Астраханской области, территория 13 станиц Калмыцкого района Ростовской области, Черные земли, ставшие арендными выпасами для Дагестана, – все эти территории не возвращены и вряд ли будут возвращены Республике Калмыкия. В

настоящее время объявлен мораторий на территориальные претензии. Почему возвращение земель калмыки считают важным? Упомянутые территории Астраханской области были самыми плодородными землями, находившимися во владении калмыцкого народа, здесь был большой выход к Волге, что позволяло заниматься и рыбным промыслом, и садоводством или овощеводством, ведь именно к Волге пришли в XVII в. ойраты, чтобы осесть на этих землях и стать калмыками. Именно эти районы были историческим центром культурной жизни калмыцкого общества в начале прошлого века вплоть до 1936 г., когда столицей республики была объявлена Элиста. Как раз в этих пределах находится единственный сохранившийся в России калмыцкий буддийский храм – Хошеутовский хурул. Как сказал на Первом съезде калмыцкого народа историк А.Наберухин, «представить Калмыкию без Калмбазара и Шамбая (эти населенные пункты расположены ныне на территории двух районов Астраханской области) – все равно что Узбекистан без Бухары и Самарканда». Возвращение территорий рассматривается как территориальная реабилитация, необходимая часть всего реабилитационного процесса.

Как это случалось и с другими нежелательными темами, то, о чем нельзя было написать историку, было легче сделать литератору. Первые произведения о Сибири были написаны в 60-е гг., это - «Три рисунка» А.Балакаева, «Когда человеку трудно» А.Джимбиева, «Золото в песке не теряется» А.Бадмаева, где о ссылке калмыков не говорится прямо, но главные герои живут в Сибири, и живут трудно. Но стихотворение Кугультинова «От правды я не отрекался», написанное в 1956 г. и блестяще переведенное на русский язык Юлией Нейман, стало любимым для целого поколения. Мне рассказывали не раз представители разных поколений о роли именно этого стихотворения в разных жизненных ситуациях. Так, накануне XIX партконференции калмык,

проживавший в Москве, выступал на политзанятии с основным докладом, как это было принято в те годы в партийных организациях. Единственный вопрос, который ему был задан после выступления, был такой: за что сослали калмыков? В ответ немолодой человек прочел на память это стихотворение, после которого стала ясна несправедливость обвинения одних людей за вину других, поскольку ему удалось перевести коллективное обвинение на персональный уровень.

> В то время гнев несправедливый, дикий
> Нас подавил…. И свет для нас потух.
> И даже слово самое – «калмыки»
> Произносить боялись люди вслух…
> Не потерял я совести и страха,
> Не позабыл природный свой язык,
> Под именем бурята иль казаха
> Не прятался. Я был и есть калмык[382].

А молодые люди, приехавшие в Калмыкию в конце 1950-х гг. и еще переживавшие травму изгойства, повторяли это стихотворение «как молитву».

> Я его прочел в 16 лет. Это – боль, которую Кугультинов выразил. Тогда это стихотворение было у всех на устах. Я помню, ребята выпьют, обнимутся, станут в круг и читают его хором со слезами на глазах[383].

Однако это известное стихотворение, появившееся в период оттепели, перестали печатать после первых политических заморозков. Я училась в средней школе в Элисте в застойные годы, и мы подробно изучали творчество Д.Кугультинова, многие его стихи мы учили наизусть, но о существовании этого стихотворения я узнала после

---

382 Кугультинов Д. От правды я не отрекался // Так это было. С. 64.

383 ПМА. Манджиев О. Москва. 2004.

перестройки. Также после перестройки я прочла и малоизвестную поэму любимого в республике поэта Семена Липкина «Ты виноват».

Что же ты стоишь, техник-интендант?
(Впрочем, ты уже будешь тогда капитаном.)
Видишь ты эту теплушку?
Слышишь ты эти крики?
Останови состав с высланным племенем:
Поголовная смерть одного,
Даже малого племени
Есть бесславный конец всего человечества!
Останови состав, останови!
Иначе – ты виноват, ты, ты, ты виноват![384]

Первыми, кто заговорил о депортации вслух в годы перестройки, оказались проживавшие в Москве калмыки, в основном - представители творческой интеллигенции, более свободные в публичном выражении своих взглядов, нежели жители республики. По сценариям одного из них, драматурга Олега Манджиева, были сняты два художественных фильма – «Гадание по бараньей лопатке» и «И вечно возвращаться». После успешного показа первого фильма в Москве и Элисте в 1988 г., – а снять его удалось на Рижской киностудии, – стало ясно, что говорить на эту тему вслух уже разрешено.

> Потрясением для меня лично и моих родных была презентация фильма «Гадание на бараньей лопатке» во Дворце культуры профсоюзов в декабре 1988 г. Зал был набит битком. После фильма повисла долгая и скорбная пауза. Режиссер фильма Ада Неретниеце рассказала о сценарии, о работе над фильмом и представила актеров. Любимцем калмыцкой публики стал исполнитель главной роли Церен Цатхланов. Но в тот вечер народ «прорвало», один за другим стали выходить на сцену зрители и рассказывать, сколько они хлебнули горя в те времена. Зал слушал напряженно и с пониманием, потому что у многих

[384] Липкин С. Ты виноват // Так это было. С.45.

> судьба сложилась подобным образом. Я помню, что после этого фильма на площадке перед кинотеатром «Родина» прошел первый митинг памяти жертвам депортации и начался сбор средств на памятник. Мне кажется, что этот декабрь был рубежом: от «великой немоты» народ оправился, и мы стали говорить об этих скорбных датах[385].

В том же 1988 г. вслух с трибуны Верховного Совета СССР заговорил о депортации депутат, народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов, начав выступление своими стихами: «От правды я не отрекался, я был и есть калмык»[386]. Его выступление было воспринято как «разорвавшее постыдное молчание»; но то, что было разрешено сказать поэту-депутату, пока не распространялось на весь народ. До выхода научных публикаций прошло еще несколько лет.

В 1990-е гг. табу на «тайную историю» калмыков было снято, депортационный период стал популярной темой общественных обсуждений. Были сняты документальные фильмы «Знаки ранящих мгновений» (Б.Харлуева, У.Наминова), «Операция «Улусы», (А.Буратаева), издана поэма Е.Буджалова «Двери настежь, калмыки!», создан цикл художественных полотен К.Ольдяевым, поставлены в театрах несколько спектаклей.

Государственное отношение к депортации по сей день сдержанно: депортационные проблемы находятся под идеологическим контролем государства – и центра, и местной администрации, которая в вопросах, связанных с межнациональными отношениями и территориальными претензиями, особенно осторожна. В отличие от центра, цель которого – рутинизировать проблему, местная власть заинтересована в управлении депортационным дискурсом, чтобы не дать ему забыться и в то же время не допустить его чрезмерного развития, особенно появления новых лидеров,

---

385 ПТП. С.И.Шевенова.

386 Кугультинов Д. От правды я не отрекался // Огонек. 1988. №35. С.24-26.

использующих энергию национальной обиды/травмы. Так, кандидат в депутаты в Государственную Думу на выборах 2003 г. юрист Ю.Сенглеев свою предвыборную программу выстроил во многом на стремлении в должной степени использовать закон «О реабилитации репрессированных народов» и закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Сложилась ситуация, когда закон принят, а народ не реабилитирован в полной мере, считал кандидат, а значит, фактически не реабилитирован[387].

Проблема депортации не забывается, и в определенные дни – 28 декабря, 23 февраля и 9 мая – актуализируется в обществе, но тональность публичных заявлений сдержанна и обращена в прошлое. Основной вывод из этих обсуждений: такие трагедии не должны повториться. Как написал в предисловии к сборнику документов «Ссылка калмыков: как это было» Президент РК Кирсан Илюмжинов, «мы и наши потомки должны знать и помнить, как это было, чтобы горький урок Истории больше никогда не повторился. Таков завет тех, кто не вернулся из далекой холодной ссылки в родные степные просторы. Будем же достаточно мудры, чтобы не пренебречь опытом прошлого, потому что это нужно для нашего будущего»[388]. Связанные с восстановлением республики трудные вопросы, не решенные политически, например не подписан указ о реабилитации народа, и калмыцкие политики считают, что народ был амнистирован, а не реабилитирован, проблема невозвращенных «северных» территорий, сегодня не поднимаются.

В школах и вузах республики нет специального курса и нет единого печатного стандарта по этой теме. Учителя ведут соответствующий урок по собственному усмотрению, на эту тему выделен один академический час. Тем не менее, современные школьники неплохо знают об этом событии и

---

[387] Сенглеев Ю. Разговор по душам. Волгоград. 2003.
[388] Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. С.4.

воспринимают его как самое значимое событие в истории народа прошлого столетия.

День 28 декабря объявлен Днем Памяти. В этот нерабочий день принято устраивать митинги памяти, в буддийских храмах – хурулах идут специальные службы. Сакрализация памяти отражена в двух мемориалах. Это памятный камень – известняк, привезенный из мест захоронения калмыков – узников Широклага. Второй – «Исход и возвращение» – памятник работы Эрнста Неизвестного, который был установлен и торжественно открыт в Элисте 28 декабря 1996 г. Он расположен на окраине города, на вершине искусственно насыпанного холма. Комплекс получил законченность, когда у подножия несколькими годами позже был проложен символический отрезок железной дороги, на котором тринадцатью «могильными плитами» отмечены каждый из пережитых годов выселения. Этот мемориал посвящен радостному событию – исходу из Сибири, но великий скульптор счел нужным поместить его в контекст исторического пути – судьбы калмыков в целом. Поэтому в обеих частях названия – несколько семантических слоев; в частности, как современный, «злободневный», так и библейский, непреходящий[389].

Депортации калмыков посвящен один из залов краеведческого музея Элисты. Музей устроил более чем скромную экспозицию, поскольку сам стал жертвой депортации. По музейным законам в чрезвычайных обстоятельствах персонал обязан сдать экспонаты сотрудникам близлежащего музея и только потом покинуть свой пост. Но в служебных инструкциях ликвидация государственности как чрезвычайное обстоятельство не предусматривалась. Поэтому музей был брошен, его фонды сильно пострадали, были распределены в иногородние музеи и большей частью до сих пор там находятся.

---

389 Личная коммуникация с Э.Мачерет. Принстон.

После восстановления республики краеведческий музей пришлось создавать заново. Однако собрать экспонаты, показывающие материальную культуру калмыцкого народа, сосланного «навечно», вычеркнутого из всех энциклопедий, оказалось практически невозможно: выставленные в наши дни предметы немногочисленны и фрагментарны. Зато зал о депортации благодаря скудости музейных экспонатов становится более красноречивым, а сам музей тем самым превращается в яркую иллюстрацию.

После образа народа-изгоя калмыки стали примерять и развивать образ народа-мученика в буддийском понимании страдания. С начала 90-х появилось немало мемуаров, это была беспроигрышная тема в искусстве и литературе. В это время авторы спешили «застолбить» за собой перспективную научную тематику, тогда же вышли брошюры Н.Ф.Бугая «Операция «Улусы», В.Б.Убушаева «Выселение и возвращение»[390]. Название второй книги не случайно, это тоже примета официального подхода: ставить подряд выселение и возвращение. Этим как бы искупается вина: ошибка была совершена и позже исправлена, вопрос исчерпан. Так что трагическая история преподносится смягченно, а по справедливому замечанию И.Сандомирской, «политический язык творит условия политической реальности»[391]. Важно отметить, что в этом названии слово «возвращение» содержит смысл везения, поскольку не все выселенные народы были возвращены на свои территории; итак, надо радоваться, что возвращение калмыцкого народа состоялось. Калмыкам повезло, в отличие от крымских татар или российских немцев.

Ответы на многие основные вопросы в указанных изданиях получить можно. И все же основательные научные труды до сих пор так и не появились. Что же было сделано?

[390] Бугай Н.Ф*.* Операция «Улусы»; Убушаев В.Б*.* Выселение и возвращение.

[391] Сандомирская И*.* Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Вена. Wiener Slawistischer Almanach. 2001. С.206.

Опубликована «Книга памяти ссылки калмыцкого народа» в нескольких томах, в них – неполный список погибших в Сибири, а также ряд архивных материалов о выселении, воспоминания узников Широклага. Вышли сборники воспоминаний «Поезд Памяти»[392], «Боль памяти»[393], «Мы – из высланных навечно»[394].

Драматическая презентация прошлого особенно удается талантливым режиссерам, актерам, композиторам и писателям. Я сама на каждом спектакле «Араш» в Калмыцком театре юного зрителя, – а я видела эту драму трижды, – рыдала, не в силах сдержаться. Волнующими с детства были для меня страницы повести «Три рисунка» А.Балакаева. Моя подруга не может без слез слушать «Балладу о выселении калмыцкого народа» в исполнении группы «Калмыкия»: «Каждый раз плачу», – признается она. Пытаясь анализировать свои чувства, вызванные этими произведениями настоящего искусства, а не попытками эксплуатировать модную тему, которых тоже было немало, я не услышала в себе желания мести или поиска виновных, скорее – чувства, близкие к катарсису.

Особенно активны были газеты, которые уделяли целые полосы письмам читателей о годах депортации, в то время как литературно-художественный и общественно-политический журнал «Теегин герл» - «Свет в степи» предоставлял свои страницы для мемуаров профессионалам пера.

В конце 80-х появилось большое количество произведений, полностью посвященных депортационной тематике. В наши дни многие российские литературоведы полагают, что эта тема спекулятивна, время ее прошло, и это направление литературные критики из центра иронично назвали «поздний реабилитанс»[395], полагая, что авторы, сами

---

[392] Панькин А., Папуев В. Поезд Памяти.

[393] Годаев П. Боль памяти.

[394] Мы – из высланных навечно.

[395] Джамбинова Р.А. Литература свидетельства (опыт калмыцкой литературы) // Политические репрессии в Калмыкии в 20-40-е гг. XX в. Элиста. 2003. С.132.

относящиеся к реабилитированным народам, попросту эксплуатируют эту тему. Тем не менее, в современной калмыцкой литературе редкий автор не затронул проблемы депортации. Характерны сами названия произведений – «Проклятые дни», «Горький путь», «Таможенка – двери ада», «Тринадцать дней, тринадцать лет», «День, обращенный в ночь», «Клейменные годы», в которых содержится оценка описываемых событий.

В последнее десятилетие прошло несколько крупных мероприятий – научные конференции об истории репрессированных народов, фестиваль «Репрессированные, но не сломленные», на которые приглашались представители соседних, также «наказанных» народов. Но доклады на этих конференциях, по мнению специалистов внесли не много существенного в изучение истории депортаций, поскольку они слабо аргументированы и документированы, зато эмоциональны[396], так же как и многие последующие публикации, не поднимаются до теоретических обобщений. Как правило, они рассматривают конкретный сюжет, взятый из истории одного народа, который подается как наиболее трагический.

Компаративные исследования, посвященные насильственному выселению народов, появившиеся в конце 1990-х, не охватывают калмыцкий материал, ограничиваясь северо-кавказскими народами. Исключением стало исследование П.Поляна, где дается классификация принудительных миграций в СССР, состоящая из восьми разделов. Раздел «принудительные миграции по этническому признаку» делится на подразделы: депортации в порядке «политической подготовки театра военных действий», «зачистки границ» (тотальные и частичные) и тотальные депортации «наказанных народов» (превентивные и

[396] Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). С.39.

депортации «возмездия»)[397]. Автор определил депортацию как один из видов репрессий, разновидность принудительных миграций, которые имеют три особенности. Первая – административный характер, то есть никакой суд решения о депортации не принимал, принимал решение тот или иной исполнительный орган, как правило, это был Президиум Верховного Совета, или же в годы войны - Государственный Комитет обороны. Вторая – их контингентность, "списочность", то есть никого не интересовала персональная ответственность какого-то лица за то, что вменено этому контингенту в вину. Третья – массовость и перемещение, как правило, на большие расстояния[398].

Оценки специалистов в области исторического знания, в основном историков депортаций, на мой взгляд, еще не сложилось. Характеристики, встречающиеся в литературе, содержат знакомые формулировки из курса истории КПСС, слегка откорректированные в соответствии со временем. Депортации на этнической основе преподносятся как грубое нарушение национальной политики и демократических принципов. Как писал авторитетный историк депортаций в СССР Н.Ф.Бугай, в 20–30-е гг. народы СССР строили социалистическое общество, и по утвердившейся концепции Сталина сопротивление классовых врагов по мере продвижения к социально справедливому обществу должно было возрастать. Ради построения социалистического общества были принесены многочисленные жертвы. Ими стали вначале представители классово чуждых слоев, так называемые «бывшие»: помещики, капиталисты, дворяне, служители культа, интеллигенция, кулаки, буржуазные националисты, а также сами коммунисты, принадлежавшие в прошлом к разным партийным течениям. Со временем в «измене Родине» стали обвинять целые народы, а с карты

---

397 Полян П. Не по своей воле... С.47

398 Радио «Свобода» от 03.08.03. Передача Чечевица. Беседа Тольца с П.Поляном.

Советского Союза стали исчезать отдельные национальные образования – районы, области, республики[399]. Указанные работы писались в самом начале 90-х гг., их авторы не были свободны от советской идеологической парадигмы, хотя и разоблачали ее.

Позже появились новые исследования принудительных миграций в СССР, включенные в более широкий исторический контекст. Географ и историк П.Полян, – возможно, благодаря редкому сочетанию двух специальностей, – смог подойти к проблеме депортаций с географическим и историческим размахом и показал, что «спецпереселенцы» не были порождением сталинизма. Известные со времен Ветхого Завета, все принудительные миграции за всю историю человечества исходили из набора одних и тех же политических и прагматических мотивов. И хотя чаще приоритетными бывают политические факторы, роль экономического фактора тоже огромна, например, исследователь обратил внимание, что лесоповал, на котором были заняты в основном репрессированные, был одной из немногих приносящих валюту сфер социалистического хозяйства. Этот же автор увидел связь между «вспышками принудительных миграций» и мировыми войнами[400]. Выселение калмыков определяется как тотальная депортация возмездия за совершенные и несовершенные в годы войны преступления против советского государства и помещено в один ряд с депортацией пяти народов Северного Кавказа и Крыма: карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар[401].

3.2. Устный и письменный тексты

[399] Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.3.
[400] Полян П. Не по своей воле... С.23.
[401] Там же. С. 47. С.116.

Депортационный период был белым пятном не только в официальной науке, но и табуированной темой для устных преданий. Сам термин «депортация» появился в общественной лексике только в самом конце 80-х гг. Ранее этот период называли «выселение», «ссылка» или упоминали иносказательно: «до Сибири» и «после Сибири», «во время выселения» и по-калмыцки: «до перекочевки» и «после перекочевки».

> Трудно поверить, но и лет 15 назад на официальных мероприятиях, в СМИ нельзя было даже упоминать об имевшей место тринадцатилетней ссылке, массовых репрессиях по национальному признаку. Идеологическая установка была настолько надежной и прочной, что мы выросли практически в полном неведении о том, как это было с народом, что довелось пережить нашим бабушкам и дедушкам, родителям, дядям и тетям. Потому что даже в семьях комментарии по поводу сибирского периода сводились, в основном, к описанию бытовых сцен: сбор кедровых шишек, деревянные тротуары, лыжные походы по тайге…[402]

Однако «история как дисциплина с собственной традицией записи оказывается неспособной на сохранение прошлого, поскольку сама пишется как произведение. Эту неспособность компенсирует память, удерживая в себе то, что отвергает история»[403]. Более того, память противостоит истории, она не входит в компетенцию истории как дисциплины и даже противоречит постулатам этой дисциплины[404].

Усвоение такого специфического события, как депортация, началось с народных песен. Сибирской ссылке

---

[402] Куменова Н. В ответе перед теми, кто не вернулся. ИК. 30 декабря 2003.

[403] Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. С.265.

[404] Motzkin G. Memory and Cultural Translation. // The Translatability of Cultures. Figurations of the Space Between. Stanford, 1996. C.264-281.

посвящено немало народных песен, авторы многих из которых неизвестны. Все песни о депортации исполняются на калмыцком языке, независимо от того, «самодеятельный» их автор или профессиональный. Читая тексты этих песен, видишь, что остаются непереведенными русские слова, отражающие жестокие реалии в официальном репрессивном дискурсе. Например, в песне «Чирлдәд һарсн вагонмуд» («Волоком тянущиеся вагоны») говорится:

Декабрь сарин 28-д	28-го, месяца декабря,
Дивәр дәврҗ йовувидн,	Через Дивное мы тронулись в путь,
Дивәр дәврҗ йовувичн,	Пусть мы и трогаемся через Дивное в путь,
Деерк бурхн өршәтхә[405].	Да охраняют нас свыше божества.

Здесь упоминается дата 28 декабря. Декабрю по калмыцкому лунному календарю приблизительно соответствует месяц Барса, но поскольку зловещий указ был датирован 28 декабря, именно эта дата памятна в народе, и в текстах калмыцких песен сохранено число «по-русски», к тому же есть некоторая разница в датах между лунным и григорианским календарем. Таким образом, историческое событие зафиксировано на языке обвинения и наказания, но с внутренним отстранением от него. Кроме «декабря» в песнях остаются непереведенными с «языка репрессий» такие слова, как «вагон», «товарняк-вагон», «указ», «Советы», «область» и др. Все эмоции – боль, обида, горечь, тревога, скорбь, а также слова молитв и другие черты приватной сферы, – в песнях переданы на калмыцком языке. Официальные политические термины приводятся в калмыцком тексте по-русски, но не столько из-за трудностей перевода, сколько по неприятию и нежеланию допускать термины отчуждения в родную речь.

Память тела также отражается в народной песне.

Көкрәд урһсн модн	Вечнозеленые сосны -

[405] Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. С.1.

Көрәдх дутман хату. Чем дальше их пилишь, – твердыни.
Көкүләд өсксн ээҗм Вскормившая грудью мама
Киитн Сиврт үлдлә. Осталась в холодной Сибири.
Киитн Сиврин цаснднь На холодном сибирском снегу
Көл һаран көлдәләв Отморозил я руки и ноги.
Көл һаран көлдәвв чигн Хотя и перенес такие страдания,
Келдг күмн уга. Некому об этом рассказать.
Ө - шуһу моднь По тайге необъятной
Өлсәд ундасад йовлав. Скитался я в голоде и жажде.
Өлсәд ундасад йовв чигн Хоть и перенес я такие страдания,
Өөлдг күн угала[406]. Не на кого мне обидеться.

Что же запечатлелось в текстах песен, в которых обобщался опыт разных авторов?

Өрүн әмтәхн нөөрләнь Во время сладкого утреннего сна
Өндәлһәд босхад суулһна. Заставили вставать.
Өсрҗ босад хәләхнь, Когда вскочил, увидел
Өмнм буута салдс[407]. Маячат солдаты с ружьем.

Кстати, все эти песни исполняются под домбру, почти в танцевальном ритме, и на слух как скорбные не воспринимаются. Мне приходилось видеть, как певцы пританцовывали при их исполнении, но это был сдержанный танец, выражавший скорбные эмоции. Как будто сила этих чувств настолько сильна, что просто стоять столбом певец не может, он поддается песне, его тело послушно ее власти.

Среди песенных жанров у калмыков есть более престижные, это – гимны и протяжные песни. Они посвящались вечным темам: миропорядку вселенной, смене времен года, любви. В отличие от них сибирская эпопея не была расценена как достойная вечности[408]. Надо сказать, что исполнение песен на калмыцком языке в кругу таких же высланных, – тем более,

[406] Басангова Т.Г., Манджиева Б.Б. Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии. С. 189-190.
[407] Цебиков Л.И. 100 калмыцких песен. С. 119.
[408] Этим наблюдением я обязана своему коллеге Б.Бичееву.

если песня затрагивала злобу дня, – каралось сурово. Так, ныне известная калмыцкая самодеятельная исполнительница народных песен, а тогда 18-летняя Вера Попова была арестована за песню о выселении в Сибирь и осуждена по статье 58.10, часть 2, на семь лет лагерей[409].

Самодеятельные песни были первым опытом освоения травмы, они рождались уже прямо в вагонах. Но после ареста и наказания за исполнение этих песен первый творческий порыв был приостановлен. Сейчас известны около десяти песен о депортации, они все содержат много куплетов и имеют много вариантов.

Однако основным каналом трансляции информации о депортации является рассказ. В этой главе я анализирую транскрибированные биографические интервью с фокусом на депортационном периоде, которые были мной собраны в Элисте и Москве в течение 1999-2004 гг., а также письменные тексты – воспоминания о депортации, опубликованные в республиканских газетах и тематических сборниках.

В устных рассказах о депортации зафиксированы дискурсы, представленные четырьмя разными позициями: калмыками, имевшими личный опыт депортации («я» в 1943 г.), современным комментарием («я» в 2004 г.), – государством в лице комендантов, офицеров и солдат и локальным сообществом того времени и места: соседями, учителями, одноклассниками.

Для этих воспоминаний характерно использование безличных глагольных форм – свидетельство того, что все рассказчики чувствовали себя частью коллективного репрессированного «Мы» с общим обвинением и общим наказанием. Другое характерное качество нарративов - преобладающее использование пассивных грамматических конструкций: «*нас выселили», «нас повезли», «нас раздали», «нам сказали*». Как известно, язык несет в себе символический

---

409 Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. С.71.

порядок общества, отражает его законы и нормы[410]. Даже вспоминая давнее прошлое, рассказчики подсознательно возвращались в сталинское общество и воспроизводили свой зависимый статус людей, удел которых – претерпевать чужие действия, быть жертвой чужих решений. Этим подчеркивается зависимая, пассивная роль человека и этнической группы, их субъектность в социальной жизни того периода: «*Нас – трое сестер, были все хорошистки»*. В этом предложении вместо «*мы»* рассказчица подсознательно говорит «*нас»,* потому что в пассивном залоге грамматически точнее передается статус бесправия.

Часто помимо желания рассказчика язык проговаривает бóльшее, жестче отражая реальность. Так, описывая подготовку к операции «Улусы», респондентка сказала: «Студебеккеры» *оккупировали* село». Речь идет о машинах, на которых вывозили калмыков. Значение этой оговорки в том, что машины использовались частями НКВД, которые видели в калмыках врагов, поэтому язык использует лексику, относящуюся к противнику. Также в рассказе проскользнуло: «Он был не простой *изменник*», имелось в виду – он был не просто калмык, а фронтовик. Вместо «калмык» в подсознании выплыло «изменник», потому что рассказчик, возвращаясь к событиям тех лет, продолжает внутренний диалог с теми, кто считал: раз калмык, значит, изменник. Власть внедряла себя в людей, и, ослабленные ее силой, они принимали ее термины, хотя рассказчик, бессознательно поддавшись власти, сознанием с нею не согласен.

Характерно, что слово «депортация» практически не используется в разговоре, поскольку это поздний термин, он появился в России применительно к массовым репрессиям на этнической основе в конце 1980-х и людьми не выстрадан, не выношен. К тому же он принадлежит публичной сфере, а устные интервью были приватными. В сознание людей прочно

---

[410] Kristeva J. Revolution in Portic Language. New York, 1984. P. 47-48.

вошли другие слова: «ссылка», «высылка» и особенно часто употребляемое слово «выселение», отражающее не столько процесс, сколько репрессированный статус. Благодаря оттенку незавершенности, который присутствует в значениях слова, оно не столь драматично, а также это русское слово, оно ближе.

Частый, практически обязательный сюжет любого повествования о Сибири – не только письменных текстов, но и устных нарративов – благодарность «лучшим русским», сибирякам. В частном проявлении это естественная человеческая реакция за помощь в трудную минуту – конкретным людям за конкретную помощь, которая становилась символическим актом поддержки и сопереживания гораздо позже, когда работа сознания позволила увидеть реальность в терминах символа.

Благодарность русским людям – это еще и отражение официального дискурса родины, в котором дружба народов была священной (а ставить под сомнение «святыни» было невозможно), и если бы такой поддержки не было, то и калмыцкий народ оказался бы среди недругов одиноким, символически утратил бы родину, не покидая ее государственных границ. Сочувствие сограждан – не калмыков, а именно русских, которые количественно доминировали в СССР, а также были «первыми среди равных», отвечало ожидаемой реакции со стороны «большой» аудитории и подтверждало представление о нравственном чутье русского народа, который был умнее и добрее руководителей партии и государства. Даже задействованные в операции «Улусы» солдаты, воплощенное мужество Родины, демонстрировали другую имманентную черту советского солдата – доброту.

> Солдаты хорошо понимали чувства людей, не кричали, не повышали голоса, даже советовали брать теплую одежду и еду.

Они не торопили членов нашей семьи, потому что видели, что они в растерянности. Солдаты помогли упаковать вещи[411].

Она до 1943 г. работала в колхозе «XVIII партийный съезд», муж ушел в 1941 г. на фронт, и она осталась одна с двумя детьми на руках. Было ей 32 года, когда рано утром 28 декабря к ним в дом вошел русский солдат и сказал, чтобы она быстро собрала теплые вещи: их отправляют в Сибирь – всех! Потом солдат помог им собрать вещи, принес с амбара мешок муки и мешок зерна и донес все это до клуба, где собирали всех жителей. Бабушка говорит, что ей очень повезло, что к ним пришел такой добрый солдат. Она всю дорогу потом молилась за него, ведь мука и зерно им очень пригодились в первое время[412].

Репрессирующая повседневность в те годы была нормой и как таковая практически не воспринималась сознанием. Повествуя о красноречивых фактах дискриминации, рассказчики часто уверены, что ущемленными они не были. Благодарность судьбе за то, что удалось выжить в Сибири, удалось создать семью, а некоторым – получить образование на фоне тяжелых утрат в судьбе народа не позволяют человеку жаловаться на судьбу.

Я ни в чем ущемленной не была. А ведь могли меня в комсомол не принять. Да ладно в комсомол, а как я в мединститут попадаю? Это же 52 год. Я училась на «отлично». Я должна была с золотой медалью школу кончить, не знаю, давали тогда золотые медали в школах. По крайней мере, похвальную грамоту могли бы дать, ведь за начальную Кормиловскую школу дали же. Хотя я на отлично все закончила. Видимо, потому что я калмычка, потому что спецпереселенка. Мне в глаза не говорили, но на педсовете, видимо, так решили[413].

Образованные рассказчики хорошо чувствовали социальный контекст и даже через 60 лет не поддавались романтизации или инструментализации депортационных

---

411 ПМА - ДИШ. Лиджиева А.С.

412 ППТП. Бадмаева А.

413 ПМА. Урхаева Р.К. Элиста, 2004.

трудностей. В их пространстве нарратива всем было трудно: калмыкам и русским, полякам и эстонцам, красноармейцам и солдатам вермахта. В оппозиции «мы – они» калмыки противостояли не советскому обществу, а бесчеловечной государственной системе и людям, слепо работавшим на эту систему, в том числе и калмыкам. Примеры того, как солдаты, направленные для репрессии, помогали тем, кого пришли наказывать, – частый сюжет при описании 28 декабря 1943 г. Хорошие солдаты символизировали советский народ, ведь народ и армия едины. Красноармейцев провожали и встречали как близких родственников, буквально переносили на солдат эмоции, адресованные близкой родне. Рассказчица назвала солдат, пришедших выселять ее семью, охраной, потому что солдаты своей помощью охранили их от многих бед. В то же время плохой солдат олицетворяет тоталитарный режим в стране, являясь его орудием в борьбе со своим народом.

Почти все биографии иллюстрируют стратегии калмыков на быструю интеграцию в новом обществе: они прилежно учились, кто не знал – быстро выучил русский язык, были лидерами, редакторами газет, групоргами, спортсменами, танцевали все танцы. Но стигма калмыцкой этничности вынуждала приспосабливаться к доминирующим социальным условиям. И меняется такой этнический маркер, как личные имена. Калмыцкие имена принадлежат как бы старшему поколению и жизни до депортации.

Интервью проводились на русском языке. Калмыцкий язык появляется при описании частной сферы, особенно такой интимной области, как домашняя религиозность, или других этнически окрашенных элементов культуры. Он незаменим при описании статуса репрессированных, который как бы понятен только калмыкам. Язык меняется на родной, когда надо сообщить что-то доверительное, по секрету, так, чтобы чужие не поняли.

> Моя бабушка иногда говорит по-русски, но когда из года в год 28 декабря просишь ее рассказать об этом, на русском она говорить не может, потому что выразить свои чувства она может только на калмыцком языке[414].

Редуцировано использование терминов родства. Кроме терминов «*кюргн ах» – муж младшей сестры отца, «һаһа» – старшая сестра отца* все остальные даются по-русски, хотя в переводе они не так точно отражают более сложную бифуркатно-коллатеральную систему родства калмыков. Возможно, калмыцкие термины не использовались в полной мере, поскольку сам текст предназначался молодежи или людям другой культуры.

При описании незнакомой ситуации возникают классические в этнологии коннотации чистого как безопасного: в избе было чисто – и прием был хороший, какие они чистые – и соседи сразу подружились. При этом самым опасным местом, где умирали многие, предстает вагон, где было темно, нельзя было умыться, где в одних стенах люди ели, спали и ходили в туалет.

Невербализован, но незримо присутствует в рассказах расовый фактор, отделявший калмыков от других. Нетипичная внешность помогала в жизни: братишка понравился соседям, у него глаза были большие, и немец-денщик пожалел ребенка по той же причине. У девушки приняли документы в вуз, потому что она не была похожа на калмычку, ее принимали за казашку. Однако иной фенотип позволял выигрышно выделиться среди других, если был позитивный фон: знания абитуриентки стали приметными благодаря ее иной внешности.

В рассказах о том обществе присутствуют люди разных национальностей: татарин, поляк, немка, казах, эстонец, латышка. Их этническая принадлежность в каждом случае обозначается после упоминания имени, поскольку этнический

---

[414] ППТП. Дженжиева Г.

фактор в сталинскую эпоху имел особое значение и во многом определял социальный статус человека.

Красной нитью в повествованиях проходит идея ценности родственных уз. Без родни выжить было почти невозможно. Круглому сироте, даже при наличии старшего брата и дядей, гораздо труднее было выживать. Парень, не имевший родни, так и считался всеми безродным или сиротой, словно это была его основная характеристика. А в дружной семье можно было распределять усилия: кто работает и помогает семье сейчас, а кто учится и поможет семье потом.

Важное место в «сибирских» воспоминаниях, как уже говорилось, занимает память тела, в котором хранится все существенное, имеющее отношение к биографии человека. Тяготы, которые могут «забываться умом», помнит тело, чья память надежнее. В состоянии шока люди забывали, сколько дней ехали в поезде, на какой станции выносили тела умерших родственников, но холод, голод, вкус хлеба, который сунула добрая старушка на станции, – это не забывается даже теми, кто был совсем мал.

> Каждое лето я пас коров. Вспоминается один случай. Я и еще один мальчик рано утром гоним стадо, это часиков в полшестого - шесть утра, – холод, роса. А мы босые, ноги мерзнут, и мы греем их, наступая в горячие коровьи «лепешки». Ноги в цыпках, потрескавшиеся[415].
>
> Ушли солдаты, а мама горько заплакала: куда это нас повезут и за что? Потом успокоилась и, как сейчас помню, одела она на меня сразу три платья, собрала два чемодана и опять заплакала[416].
>
> Нас, сестер девяти и семи лет, отец отвел в школу, она была начальной, где давали горячий завтрак. Плохо помню, что было на уроках, но хорошо помню вкусный гороховый суп,

---

[415] В воспоминаниях и снах приходим мы туда. СК. 23 декабря 1993.

[416] Тринадцать лет в тоске по родине. ИК. 2 декабря 1884.

> перловый и др. Хорошо помню, как женщина-раздатчица подзывала меня знаками за добавкой[417].

Мужской и женский рассказы показывают, что для женщины непосредственное окружение играло большую роль, а прессинг государственной машины воспринимался ею не так явно и болезненно, как мужчиной. Мужской рассказ сдержаннее и содержит больше пауз. Женский нарратив полон разных чувств, и в первую очередь волнений, страха, он сопровождается слезами, но и смехом, который побеждает страх. Женщины лучше помнят реальное многообразие жизненных ситуаций. В годы замалчивания хранителями истории депортационного периода были женщины – очевидицы событий, но они и ныне неохотно вспоминают этот период.

> Я знаю только то, что мне известно из скупых рассказов матери. Она не любила распространяться на эту тему, потому что эти воспоминания не доставляли радости: слишком много несправедливости выпало на ее долю[418].
>
> Вокруг было столько людского горя, что свои переживания приходилось носить молча[419].

О наиболее драматичных эпизодах умалчивали осознанно, это было проявлением женского немого: «Я не буду вспоминать о том, как выселяли. Чересчур тяжелая картина получается»[420]. Как сформулировала такое явление Ю.Кристева, «ужас происходящего не может быть собран в членораздельность слов».[421] Нежелание усложнять жизнь своих детей тягостными воспоминаниями было прямым следствием депортационного опыта. Язык буквального женского молчания и буквальный физический запрет на

---

417 Кардонова К.Э. Я лишь хочу, чтобы это не забылось // Мы – из высланных… С.141.

418 Годаев П. Указ. соч. С.157.

419 Там же. С.138.

420 Там же. С. 206.

421 Цит по: Жеребкина И. Страсть. СПб.: Алетейя. 2001. С. 253.

женскую языковую репрезентацию были общим уделом женщин при тоталитаризме[422]. Женское умолчание о травме было универсальным: так же молчали о трагедии интернирования японки США, и исследователем было отмечено, что они молчали, как молчит о совершенном насилии поруганная женщина[423].

Мужчины легче воспроизводят тяжелые воспоминания – или им все-таки хотелось об этом кому-нибудь рассказать?

> Чаще вспоминаю, как похоронили отца. Он перед смертью просил, чтобы его в море не бросали, а пришлось похоронить в море, потому что вечная мерзлота и снег, лед в пять метров глубиной[424].

Но и мужчины порой предпочитали умалчивать о перенесенных бедах, стараясь не травмировать этой информацией своих детей. Так произошло с Майклом Арленом, сын которого, Майкл Арлен–младший, узнал о геноциде армян 1915 г. уже взрослым человеком, и это потрясение подвигнуло его на изучение этой истории, в результате чего он написал книгу «Дорога к Арарату». «До недавнего времени болезненные воспоминания подавляли в нас, как в гражданах Америки, желание и возможность говорить, но мы не можем молчать больше»[425], – говорил лидер движения Redress (Исправления) в 1986 г., через 41 год после того, как лагеря для интернированных американцев японского происхождения были распущены.

Традиционные для калмыцкого общества патриархатные отношения, безусловно, доминировали в те годы. Повествуя о жизни 1940-х и 1950-х, рассказчики невольно воспроизводили и гендерный порядок, в котором мужчина принимал решения,

---

422 Жеребкина И. Страсть. С. 254.

423 Takezawa Y. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. P.104.

424 ПМА – ДИШ. Бадмаев ЦМ.

425 Takezawa Y. Breaking the Silence. P. 54.

отвечал за отношения семьи с внешним миром, главным пунктом которого в то время была комендатура. Правда, в его отсутствие женщина не терялась, работала на производстве и решала семейные проблемы. Но семья, у которой при выселении все мужчины были на море, представляется рассказчиком-мужчиной как «семья без никого», а село, в котором мужчины были призваны на фронт, «обезлюдело», несмотря на то, что в нем продолжали жить женщины, дети и старики. Действительно, мужчина в экстремальной ситуации имел больше власти благодаря физической силе. Как мы видели в рассказах, именно мужчины распределяли пищу и теплые места в вагоне, хотя в нем часто находились люди и постарше, и толковее, но это были слабые женщины и старики.

Почти все рассказы предоставляют материал о конструировании мужественности и женственности среди калмыков в то время. В мужском рассказе подчеркивается физическая сила, выносливость, смелость, защита чести, трудовые заслуги. Женское подчеркивается элегантностью и аккуратностью в одежде, строгостью в отношениях со сверстниками, сноровкой в работе, заботой о родственниках. Примечательно, что высшее образование для девушек и ее родителей стало важнее романтических чувств и создания семьи. Это были первые проявления стратегии, ориентированной в первую очередь на профессиональное образование и экономическую самостоятельность девушек. Преимущество такого подхода было доказано сибирской жизнью, в которой специалисты первыми находили работу и могли содержать свои семьи.

Устные истории показывают, что люди добивались жизненных успехов, не боясь преград, ставя трудновыполнимые и амбициозные задачи. Они многократно вступали в психологический поединок, если статус репрессированного противоречил свободе выбора, сдавая экзамен на право быть полноценным членом общества,

оставаясь калмыком. Отдаваясь полностью работе, они стали высококлассными специалистами. Поэтому в текстах интервью зримо присутствует профессиональная идентичность. Повествование врача не только содержит медицинские термины, но и отражает врачебную этику. Опытный журналист хорошо помнит имена и даты, его устная речь не так спонтанна, да и характерные для мужчин паузы у профессионала слова были длиннее.

В устных историях о депортации проявляется масштаб государственного давления на отдельного человека и на весь калмыцкий народ, скрытое в практиках повседневности лишение свобод и стратегии сопротивления им. Как заметила Е.Мещеркина, именно формы личного сопротивления насыщают содержанием микроисторию, поскольку знание о социально изобретенных стратегиях сопротивления тоталитарному режиму передается лишь изустно[426]. Поэтому каждая устная история о депортации ценна сама по себе и содержит гораздо больше знания истории России, чем может показаться на первый взгляд.

В рассказах о годах, проведенных в депортации, пожилые люди, независимо от возраста и образования, легко упоминают названия совхозов и колхозов, районов и областей, имена друзей и соседей, учителей, врачей, директоров совхозов, школ, председателей колхозов, учетчиков. В целом женские рассказы чаще говорят о чувствах, о радости или стыде, в то время как мужчины чаще рассказывают о работе, которую им приходилось выполнять. Не могу не согласиться с наблюдением И.С.Веселовой, изучавшей особенности речевого поведения мужчин и женщин, что, рассказывая, женщины утверждают мир вокруг себя, а мужчины – себя в мире[427].

---

[426] Мещеркина Е. Устная история и биография: женский взгляд // Устная история и биография: женский взгляд. М.:Невский простор. 2004. С.35.

[427] Веселова И.С. Рассказчики и рассказчицы: наблюдения над типами речевого поведения // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы

Для устных приватных воспоминаний характерно обращение к «смешным» сюжетам – на деле веселыми они не были, но таковыми становились спустя годы как воспоминание о пережитом. Вспоминаются чаще всего радостные моменты: смешные истории, происходившие из-за незнания русского языка[428]. К наиболее трагичному времени – дороге в Сибирь – относится история, которую я слышала от своего коллеги.

> Одна семья по прибытии в Сибирь была определена в деревню, до которой надо было идти пешком десять километров. Семья состояла из молодой женщины с тремя детьми: старшему было пять, а младшему год, и старика-инвалида – ее свекра. Когда их выгрузили, выяснилось, что женщина может взять на руки только двоих детей. Она окидывает всех взором и выбирает старших, у которых больше шансов выжить. Младшего она сажает на сугроб и, не оглядываясь, медленно уходит с двумя детьми на руках. Малыш плачет, этот плач подхватывает вьюга. Одноногий старик топчется вокруг годовалого мальчика и не в силах вот так оставить своего младшего внука, но и костыль не дает ему взять ребенка на руки. И вдруг на глаза ему попадается воловья шкура, которую они взяли в дорогу, но после высадки оставили, потому что не унесли бы. Старик догадался – он посадил на шкуру малыша и за хвост потащил шкуру за собой[429].

Он рассказал этот сюжет по-калмыцки и преподнес его весело, почти как в анекдоте: вот трагическая ситуация, казалось бы, безвыходная, но решение всегда вдруг находится. Подобным образом армянские мужчины Кипра приватно вспоминали трагические события 1915 г. как приключения детства, тогда как на публике их рассказы были менее личными и более риторическими. В то же время армянские женщины, занятые повседневными заботами, обычно детям ничего не рассказывали, да и зачем их было расстраивать? Однако если исследователю удавалось их разговорить, они не

научной конференции 19–21 февраля 2001 г. СПб. 2001. С.345.

428 ПМА – ДИШ. Опиева Е.Н.

429 Сюжет рассказан Б.Бичеевым.

скрывали ни слез, ни ужасающих деталей[430]. Воспоминания японцев, интернированных во время войны, также не всегда были скорбными. Многие из них говорили, что дружба на всю жизнь началась в лагере для интернированных, многие семейные пары завязали отношения там. А мужчины могли и пошутить. Например, одна из причин недовольства во временном лагере была в однообразном меню: трижды в день консервированные венские сосиски с картофельным пюре. И по поводу женщины, которая избежала интернирования, кто-то пошутил: «Надо бы ей послать венских сосисок, она же не знает что это такое!»[431]. Десятилетние дети восприняли эвакуацию как восхитительное приключение, многие впервые поехали на поезде[432]. Тем не менее, многие японцы третьего поколения (сансеи) узнали о депривационном опыте родителей только в 1970-х гг. во время движения Redress, и часть их была даже оскорблена тем, что родители утаивали важные страницы семейной истории.

Приведу рассказ своего отца Мацака Гучинова, известного среди друзей шутника, чувство юмора не покидало его даже в трагической ситуации. Рожденный в 1921 г., он пошел добровольцем в 110-ю ОККД, воевал на Северном Кавказе и был тяжело ранен, после чего весной 1943 г. временно демобилизован и направлен в распоряжение Элистинского военкомата. Так как он был уроженец пос. Уланхол, где жила вся родня, в Элисте он снимал комнату. 28 декабря солдаты пришли в каждый калмыцкий дом, в том числе в дом его друга, воевавшего на фронте, и забрали его жену Тасю с двумя детьми. Калмыков в Элисте собирали в кинотеатре «Родина». В ожидании отправки Тася вспомнила, что в ателье готово ее зимнее пальто. Она стала просить солдат разрешить забрать его из ателье, ей разрешили выйти под охраной двух солдат.

---

430 Susan Paul Pattie. Faith in History. Armenians Rebuilding Community. Washington and London. 1997. P. 15-20.

431 Takezawa Yasuko. Breaking the Silence. P.106.

432 Там же, с. 84.

Забрав пальто, Тася возвращалась к кинотеатру. В это время, а было уже восемь утра, шел на работу мой отец, в дом которого, как принадлежавший русской домохозяйке, не пришли. Увидев жену друга рано утром под конвоем, отец стал подшучивать: что же ты, дескать, ночью такого натворила, что тебя солдаты сопровождают? Это было сказано по-калмыцки, и испуганная Тася по-русски сказала солдатам: «Кажется, этот человек не знает, что происходит». Те подозвали отца и «объяснили ситуацию». Так отец присоединился к остальным выселенцам. Позже, рассказывая эту историю, он заключал: «Вот так всех калмыков выселили насильно, а я поехал в Сибирь добровольно». Шутливое резюме часто рассказчику кажется более уместным, нежели пафосное.

Оставшись на время без сына – кормильца, Байрта, работавшая на железной дороге, не могла прокормить семью; они жили впроголодь. Маленький Иосиф, младший сын, ходил на станцию, и когда приходили военные эшелоны, отплясывал перед солдатами, чтобы заработать хлеб. Все его «выступления» имели большой успех: солдаты были очарованы маленьким рыжим калмычонком, лихо отплясывавшим на платформе в дырявых штанишках. Оставившие дома таких же маленьких детей, они уносили его к себе в вагоны, кормили досыта, щедро набивали его холщовую сумку едой и с перемазанным кашей лицом ставили обратно на платформу. Сейчас у дяди Иосифа уже две взрослые дочери и маленький внук. Вспоминая свое детство, он улыбается и говорит: «С четырех лет кормлю семью!»[433].

Поначалу детей в селе было очень мало, только русская девочка Люба из очень бедной семьи, слабая и хилая, у которой мама постоянно в землянке выбивала стекло и лакомилась блинами и киселем, приготовленными из-за неимения денег на другие продукты. И мальчик, ему было около двух лет, который не мог передвигаться без помощи костылей. Так как моей маме не с кем было играть, она в буквальном смысле притаскивала девочку Любу и полупарализованного мальчика на улицу и водила с ними хоровод. Ей было всего три года, она не понимала,

---

[433] ППТП. Алексеева Б.

> что пацаненок не может ходить, ей казалось, он специально сопротивляется, чтобы не играть с ней. Тем самым мама еще больше «теребила» его, водила за собой и ему в любом случае приходилось хоть как-то передвигаться, чтобы поспевать за ней. В конце концов полупарализованный мальчик начал не только самостоятельно ходить, но и с остальными детьми прыгать, бегать, резвиться. Вот так, сама того не зная и не осознавая, мама лечила инвалида детства[434].

Такое сочетание горя и смеха, – смех как воспоминание об ужасе, помогающий пережить его, преодолевающий страх, – возможно, универсальное явление человеческого поведения в экстремальных ситуациях; подобное было отмечено антропологами среди пострадавших от Спитакского землетрясения[435]. Кстати, среди произведений, посвященных интернированию американцев японского происхождения, есть и комедия «Мисс Минидока». Роль памяти здесь минимальна, памяти и преданию в мире комического нечего делать: смеются, чтобы забыть.

Иначе представляется сибирская эпопея в письменных текстах. Многие авторы воспоминаний (эго-документов) сами формулируют мотивы и цели своих публикаций. «Простые» авторы писем в газеты или герои «историй из жизни» обычно незамысловаты в своих интенциях.

> Так уж водится, что с возрастом человек все чаще оглядывается на пройденные годы. Особенно обостряются чувства, когда смотрю на своих внуков. Как сложится их жизнь и какие сюрпризы преподнесет? Не помнить этого нельзя, если дорожим памятью о близких нам людях.

Люди, профессионально занимающиеся историей Калмыкии и, шире, России, ставят перед собой более четкие задачи:

---

[434] ППТП. Балюгинова Л.

[435] Этим наблюдением со мной поделился мой коллега Л.Абрамян.

> Думаю, что растущая молодежь и последующие поколения смогут извлечь из моих воспоминаний полезные для себя уроки. Имею в виду, что и самый простой рядовой член общества может проявить себя в экстремальных условиях, выдержать самые строгие испытания жизни, устоять на собственных ногах, не потерять человеческого достоинства и остаться полезным окружающим его людям и своему народу[436].
>
> Не удалось сталинско-бериевскому отребью запачкать калмыков клеймом “врагов народа”. Один народ не может быть врагом другого народа. История рассудила верно[437].

На письме истории персонального опыта приобретали трагическую тональность, которая в устных рассказах отсутствовала. Как правило, публичные выступления содержали благодарность сибирякам – как благодарность за разрешенный рассказ, а также как обязательное выражение лояльности к государству и как доказательство «объективности» высказываний: раз мы честно помним про добро русского народа, значит, наши беды тоже правда. Раз вы разрешаете нам говорить о трагедии калмыцкого народа, мы не забудем рассказать и о доброте русского народа.

> Мама всегда рассказы о своих мытарствах начинала с того момента, как русский капитан помог погрузить теплые вещи на телегу. И все родные начинали благословлять его, желать ему всяческого здоровья. И мы искренне верили, что капитан жив. А бабушка вплетала слово “капитан” в свои буддийские молитвы. Старшие говорили, что если бы не он, то мы примерзли бы к вагонному полу навсегда[438].
>
> Помню, как увозили нас со станции в русские села... Многие встречающие приехали с тулупами, чтобы обогреть. Хотя бериевцы пускали слухи, что едут люди с кинжалами на поясе, людоеды. Вначале смотрели недоверчиво. Но потом оттаяли, и

---

436 Иванов М.П. Годы ссылки: воспоминания и мысли. Элиста: Джангар. 1997. С.4.

437 Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Том 3. Книга 1. С.26.

438 Мне кажется, это было не со мной. ИК. 23 сентября 1994.

часто крестьяне жалели нас и помогали. Сердце у русского народа большое и доброе[439].

Эти два рассказа принадлежат женщинам и могут быть объяснены «женской эмоциональностью», а вот выдержка из мужских воспоминаний, где повествование незаметно переходит в традиционный калмыцкий жанр благопожеланий:

С нами остались два солдата, один из них пожилой, был такой добродушный, видно из крестьян. Он всем видом старался показать, что в душе он полностью сочувствует нам, видит, как несправедливо поступает с нами власть, но он солдат и выполняет приказ начальства. Как только офицер ушел, он сказал маме и дяде, чтобы мы брали с собой вещи потеплее, что нас повезут в холодные края, в Сибирь, и чтобы побольше запаслись продуктами, так как дорога предстоит дальняя, а потом спросил: “Есть ли у вас что-нибудь из живности?” Мама ответила, что есть бычок, тогда он посоветовал, что его надо зарезать. Жаль, что мы в этой суматохе не спросили у доброго солдата ни имени, ни фамилии, ни откуда он родом. Спешно солдат вместе с дядей зарезали бычка, мама быстро растопила печь и начала варить мясо на дорогу. Пока мясо варилось в котле, солдат помог маме упаковать все вещи в чемодан и узлы. Благодаря этому красноармейцу мы смогли забрать с собой почти всю одежду и запастись продуктами на дальнюю дорогу. Спасибо тебе, русский солдат, за твое благородное, человеческое сострадание к несчастной калмыцкой семье фронтовика, может быть, благодаря тебе мы живыми добрались до Сибири и выжили в сибирской ссылке. Мы тебя никогда не забудем и будем благодарить Бога за твое здоровье, если ты жив, а если нет, пусть будут счастливы твои дети и внуки[440].

К нам пришли четыре солдата, и один из них почти силой заставил нашу маму взять две подушки, одно одеяло и шубу нашего дедушки[441].

---

439 Эти годы... ИК. 27 декабря 1991.

440 Илюмжинов Н. Д. Предки, факты, время. С. 86.

441 ПМА – ДИШ. Тагирова Б.У.

> Мама оставляла братишку у русской женщины, у которой было много детей. Она кормила брата грудью, а мама работала[442].

Надо отметить, что благодарность русским людям – не просто жест вежливости, это искренняя благодарность конкретным людям, которые помогали в той или иной трудной ситуации: они накормили, поделились теплой одеждой, дали приют, при необходимости принимали роды, а также были друзьями, подругами, одноклассниками, соседями, сотрудниками, учителями и учениками. Благодарность, которая должна быть зафиксирована письменно – ведь что написано пером, не вырубишь топором. Для многих калмыков эти годы пришлись на их юность, которая теперь кажется им лучшим временем жизни. Мой старший коллега, заведующий кафедрой этнографии Омского государственного университета Н.А.Томилов, рассказывал, как он приехал на сессию по итогам полевых этнографических исследований в Элисту в 1981 г. и был удивлен особо почетному приему. «Я только что защитил кандидатскую диссертацию, и мне казалось, что персональная встреча в аэропорту, званый ужин мне как бы не по статусу. А мне ответили калмыцкие историки: так ты же – наш земляк, мы же в Омске и Омской области нашу молодость провели»[443].

Кроме русских людей, часто упоминаются с теплым чувством и другие наказанные народы. Солидарность с другими спецпереселенцами, репрессированными также на этнической основе, отмечается не случайно. Кроме собственно благодарности это еще и список других народов-изгоев, подчеркивающий, что калмыки не были «самыми худшими», что несправедливо были наказаны и многие другие народы. Не забываются буряты и монголы, их родственная солидарность тоже дорогого стоила.

---

[442] ПМА – ДИШ. Убушиева Е.К.

[443] Было рассказано во время IV Конгресса этнологов и антропологов России. 2001.

В первое время нам помогали ссыльные немцы и крымские армяне[444].

Директором лесоучастка работал бывший начальник военной кафедры академии им. Фрунзе полковник А.А.Циммерман. Сюда он попал из-за своего немецкого происхождения, тоже был репрессированным и к нам относился с пониманием, старался поддержать в работе, в разных ситуациях. Меня, рядового рабочего, назначил начальником пожарно-сторожевой охраны лесоучастка. Я понимал, что он рискует, принимая такое решение, поэтому согласился не сразу. Александр Александрович успокоил, заявив, что он мне полностью доверяет, а моя обязанность не подвести его. Тут уж меня, что называется, подстегивать не требовалось: сам старался, чтобы не обмануть ожидания поверившего в меня человека[445].

В 1955 г. произошел у меня конфликт с одним работником нашей сельской администрации. Конечно, шум поднялся: как это так, калмык, спецпереселенец, да еще против партийного посмел пойти? Сняли меня с бригадиров. Хорошо, что заступился директор Убинского рыбозавода Намолов Алексей Намолович. Только благодаря ему меня не отдали под суд. Намолов был монгол по национальности, вот за меня, калмыка, вступился. К тому же, честь своего лучшего бригадира отстаивал[446].

Я помню, как отец первый раз большую премию получил, они какой-то заказ военный выполнили, отец купил нам коньки – снегурочки, стальные, блестящие. Они завязывались на веревочке. Край-то бандитский. Мы катались с братом во дворе, и какие-то ребята подскочили и стали их бритвой с нас срезать. Мимо шел Хасан, крымский татарин, одноглазый такой, гроза района. Он казался нам дядькой, ему лет 16, наверно, было. Он их поймал и избил всех и сказал главарю – кто-нибудь их обидит, я с тебя спрошу, голову отрежу. И теперь я понимаю, что он нас только потому защитил, что мы, калмыки, были в одинаковом положении с ним[447].

---

[444] ПМА – ДИШ. Кензеева Е.П.

[445] Тюрбеев Б.Э. Такое не забывается // Мы – из высланных ... С.166.

[446] Пюрвеев В.Б. Занесен в «Книгу почета» госрыбтреста // Мы из высланных…С.162.

[447] ПМА. Манджиев О. Москва. 2004.

Видя мое стремление получить образование, меня стали поддерживать директор школы Цымбалюк Н.И. и классный руководитель Г.Г.Бургарт. Это они добились, чтобы совхоз приобрел для меня сапоги, отрез на костюм. Жена Николая Ивановича и мать тоже поддерживали нашу семью. Зазывали маму к себе, давали то картофель, то крупу и сало. Так мать Николая Ивановича настойчиво твердила: Барла, вырастет твой сын, выучится, получит специальность, будет тебе опорой и кормильцем. В этих словах сердобольной пожилой сибирячки мама находила утешение и крепилась. Потому что знала, что время переменчиво[448].

Местное население встретило нас настороженно, с опаской. Боялись нас в основном такие же высланные: немцы, эстонцы. Исконно местные, привыкшие к каторжным, сочувствовали[449].

Я осталась сиротой, единственной калмычкой в колхозе. Маму хоронили всем колхозом. Весь коллектив фермы, соседи скорбели вместе со мной. Благодаря им я не чувствовала себя одинокой в постигшем меня горе. После смерти мамы районные власти хотели определить меня в детский дом, но соседи почему-то решили, что в детдом меня не отдадут. К тому же, я сама плакала и отказывалась уезжать. Так я и осталась в колхозе. Но сельчане одну меня не оставляли никогда. То у меня ночевали молодые девушки, работавшие с мамой на ферме, то другие забирали к себе домой. Кушать приносили, хлеб пекли. Хорошо помню тетю Нюру Кононову, которая смотрела за мной, как за собственной дочерью, кормила меня, перешивала оставшиеся от мамы вещи на меня. У нее самой были дети, и если она справляла какую-нибудь обнову им, не забывала и меня. Теперь уже мне пришлось идти работать на мамину ферму в качестве полноправного члена коллектива, зарабатывать себе на хлеб. Мне выделили 12 телят, за которыми я должна была ухаживать, и вся ферма следила за моим трудовым становлением. По-отечески относился ко мне председатель колхоза Голубев. Приходил даже домой, справлялся, не нужно ли чего, спрашивал о моих делах, не обижает ли кто, сам завозил продукты. Заезжая на ферму, обязательно меня находил, подходил, разговаривал. До сих пор помню его слова: где наша малышка? Следите, чтобы никто не

[448] Бадмахалгаев В.М. Терпение мамы вознаградилось // Мы из высланных… С.192.

[449] ПМА-ДИШ. Манджиева С.

> обижал ее. Колхоз и колхозники помогали материально и морально. Покупали на колхозные средства необходимые мне вещи или колхозники приносили свои[450].
>
> Вообще наше село было небольшим. Калмыцких семей насчитывалось всего четыре. Кроме нас в селе жили немцы, греки, эстонцы, латыши, русские. Жили, насколько я помню, все дружно. Я никогда не слышала, чтоб наши семьи враждовали, ругались с другими семьями. Не слышала также в наш адрес оскорблений типа «враги народа», «предатели»[451].

Как пишут авторы писем, «иногда встречаемся со сверстниками тех лет, так становится на душе тепло. Ведь мы выдюжили». Обращение к трудному периоду полувековой давности служит хорошим фоном для сравнения с современными достижениями, какими бы скромными они ни были. Не случайно многие опубликованные письма заканчиваются отчетом – итогами своей жизни, главные из них обычно таковы: «Вырастили детей и дали им образование». Вот характерная концовка одного письма:

> В конце 1958 г. я с семьей выехал на родину. Впоследствии мои дочери и сын выбрали себе специальности, закончили высшие учебные заведения и твердо теперь стоят в этой жизни. Теперь тревожусь только за внуков и правнуков[452].

Таким образом, у калмыков не произошло «двойного отрицания, при котором негативно оценивается не только сам факт депортации, но и значительная часть прожитой собственной жизни», что было зафиксировано исследователями у чеченцев[453]. Во многих повествованиях о Сибири неакцентированно присутствуют рассуждения о том, что калмыки до депортации были темными, малокультурными, а вернулись уже много повидавшими, опытными людьми. Как

---

[450] Китляева Н.Н. Весь колхоз поднимал сироту-калмычку // Мы из высланных… С.256.

[451] ППТП. Наранкаева Б.

[452] Годаев П. Указ. соч. С.81.

[453] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С.83.

часто отмечают рассказчики, «до войны калмыки были очень неразвитые, а после депортации стали умнее и ученее»[454].

> В один день наш вагон остановился напротив желтого красивого строения, куда входили и выходили люди. Мы, ребятишки, любовались им, не скрывая своего восхищения. Оказалось, что мы стояли напротив побеленного туалета на станции Алма-Ата[455].

В печатных воспоминаниях нередко проскальзывает та или иная жизненная проблема – восстановление трудового стажа, восстановление льгот как участнику войны, и часто представители поколения, родившегося по возвращении, имеют свои виды на материальные компенсации старшему поколению. Как писал М.Бахтин, какой бы момент выражения - высказывания мы ни взяли, он определяется реальными условиями данного высказывания, прежде всего ближайшей социальной ситуацией[456]. Должна признаться – и я сама в своих заявках на гранты, если это бывает уместно, упоминаю факт депортации как основание для особого внимания к заявке по калмыцкой этничности.

В современном дискурсе очевидно, что простые люди относятся к воспоминаниям о депортационных годах сдержанно, как о большой беде, которая уже пережита и осталась в прошлом. Представители творческой и научной интеллигенции и политики склонны к сакрализации травмы, они квалифицируют депортацию как геноцид, их оценки более эмоциональны и апеллируют и к настоящему, и к будущему. Как сказал в предисловии своей книги «Калмыки. Выселение и возвращение» профессор Калмыцкого госуниверситета историк В.Б.Убушаев, «пока жив народ… появятся десятки, сотни книг по депортации калмыцкого народа… Я этого

---

[454] ПМА. Горяева Е.Б.

[455] Убушаев В.Б. От «спецвыселенца»… // Мы - из высланных… С.170.

[456] Бахтин М. Указ. соч. С.420.

желаю»[457]. В то же время современные исследователи депортации калмыков будучи мужчинами воспринимают депортационный опыт в мужском измерении, считая, что пережитое калмыцкими мужчинами и есть пережитое калмыцким народом. Не принижая роль женщины умышленно, они полагают, что их опыт страданий и переживаний идентичен общеразделяемым мужским подходам.

Рассмотренные печатные воспоминания о депортации становятся письменным погребением и, по словам П.Рикёра, продолжают работу памяти и работу скорби, которая окончательно отделяет прошлое от настоящего и уступает место будущему[458].

3.3. «За что?»

Рассказы старших об этом периоде до последнего времени не были нацелены на «адресата». Если заходила речь о событиях 1943–1956 гг., то это происходило скорее в узком кругу, среди сверстников, имевших тот же опыт, и собеседники понимали друг друга с полуслова, не объясняя подробностей случайно присутствовавшей молодежи. В таких разговорах люди обычно уклонялись от прямых оценок исторических фактов. Как правило, разговоры носили только личный характер. Как и другие народы до либерализации конца 1980-х, калмыки старались не говорить об этом, как будто существовала некая коллективная вина, пусть даже и несправедливо вмененная народу, и за нее ему приходится расплачиваться[459]. Такое замалчивание народной трагедии объясняется обвинением в предательстве всего народа.

Несмотря на то, что государственное обвинение было разбито на несколько пунктов, в народном сознании

---

[457] Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. С.4.
[458] Рикёр П. Память, история и забвение. С.691.
[459] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С.80.

отпечаталось одно – калмыки добровольно пошли на службу в созданное немецким командованием вспомогательное воинское подразделение, которое в пропагандистских целях было названо Калмыцким кавалерийским корпусом. В народе считалось, что основное обвинение строится на разнице между единственной в составе Красной Армии добровольно сформированной на территории республики национальной дивизией и целым корпусом. Получалось, что добровольно воевавших в национальном формировании против оккупантов было втрое меньше, чем на их стороне, хотя ККК был только назван «корпусом» и по количеству солдат на корпус не тянул: такое преувеличение реальных размеров формирования – широко распространенный в военной практике разных народов прием. Но при подобных подсчетах сравнивали только два формирования: ККК и 110 ОККД, укомплектованные на этнической основе и имеющие определение «Калмыцкий» в названии. Однако в своем подавляющем большинстве калмыцкие мужчины служили не в добровольной 110 ОККД, а были мобилизованы по возрасту и служили в самых разных частях Красной Армии - как было упомянуто выше, их насчитывалось более 20 тыс. человек, а в совокупности с призванными в морские дивизины, другими трудовыми мобилизациями и довоенными призывами их число достигало 37 тыс.[460]

Поскольку обвинение базировалось на количественных данных, некоторые пытались оправдываться также с помощью чисел и пропорций, обращаясь к факту, что Калмыцкая АССР дала высокий процент Героев Советского Союза, или припоминали факты измены родине представителями других, «не наказанных» народов, например, называли русскую армию генерала Власова, украинских воинов Степана Бандеры.

---

[460] Очиров У.Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР // Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста: Джангар. 2001.С. 62.

Обвинение всего народа в предательстве было тяжелым ударом по его достоинству, ведь абсурдные обвинения всегда трудно опровергнуть. Вина воспринималась особенно тяжело, потому что у народов с сильными родовыми традициями понятие «честь», «верность» были одними из основных в народной этике. Как же объясняли люди причину их выселения?

Наиболее неосведомленные полагали, что таким образом «отец всех народов» Сталин спасал калмыков от порабощения фашизмом. Советская Армия освободила территорию Калмыкии в январе 1943 г., но многие думали, что отступление фашистских войск – временное, оккупанты еще могут вернуться и потому, спасая от врагов, народ вывозили на восток.

Последовательные приверженцы линии партии, имевшие опыт партийной и комсомольской работы, считали депортацию 1943 г. менее опасной для народа, нежели проявление классовой борьбы и буржуазного национализма среди калмыков. Один из таких партийцев, Д.П.Пюрвеев, писал в 1952 г. из Алтайского края своему старому оппоненту, поэту С.Каляеву: «Тем, которые отравлены ядом буржуазно-националистической идеологии, никогда не понять смысл и значение переселения калмыков как с точки зрения развития (преуспевания) самих калмыков, так и с точки зрения общих интересов развития социализма.... Если стать на вашу точку зрения, – обращается автор к оппоненту, – и смотреть на переселение калмыков как карательную меру, то выходит, что при социализме сохраняется борьба национальностей, что эта борьба несет малым народам судьбу печальную.... Не с ума ли Вы сошли?.. Пошло вспять не развитие калмыцкого народа, а пошел вспять национализм калмыцкий, чтобы полностью себя исчерпать... Мы понимаем, что печальна судьба не советской

калмыцкой народности, а печальна судьба бывших имущих классов и калмыков, не способных перевоспитаться»[461].

Многие бывшие руководящие работники бывшей Калмыцкой АССР обсуждали вопросы респрессированного статуса народа, писали письма в Москву. За это некоторые были осуждены как антисоветская группа, например, Саврушев Ц.О., Мацаков И.М., Наднеев А.Б., Нормаев О.Л. Первый из них на допросе показал:

> Наша антисоветская националистическая группировка бывших руководящих работников Калмыкии, озлобленная переселением, ставила своей целью заставить правительство отменить свое решение и предоставить калмыкам обратно национальное существование....Мы обвиняли партию в перерождении национальной политики. Факт переселения калмыков рассматривали как фашистскую расовую политику[462].

Не имея легальной возможности выяснить причину насильственного переселения, народ пытался осознать это в своих песнях. В них поется, что «ангелы-хранители» народа не уберегли его, что выселение было наказанием Неба за грехи, за отход от веры, за массовый атеизм и уничтожение всех калмыцких храмов, гонения на священнослужителей.

> Мы хурул превратили в хлев,
> Оттого и живем несладко,
> Нет на свете добра и порядка –
> Это древних бурханов гнев, –
> Причитает Басанова бабка…
> Оттого и попали в ад…[463]

461 Письмо Д.П.Пюрвеева С.Каляеву // Каляев С. Письма к Еве. Элиста. 2001. С.197-205.

462 Докладная записка начальника УМВД по Новосибирской области…Книга Памяти. Т. 1. Кн. 1. С. 212.

463 Буджалов Е. Двери настежь, калмыки! С.222.

Для устных рассуждений о причинах выселения характерен поиск персональных виновников трагедии. Обвинялись лично Сталин и его окружение. В одном из агентурных донесений приводились слова Боклановой Борсы, которая в присутствии нескольких калмыков заявила: «В нашей плохой жизни виновен Сталин, который морит нас голодом, и получается так, что из-за одного человека пропадает целая республика»[464]. Таких людей было немало. Как в наши дни о переживаниях тех лет написал калмыцкий поэт, в прошлом боевой офицер: «Больше всего хотелось, чтобы один враг, мой желанный, любимый, дорогой мой враг, усатая сволочь, этот самый Сталин, появился бы передо мной, и я бы всю обойму с наслаждением разрядил бы в него, ах, как я был бы счастлив, если бы это случилось!»[465].

Многие восприняли переселение как страшную ошибку Сталина, который лично не был виновен в массовых репрессиях, поскольку был занят государственными делами и доверял подчиненным, которые оказались врагами народа и дезинформировали «отца народов». Прежде всего имелся в виду Лаврентий Берия. Так реагировали в основном бывшие представители партийно-государственной номенклатуры, которые писали письма в Кремль «лично Сталину», пытаясь рационально осмыслить депортацию и оправдаться. Авторы писем в Кремль почти все были репрессированы повторно и из сибирского поселения попали в лагеря для политзаключенных.

Такая же судьба постигла тогда молодого поэта Давида Кугультинова, который в беседе с земляками выразил мнение, что «с калмыками так поступили потому, что… [они] малочисленная национальность, которую можно свободно разбросать… Здесь предательство и плохая работа руководства не сыграли столько роли, сколько фактор

---

464 Из отчетно-информационных дел местных органов НКВД СССР об агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев-калмыков // Книга Памяти. Т.1. Кн.1. С. 178.

465 Кугультинов Д. Вечная память // Теегин герл. 1997. № 2. С.38.

малочисленности населения и принадлежности к национальным меньшинствам». Все же в те годы идеологические шоры мешали осудить «решения партии и правительства»: в том же разговоре Д.Кугультинову отвечал собеседник: «В отношении калмыков я прямо говорю: что чего заслужили, то и получили, а единство народов крепнет и будет крепнуть, несмотря на то, что “ударили” по калмыкам»[466].

Калмыки были свидетелями депортации шести тысяч российских немцев из Калмыкии в 1941 г.[467] Спустя два года расселенные в самых разных местах страны калмыки оказывались рядом с представителями других репрессированных народов – немцами, чеченцами, латышами, корейцами, однако полагали, что те были выселены заслуженно, в отличие от невиновных (или почти невиновных) калмыков. Это видно из писем калмыцкой интеллигенции «лично Сталину», например: «Народы СССР, не исключая даже самой маленькой этнической группы, счастливо и радостно взирают на свое будущее... И только мы, калмыки, по нашему несчастью, составляем исключение. Начиная с трагического дня утраты своей национальной автономии, разбросанные по три-пять-десять семей в необъятной и суровой Сибири, калмыки физически вымирают, терпя моральное и национальное унижение. (29 апреля 1946 г.)»[468]. Разновидностью этой версии была такая: «...чей-то маниакальный замысел истребить калмыцкий народ. Замысел, вольно или невольно поддержанный остальными, обезличился и стал руководством к действию»[469]. Как писал позже А.Некрич, Сталин делил народы на «агрессивные и неагрессивные», к первым он относил народы с репутацией народа-воина: калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей. Возможно, что

---

466 Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.52.

467 Книга памяти калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было. С.15.

468 На чужбине. СК. 28 января 1993.

469 Годаев П. Боль памяти. С.10.

в трудный для страны период он решил «обезопасить» их возможный протест?

Часто люди возлагали вину на Советскую власть. Для многих еще в Сибири было ясно, что «пока эта власть будет, видимо, нас на родину не пустят»[470].

> Здесь в колхозе голодаем, опухли мои две дочери, одна скоро умрет. Лучше бы нас Советская власть расстреляла всех (Т.Мячиков, Ульяновский р-н).
>
> Загнали нас в Сибирь, все здесь пропадем, нас теперь не считают за людей и хотят уничтожить. От Советской власти ничего хорошего ожидать не приходится (С.Левчинов, Шербакульский р-н.)[471].

В народных песнях ответственность за жестокую акцию также связывается с государственной властью: «В один миг калмыки откочевали по указу Верховного Совета», «Краснокистные калмыки плачут, обиженные властью красных» (красная кисточка на головном уборе – этно-отличительный знак). Встречаются жалобы, что власти не разбирались, кто виноват, а кто нет – выслали всех сразу.

> Примерно за три дня до отправки калмыков в Сибирь занятия в школе прекратились, причину нам никто не объяснил, но по селу проползли слухи, что калмыков отправят в Сибирь как предателей и изменников Родине... Мама начала беспокоиться, но я стал уговаривать ее, что это нас, конкретно нашу семью, не коснется по той простой причине, что мы являемся красноармейской семьей, что наш отец на фронте сражается с фашистскими захватчиками... Про себя я даже допускал такую мысль, что, может быть, какую-нибудь семью и вышлют в Сибирь, но это будет касаться тех семей, у которых кто-нибудь при

---

[470] ПМА. Санджиева Р.А. Элиста. 1997.

[471] Докладная записка комиссара внутренних дел госбезопасности СССР 1-го ранга Меркулова народному комиссару СССР генеральному комиссару госбезопасности Л.Берии о положении спецпереселенцев-калмыков в Омской области // Книга памяти. Ссылка калмыков. Т. 1. Кн. 1. С. 150.

> оккупации немцами служил у них полицаем или старостой. Однако что вышлют всех калмыков без разбора, исходя из национальной принадлежности, – такого у меня и в мыслях не было![472]
>
> Как-то у меня спросили, за что калмыков выслали. Я сказала, за то, что под немцами были, хотя всего четыре месяца. Что малыми народами запугивают большой народ. Украинцев 50 миллионов, куда их выслать? Я многое тогда понимала[473].
>
> Народ не может быть врагом другого народа. История рассудила верно[474].
>
> Но нам не надо искать виноватых вокруг себя, в других народах. Не народы виноваты, а люди, воспитанные в сталинской системе[475].

Нередко виновными молчаливо считали «русских», которые были заинтересованы в калмыцких землях и таким малым народом, как калмыки, могли пренебречь. При этом подразумевались не славянские жители республики, не местные «хохлы», а «русские вообще» как самые многочисленные жители государства. Эта последняя версия формулировалась реже других, потому что в советский период обвинение в национализме или разжигании национальной розни было особенно опасным согласно Уголовному Кодексу. К тому же разговоры о русско-калмыцких противоречиях считались недостойными. И хотя такая версия неявно присутствовала, она, если и находила вербальное выражение, то чаще среди родившихся после возвращения.

Образованные люди пытались рационально оправдать депортацию, например: народ сослали из-за необходимости переброски трудовых ресурсов на восток страны. Недавно было сформулировано и такое объяснение: «советское руководство в какой-то степени хотело переложить свои серьезные промахи,

---

472 Илюмжинов Н.Д. Предки, факты, время. С.84.

473 ПМА. Польтеева С.Э. Москва. 2004.

474 Бадмаев А. Судьбы моей военной половинки. ИК. 27 декабря 1991.

475 Очиров А. Эти годы – в памяти нашей. ИК. 27 декабря 1991.

обернувшиеся крупными поражениями в первые годы войны, потерями людских и материальных ресурсов, на некоторые малочисленные народы»[476].

Современный дискурс представлен разными версиями. Калмыки в Калмыкии уверены, что народ был незаконно выслан тоталитарным сталинским режимом; поводом к выселению послужило обвинение в том, что в добровольных калмыцких формированиях было меньше солдат, нежели на стороне врага – в Калмыцком корпусе. Проблема депортации продолжает оставаться важной для высланных лично и для рожденных в депортации и их детей. Внуки гораздо свободнее от посттравматического комплекса. Больше того, мне встречалась шутливая досада на то, что «не все калмыки ушли с оккупантами, жили бы мы все сейчас в Америке». Таким образом, память о депортации не стала у калмыков «коренной парадигмой», какой стала память о геноциде для армянского народа[477]. В наши дни, когда политические оценки прошлого часто противоположны устоявшимся советским, мой казанский коллега, доктор исторических наук, сказал мне в беседе: «Наверное, самые лучшие люди ушли с немцами». Однако в республике такого мнения мне не приходилось слышать.

Все же «народное толкование» причин и истории депортации устойчиво во времени. Работая над этой темой, я постоянно сознавала, что не могу полностью отстраниться от утвердившихся в народе представлений, что постоянно возвращаюсь к тем формулировкам, которые слышала в течение долгих лет и которые воспринимаются, как истинная, «народная история»; дистанцироваться от них нелегко.

Живущие в республике некалмыки полагают в большинстве своем, что народ был выселен за действия

---

[476] Максимов К.Н. Репрессивная политика Советского государства и депортация калмыцкого народа в 1943 г. // Политические репрессии в Калмыкии в 20-40-е гг. XX в. Элиста. 2003. С.10-11.

[477] Dudwick N. The Karabagh Movement: An Old Scenario Gets Rewritten // Armenian Review. 1989. Vol. 42, No. 3. P. 63-70.

Калмыцкого корпуса, который зверствовал на Украине и потому вместо эпитета «кавалерийский» используют слово «карательный». За пределами Калмыкии, если и помнят о депортации, то скорее считают, что калмыков выселили за сотрудничество с оккупантами, а в чем именно оно заключалось, людей не интересует. Вот на Украине, в районе Днепропетровска, еще остались старики, которым есть что вспомнить. Московский врач Олег Букаев, калмык по происхождению, рассказывал, что бабушка его жены, родом из Запорожья, три дня плакала, горюя, что внучка вышла замуж за калмыка. Калмыков-корпусников она запомнила на всю жизнь[478].

Представители зарубежной калмыцкой диаспоры чутко относятся к разным оценкам депортации, это важный, выстраданный для них вопрос. В памяти поколения детей белой эмиграции остались страшные слухи о выселении народа, даже о его уничтожении. Именно это поколение, получив возможность поднять голос в защиту советских калмыков, а также депортированных народов Кавказа, било тревогу и обращалось в ООН и другие международные организации.

Представители первого исхода были казаками Великого Войска Донского и до революции проживали в 13 калмыцких станицах, которые позже были преобразованы в Калмыцкий район Ростовской области. В 1944 г. этот район был ликвидирован, калмыки высланы, станицы переименованы. Позднее Калмыцкий район в Ростовской области не был восстановлен, и калмыки там уже не селились. Часть калмыцких станиц осталась заброшенной и исчезла. Другая часть была переименована и заселена казаками и другим местным населением. Так эмигранты из донских калмыков потеряли свою «малую родину» и пострадали от указа 1943 г., хотя лично выселены не были.

---

[478] Личная коммуникация с О.Букаевым. Москва. 2004.

Для представителей второго исхода, – а это были и солдаты Калмыцкого корпуса, и военнопленные, а также гражданское население, волей судьбы оказавшееся в американской оккупационной зоне Германии, – вопрос об ответственности за депортацию еще болезненнее.

В беседе со мной случайно оговорился о своей реакции на известие о депортации бывший корпусник: ему «хотелось верить и не верить». Ясно, почему хотелось не верить, а «хотелось верить» – потому что эта трагедия оправдывала его измену родине, пусть и задним числом.

И сегодня многие в Калмыкии полагают, что если бы не Калмыцкий корпус, не было бы и повода для депортации калмыков. Калмыков, приехавших из США на празднование «Джангариады» в 1990 г., порой попрекали, что, мол, если бы их родители не ушли с фашистами, калмыков бы и не выселили. Многие еще крепкие старики из тех, кто покинул в молодости родину в 1943 г., даже после падения железного занавеса опасаются навестить родные степи. Как упоминалось выше, КГБ арестовал одного из корпусников, ставшего бельгийским гражданином, рискнувшего поехать на родину в гости в 1984 г.; вскоре он был осужден и расстрелян. Навязанное чувство коллективной вины преследует многих корпусников до сих пор, недаром они так не любят говорить о войне с чужими.

В оценке депортационной истории обе волны калмыцкого исхода единодушны. Лидеры калмыцкой общины в США встречались с советским перебежчиком подполковником Бурлицким, который участвовал в акциях выселения многих народов, в том числе и в операции «Улусы». Его рассказы имели широкий резонанс наряду с книгой А.М.Некрича «Наказанные народы», в которой отдельная глава посвящена калмыкам, и потому книга хранится в личных библиотеках многих калмыков диаспоры. По общему мнению представителей калмыцкого зарубежья, депортация была

проведена коммунистами в интересах русского большинства, ради калмыцких территорий.

Тем не менее, возникает вопрос, почему у одного народа депортационный комплекс стал источником эскалации конфликта и открытых военных действий, а у другого нет. Надо отметить, что чеченцы и калмыки в годы депортации были равны по статусу, но находились в разных жизненных условиях. Калмыки были расселены дисперсно (от Сахалина до Урала, от Таймыра до Средней Азии, причем в Средней Азии и Казахстане их было значительно меньше, нежели в северных регионах), попали в незнакомые природные условия – из степей в таежные леса, а чеченцев расселили более компактно, в Казахстан и Киргизию, где климат был мягче, где жили единоверцы, и часто в похожую горную местность. В результате калмыки вернулись с бо́льшими демографическими потерями: было выслано около 120 тыс. человек[479], а вернулось менее 78 тыс., из них - почти 26 тыс. детей[480], в то время как чеченцев было выселено 387 тыс.[481], вернулось 356 тыс., из них детей - около 150 тыс.[482]. Рассеяние калмыков по огромной территории востока и севера СССР и крайняя разреженность поселений приводила к тому, что в небольшом населенном пункте проживало всего несколько семей. В таких условиях, когда прокормиться было возможно только упорным трудом, создавая сеть дружеских отношений, выжить можно было только при стратегии максимальной интеграции.

Важным фактором выживания ингушей и особенно чеченцев была религия, которая давала силы для выживания и вдохновляла на сопротивление «русско-советскому доминированию»[483], воинствующий характер ислама любое угнетение мусульман воспринимает в терминах войны.

---

479 Убушаев В.Б. Указ. соч. С.41.

480 Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 77.

481 Полян П. Не по своей воле… С.122.

482 Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С.88.

483 Поль М. Указ. соч. С.179-180.

У калмыков все было иначе. Буддизм – религия эзотерическая, и миряне плохо знали духовные каноны, часто заказывая священнику выполнение нужной службы. После успешного завершения в Калмыцкой степи кампании по борьбе с религией, в ходе которой все храмы были уничтожены, а священники большей частью репрессированы, до самого выселения прошло более пятнадцати лет; целое поколение выросло в атеистических условиях. Те же, кто сохранил веру, практиковал обряды, ограничиваясь домашней сферой, причем делал это тихо, опасаясь наказания.

При этом сохранившаяся в народе буддийская этика призывала к смирению, к непротивлению злу, полагая, что зло в душе (обида) умножает зло в мире, призывая к отстранению от зла, к сохранению личной кармы путем непричастности ко злу.

> Сейчас родителей нет – они умерли, как и многие репрессированные, без стонов, без жалоб и обид на судьбу[484].
>
> Они безропотно повиновались судьбе. Так надо – утешали они себя[485].
>
> В сердце этого доброго человека не осталось места для злобы, ненависти и обиды[486].

В то же время калмыки не считали себя завоеванным или порабощенным народом. Договорность, первоначальная модель калмыцко-русских отношений, в ходе истории сменилась тем типом отношений, который Ю.М. Лотман назвал «вручение себя». Отношения этого рода всегда односторонни: отдающий себя во власть рассчитывает на покровительство, но отсутствие такового не служит основанием для разрыва, одна сторона отдает все, другая может дать, а может и не дать, психология обмена исключена. Ликвидация Калмыцкого

---

484 Болдырева В.А. Сибирь детскими глазами // Мы – из высланных ... С.126.

485 ППТП. Шевелева Б.

486 ППТП. Церенов Б.

ханства, исход 1771 г., исход в гражданскую войну, сибирская депортация породили готовность жертвовать всем ради главного – ради сохранения народа. При выселении калмыков случаи неповиновения были единичными, все формы протеста в основном были легитимны: письма, песни, разговоры, при этом их тональность была не обвиняющая, а оправдывающаяся. Принадлежность к России стала неотъемлемой частью этнического самосознания народа.

Так же было и с теми японцами, кто был интернирован в США в 1942 г. и относился ко второму поколению эмигрантов – нисеям, они считали себя в первую очередь американцами. Нисеи после освобождения из лагерей в 1945 г. старались больше учиться и больше работать, чтобы быстрее интегрироваться в большое общество[487].

Для постдепортационной травмы американцев японского происхождения характерно, что их усилия были большей частью направлены на само японское сообщество, их цель была доказать, что они не являются гражданами второго сорта, прежде всего – себе, а попутно и большому обществу. С характерным японским изяществом они в День памяти в 1983 г. организовали в Сиэтле пробег на 9066 футов и пешую прогулку для пожилых людей длиной в 9066 дюймов. Всех участников ждала награда – футболка с надписью «Я пережил 9066», потому что именно под этим номером стоял приказ президента об эвакуации людей японского происхождения[488], фактически о депортации.

В депортационной травме чеченцев, по мнению В.Тишкова, определенную роль играл фактор материальной заинтересованности. В отличие от Чечни, в Калмыкии не было такого богатства, за которое стоило бороться политически и силой оружия, и калмыки были гораздо лучше представлены во властных структурах, чем чеченцы в Чечне. Кроме того же время Элиста не была русским городом, как Грозный, и

[487] Takezawa Y. Op. cit. P. 31.

[488] Takezawa Y. Op. cit. P.53.

хорошие городские квартиры не могли стать предметом вожделения для местных калмыков[489].

Так же, как и калмыки, в свое время получили материальную компенсацию от своего государства и японцы в США. Сумма в 20 тыс. долларов в начале 1980-х была существенной для американских пенсионеров, но, в отличие от калмыцких стариков, отдававших свои компенсации детям и внукам, тратившим деньги на обычные расходы в трудных экономических условиях, японцы поступали иначе. Нередко деньги отдавались в японский храм, а если распределялись внукам, то с целью заинтересовать молодое поколение историей семьи в военные годы. Среди российских репрессированных народов в большей степени возникает потребительское отношение к государственным актам, во-многом из-за огосударствления этнического фактора в СССР и в Российской Федерации, а также из-за неразвитого общероссийского гражданского сознания. Японцы в США считают себя американцами японского происхождения, а калмыки в РФ остаются в первую очередь калмыками, ингуши – ингушами.

Однако найти рациональное объяснение иррациональным действиям, видимо, нелегко. В этой связи часто выражаются сожаления по поводу заведомой невозможности разобраться в трагической странице истории народа.

> Теперь я вижу, что здравым разумом это невозможно понять: из какой политической или военной необходимости совершили это насильственное переселение малочисленного народа[490].
>
> Почему так получилось, что самые жестокие и невыносимые страдания достались именно нам? Был ли это чей-то преднамеренный выбор или это произошло случайно? Почему никто так и не понес никакого наказания за те злодеяния,

---

489 Этим рассуждением поделился со мной в частной переписке В.А.Тишков.

490 Илюмжинов Н.Д. Предки, факты, время. С.163.

> которые учинены над нами? Похоже, что на свои вопросы я ответа не дождусь[491].

Депортация рассматривалась как суровое наказание Родиной-матерью, строгой к своим детям, но и справедливой. В этой связи слова известной песни получили другой смысл: «С чего начинается родина? Со стука вагонных колес...».

Обида на государство была у народа не только за выселение с родины в самых жестоких формах, но и за то, что люди были «брошены на бесчестье, лишены своего сыновнего права и долга защищать Отечество»[492]. Думаю, это существенно для представителей народа, который пришел в Россию и остался в ней навсегда как народ-воин, защищающий интересы новой родины. Запрет нести воинскую службу символически означал отказ в предоставлении гражданства и расторжение договора о добровольном вхождении калмыцкого народа в состав Российского государства от 1609 г.

Спустя десятилетие после восстановления республики ее потрясли открытые судебные процессы над «карателями», как называли солдат Калмыцкого корпуса. Как упоминалось в первой главе, таких процессов было семь. Я была ребенком в то время, но хорошо помню тогдашнюю атмосферу подавленности и страшное слово «процесс». Народ унизили повторно, дав понять, что калмыков выселили за дело. Высшая мера наказания для подсудимых заставила народ затаить все обиды на государство, потому что был нарушен древний правовой обычай – дважды за одно и то же не наказывать. Значит, и депортация могла повториться... Такую возможность старики допускали и позже, например, в 1994 г., на дебатах вокруг замены конституции РК Степным Уложением, а молодые люди их не понимали. Процессы над «изменниками родины»,

---

491 Улюмджиева Б.О. Старики не хотели умирать в пути // Годаев П. Боль памяти. С.139.

492 Годаев П.О. Отсроченное изгнание // Боль памяти. С.48

возможно, убеждали народ в его виновности, и о депортации надолго перестали говорить.

Тем не менее, историческая травма настолько глубоко сидит в памяти людей, что они многое продолжают видеть через ее призму. Так, одна из улиц Элисты, носящая имя Серова, ассоциируется в народе с генералом НКВД И.А.Серовым, руководившим операцией «Улусы», хотя, по утверждению сотрудников государственного архива, улица названа в честь другого Серова, красноармейца-героя, не имеющего никакого отношения к выселению народа.

Страница унижения депортацией в истории калмыцкого народа, казалось бы, перевернута. Но время от времени в общественном сознании всплывают не оформленные вербально оценки тринадцати лет как умышленного унижения своим же государством. Недаром народное мифологическое сознание во время столь важного события для народа, как выборы президента, так освоило факт избрания на ответственный государственный пост тридцатилетнего бизнесмена. Будто бы Его Святейшество Далай-лама 14-й, когда посетил Элисту, при обсуждении будущих президентских выборов посоветовал отдать предпочтение человеку, который был бы рожден после депортации, персоне, свободной от депривационного опыта[493].

Перспективы для большого маневра в «потреблении» депортационной травмы калмыков в современном политическом поле отсутствуют, а мелкие ресурсы «потребления» (материальные компенсации, снижение пенсионного возраста и проч.) практически исчерпаны. В этой связи можно полагать, что при благополучном ходе дел в республике эта травма будет рутинизирована.

Передача информации от поколения к поколению носит, по определению Музиля, характер «неточного цитирования», и на примере межпоколенной трансляции памяти о травме среди калмыков мы видим, насколько усеченной передается она

[493] Слова В.Каруева в документальном фильме «Доски судьбы» (Е.Саканянц,1994)

поколению детей, родившемуся после депортации. Это информационное сито в калмыцком обществе стало инструментом умолчания. Опубликованные воспоминания последних лет стали перезаписью памяти, переделкой эпической песни, по закону которой право на счастье надо заслужить, пройдя через инфернальное путешествие.

3.4. Стигматизованная этничность

Репрессированные по этническому признаку люди стали стыдиться своей этничности. «Слово «калмык» было презренное слово»[494]. Это чувство унижающего исключения из рядов советского народа усугублялось визуально: калмыков расселили не в тех регионах Сибири, где жили, например, родственные по культуре, религии и фенотипу буряты, а в тех областях, где проживало славянское население. В редких случаях калмыки жили в местах, где, кроме русских, проживали алтайцы, хакасы, ханты и манси.

> Мы устроили судьбу племянницы, и это нам удалось потому, что мы ее записали буряткой, якобы родившейся в Алтайском крае. Так она была освобождена от спецучета[495].
>
> Надо было отмечаться в комендатуре еженедельно, опаздывать было нельзя. Однажды меня поймали за опоздание, пришлось назваться хакасской, чтобы не наказали, не посадили в тюрьму[496].
>
> В первые годы сверстники дразнили нас, слово «калмычка» звучало как оскорбление. Кто-то сочинил такую дразнилку: «ну совсем как русский, только глаза узкие, нос лепешкой да голова картошкой». Самым трудным в эти годы были не физические страдания: недоедание, отсутствие одежды, а нарядиться хотелось особенно в 16-17 лет, а моральная ущербность. Пусть

494 ПМА – ДИШ. Кукеев Д.Д.

495 Эрдниев У.Э. Ссыльный калмык во главе факультета // Мы – из высланных… С. 43.

496 ПМА – ДИШ. Ункова Н.Ч.

ты хорошо училась, пусть тебя никто не унижал открыто, но знаешь, что внешность твоя другая, что ты высланная, что тебя могут как-то недооценить. Это необъяснимое чувство второсортности угнетало всегда![497]

Моей маме было только пять лет, но она прекрасно помнит, как один раз группа детского сада, проходя мимо их дома, стала дразнить ее «калмычка». Только по этим окрикам мама узнала, кто она по национальности[498].

Порой калмыков дразнили так же, как во времена нэпа обидно дразнили китайцев: «ходя, соли надо?»[499]. В этой дразнилке отразилось колониальное отношение к варварам, стоящим на более низкой ступени развития, ведь сам текст появился благодаря реакции русских, для которых была удивительна семенящая походка приезжих китайцев, носящих деревянную обувь и их оптовые закупки соли[500]. Таким образом, благодаря визуальному сходству калмыков вновь относили и к дикарям, и к чужакам, и даже более того – к политическим врагам государства.

На вокзалах калмыки были под особым подозрением: как потенциальные беглецы, а также как потенциальные враги народа и возможные диверсанты. Старейший этнограф Калмыкии проф. У.Э.Эрдниев рассказывал, как пошел встречать дочь из пионерского лагеря, куда по счастливой случайности ее отправили на отдых, но на вокзале был арестован и просидел несколько суток в заточении. А бывшие представители калмыцкой номенклатуры, писавшие письма в защиту народа в Москву, осознав, что местный почтовый ящик контролируется комендатурой, передавали письма протеста через людей с проходящими эшелонами. Но пойти на вокзал и исполнить эту операцию могла только русская жена калмыка –

---

[497] ПМА. – ДИШ. Кардонова К.Э.

[498] ППТП. Нюденова Б.

[499] ПМА – ДИШ. Очирова Р.Е.

[500] www. Poznatali.narod.ru // Краеведческие этюды. Сайт Н.Поздняковой

Вера Корсункиева, не вызывавшая подозрений у контролировавших вокзал милиционеров.

Из-за более теплого климата калмыков привлекала Средняя Азия, где они, хотя и должны были отмечаться в комендатуре, но все же не так резко отличались от местного населения и даже порой могли затеряться в толпе. Это не только способствовало лучшему самочувствию спецпереселенцев, но и помогало устроиться на хорошую работу.

> После Сибири Средняя Азия показалась нам раем земным. Тепло, обилие продуктов, практически свобода, так как мы попали в среду азиатского населения, с которым внешностью были схожи. А это облегчало положение. Но всегда являлись ежемесячно в комендатуру на отметку.
>
> Насколько я знаю, в Киргизии многие ребята и девушки, вырвавшиеся из Сибири, получили высшее и среднее образование, а их отцы и матери работали на престижных местах: в вузах, техникумах, редакциях газет, научно-исследовательских институтах, руководителями предприятий и главными специалистами в министерствах и ведомствах[501].
>
> Я помню, поехала в Алма-Ату к тете. Тетя давно была замужем за казахом, деканом факультета КазГу. Сама тетя была врач, но тогда уже смертельно болела. За нами, за двоюродной сестрой Лорой и мной, ухаживали студенты - поклонники. Один из них, Асланбек, за мной приударил. Но что я буду шуры-муры заводить, если я приехала в гости на месяц? Он был эмвэдэшник, у него форма была такая, кокарда. И вот он уже видит, что никак не может он ко мне приклеиться. Как-то мы сидели, разговаривали, какая разница между казашками и калмычками. Я говорю: калмычки более стройные, а казашки – низкий таз, кривые ножки. Он говорит: у тебя что, не кривые? Говорю: нет, и рост у меня 162 см, еще каблучок. Никак он меня не достанет. И он говорит: вас выслали. Я спрашиваю, за что нас выслали, Асланбек? – За то, что вы все предатели. Я говорю: Боже мой, да если бы война началась с вашей стороны, да видела бы я, как вы

---

[501] Маглинов А.Н.Страшно вспоминать этот период жизни // Мы - из высланных... С. 235.

бежали бы навстречу китайцам со своей кокардой. Дядя Гали услышал из соседней комнаты, зашел и сказал ему что-то по-казахски резкое. Асланбек встал, извинился и ушел. Больше он к нам никогда не приходил. Потом мне дядя сказал: знаешь, Сима, надо быть очень осторожной, ты же можешь отсюда домой не уехать. Я говорю – а пусть он не говорит, что мы все предатели[502].

Из-за репрессированного статуса, усиленного иной внешностью, калмыки чувствовали себя вне закона, знали, что многие правила и законы, гарантирующие права всех советских людей, на спецпереселенцев не распространяются.

Я помню, меня обидел один взрослый, водой, что ли, облил. Тогда я схватил кирпич и дал ему по башке. Меня боялись и считали, что я без тормозов. Я боялся жаловаться отцу, я понимал, что он обязательно выйдет меня защищать, а тогда он будет один взрослый против двадцати. Просто его убьют. Это сейчас можно говорить, что это страшно, а тогда… это была повседневность, обыденность. Любой человек мог убить калмыка, потому что он был вне закона. Кого убили? – А, калмыка. Или – ну зря ты так, надо было хоть живым оставить. Страх, установка не высовываться, не лезть, быть не на виду. Это Чехов выдавливал из себя раба, а из нас надо было кусками… Ты постоянно настороже. Тебя могут оскорбить везде, на улице, в школе, в магазине. А то отношение, что ты – "калмык – в жопу тык", узкоглазый[503].

Старик Зодбаев жил со старухой и дочерью-инвалидом. Местные жители прозвали его «Сто два», а калмыки называли его Зодва. Он сторожил местную лавку, в которой из товаров были только соль и хлеб, а их давали по талонам. Однажды Зодва исчез. Искали его несколько дней. Нашли только на третий день. Оказывается, местные ребята его закопали в глубоком снегу. Узнали об этом и откопали живым, но прожил он недолго[504].

Бабушке вспоминается один случай, когда пожилую женщину – калмычку избил председатель колхоза за никчемную

---

[502] ПМА. Польтеева С.Э. Москва. 2004.

[503] ПМА. Манджиев О.И., Москва, 2004.

[504] Джамбаев В.М. Через века в Калмыцких мысах // Мы - из высланных… С. 36.

провинность. Долго, жестоко бил палкой, пинал ногами. И некому (да и некуда) было пожаловаться на свою тяжелую жизнь[505].

И в криминальных ситуациях, и в обыденной жизни принадлежность к калмыкам означала – быть морально готовым к практикам исключения.

В четвертом классе кто-то сказал – у меня отец Герой Советского Союза. Учительница сказала – не может такого быть. Может, Герой соцтруда? Нет, Герой Советского Союза. – Не может такого быть. И когда узнали, что действительно, для многих это был шок. Как это – калмык может быть Героем Советского Союза[506].

Участвовал в перекрытии Оби, строил ГЭС. Пожал руку самому Никите Сергеевичу. Во время работы к нам часто приезжал секретарь обкома Новиков. Однажды нас сняли на кинохронику, но затем вырезали, потому что я калмык[507].

И взрослые, и дети везде чувствовали себя изгоями, свои национальные одежды, обряды, утварь далеко прятали и на своем языке даже взрослые редко разговаривали… В детстве я дружила с детьми – русскими и немцами, были латыши и эстонцы. Дети обзывали друг друга, хотя особой вражды, неприязни не было, но дети русской национальности всегда чувствовали свое превосходство[508].

За хорошую работу – за получение высоких урожаев меня представили к награде – ордену Ленина, но мне его так и не дали из-за того, что я калмык[509].

В 1953 г. я заканчивал десятый класс и претендовал на серебряную медаль. На последнем экзамене по немецкому языку я отвечаю уверенно, даю исчерпывающие ответы на дополнительные вопросы. Кажется, все. Вдруг представитель районо предлагает мне поговорить по-немецки, хотя такое в программе не предусмотрено. Я, естественно, несколько стушевался, в итоге мне поставили «четыре», лишив тем самым серебряной медали. Только потом я узнал, что представитель

[505] ППТП. Булукова М.
[506] ПМА. Манджиев О. Москва, 2004.
[507] ППТП. Кичиков С.
[508] ПМА – ДИШ. Мамонова В.Д.
[509] ПМА – ДИШ. Бадмаев Б.Г.

> районо выполнял установку, исходившую от спецкомендатуры: не допускать спецпереселенцев к медалям. А мои замечательные учителя противостоять этому не могли[510].
>
> Первый концерт в районном Доме культуры, где проходил первый послевоенный смотр художественной самодеятельности, наши дали при переполненном зале. Выступали полностью с национальной программой, песни, частушки исполнялись на калмыцком языке. Почти все номера проходили под возгласом «бис». И хотя на смотрах номера «на бис» не повторяются, танцоры вынуждены были выходить на сцену по два-три раза…
>
> Выступление самодеятельных артистов вызвало интерес не только в Хатангском районе, но и на всем Таймыре. Обойненцы принесли первое место Хатангскому рыбозаводу, честь которого защищали. Они оставили позади себя известные в районе коллективы воинской части, «Арктикснаба», авиаторов из отряда полярной авиации и аэропорта.
>
> Коллективу предстояло защитить честь района на окружном смотре в Дудинке. Вот тогда-то в верхах и заволновались. В их планы не входило демонстрировать на весь округ талантливость и жизнеспособность спецпереселенцев – калмыков. Но угасить их талант никаким запретом не могли. Не случайно и в последующие годы обойненцы с блеском выступали на районных смотрах[511].

Калмыки чувствовали себя изгоями и старались «искупить вину», как говорилось выше, сверхтрудолюбием, а также стремились не демонстрировать те элементы культуры, которые были этнически отличительны. Калмыцкие имена переделывалось на русские, и важным было сохранение первой заглавной буквы, а рожденные в Сибири дети в 99 % получали русские имена. Во многих случаях в метрике записывалось русское имя, но мать все-таки давала тайное, калмыцкое имя. В наши дни сибирские дети, – так стали называть калмыков, рожденных или проведших детство в условиях депортации, –

[510] Бембеев У.Э. «Спецпереселенец» - учиться в вузе запрещено // Мы - из высланных… С.122.

[511] Эрдни-Горяев Б.Э. Не всем суждено было вернуться // Годаев П. Боль памяти. С.151-152.

обычно объясняют свои русские имена случайным стечением обстоятельств, чаще всего благодарностью русской соседке, которая спасла от голодной смерти, или акушерке, которая приняла роды.

Возможна и другая причина, связанная с традицией давать «чужие» имена детям, особенно если были причины опасаться за жизнь ребенка. Обычно так делалось в старину, чтобы запутать злых духов, которые, если и придут за ребенком, то решат, что он не из этой семьи. Детская смертность, особенно в первые годы депортации, была высокой, поэтому эта причина вполне реальна.

Но не менее реально и желание родителей облегчить жизнь ребенка, которому предстояло «навечно» жить вдали от родины и каждый день объяснять семантику своего калмыцкого имени, встречать трудности с произношением и написанием в документах. Самое главное – нерусское имя вызывало сразу же вопрос: к какому народу принадлежит его носитель? Быть калмыком означало относиться к наказанному народу и, следовательно, быть готовым ответить на вопрос: а за что калмыков сослали? Приемлемого же ответа, который был бы правдой и с которым можно было бы согласиться калмыку, не было. Поэтому проще было дать ребенку имя, которое было бы привычным для большого общества. Однако и обращение к русскому имени не было механическим или однозначно вынужденным актом: как показывают устные истории, они выбирались тоже вдохновенно, но уже с ориентацией на историю и идеологию доминирующего общества.

> Мы выбирали имена русских князей – Петр и Олег и просто традиционное имя Тоня[512].
>
> Мой братишка умер, но затем родились сестренка и братишка. Назвали их Наташа и Саша. Имена им выбирала я, в

---

[512] ПМА – ДИШ. Дарбакова Г.У.

честь Героев Советского Союза Наташи Кочуевской и Александра Матросова [513].

У меня было калмыцкое имя Гоога Эльта, усвоенное в нашем селе и в ближних селах. То, что я еще и Павел, знали только в школе. А в Сибири я был для всех Павлом, Пашей. А дядя Кётяря стал Костей[514].

В депортации люди практически не имели возможности готовить калмыцкие блюда. Калмыцкая кухня была мясомолочной в своей основе, адекватно приспособленной к экстенсивному скотоводческому хозяйству. В местах выселения – иных экологических и хозяйственных условиях, – большая часть калмыцкого меню была бы невероятной роскошью, особенно это касается праздничных престижных блюд, требующих большого количества свежей баранины.

Но одно блюдо – калмыцкий чай, как говорилось выше, в который раз стало кризисной пищей калмыков, заменившей собой падаль, кризисную пищу первых лет выселения. Простое в приготовлении, оно имеет разные варианты и может напоминать и чай, и в некоторых случаях суп. Обычно калмыцкий чай варят, используя особый кирпичный чай. Но в тех экстремальных условиях люди использовали обычный рассыпной черный чай, а в его отсутствие – разные травы. На рынках военного и послевоенного времени калмыцкий чай был приманкой, на которую работники НКВД пытались ловить калмыков, без разрешения покинувших свой населенный пункт.

Однако в официальном дискурсе можно было запретить слово «калмык» и все калмыцкое, но вычеркнуть его из жизни было невозможно. Так, в 1948 г. У.А.Алексеев осторожно спросил в московском чайном магазине, нет ли «кирпичного чая». В ответ продавщица на весь магазин крикнула в другой отдел: «У тебя есть калмыцкий чай?» Так что народ официально был в забвении, а калмыцкий чай производился и

[513] ПМА – ДИШ. Баданов Б.Э.

[514] ПМА. Годаев П.О. Элиста. 2004.

продавался, и в 50-е гг. потребкооперация нашла калмыцкому чаю дорогу в Сибирь, в места поселений калмыков – к основным потребителям кирпичного чая[515].

Одним из почетных блюд калмыцкой кухни были *бёриги*. Это близкое русским пельменям блюдо, однако по форме они существенно отличались от русского аналога. В условиях депортации калмыки заменили бёриги на сибирские пельмени, и даже после возвращения на родину во многих семьях продолжали готовить именно пельмени.

Заметно выделяла калмычек от других женщин традиционная прическа замужней женщины – две косы, спрятанные в черные чехлы. Многие женщины были вынуждены коротко стричь волосы, потому что возможностей для ухода за длинными волосами не было. Все же многие пожилые женщины не могли отказаться от старинного обычая. На фотографиях семьи Джугниновых читатель может заметить как в 1947 г. женщина прячет косы под пиджаком, а в 1956 г., она уже не стесняется своей калмыцкой прически.

Депривация по этническому признаку закрепляла стремление к внутриэтническим бракам среди выселенных калмыков. В годы сталинизма иметь «врагом народа» брачного партнера автоматически означало готовность в любую минуту пойти на каторгу как супруг/а такого «врага». В те годы сталинское право имело особую статью для семей изменников родины, по которой наказывались невинные жены, мужья или дети только за то, что их родственник оказывался неугодным НКВД. Поэтому калмыки в целом не были желанными женихами и невестами для местного населения, особенно пока был жив Сталин. В условиях вынужденной экзогамии, как отмечалось выше, калмыку легче было жениться на калмычке, если в этом населенном пункте были девушки соответствующего возраста.

---

515 ПМА. Алексеева П.Э. Элиста. 2001.

Однако для парней и девушек экзогамия имела разные пределы. В условиях послевоенной нехватки мужчин образованные калмыки, особенно в прошлом боевые офицеры, могли заинтересовать молодых сибирячек. Этому способствовала и гендерная асимметрия: и калмычки, и сибирячки находились в более тяжелых условиях господствовавших норм сексуального поведения, нежели мужчины. Принудительная асексуальность советского времени запрещала женщинам телесные практики в сексуальной сфере до особого разрешения – регистрации брака, при этом одновременно запрещала аборты и строго осуждала матерей, решивших родить ребенка вне брака. Поэтому в отсутствие достаточного количества местных женихов мог сойти и калмык, брак с которым был лучше горького женского одиночества.

Иная ситуация сложилась с калмыцкими девушками. Если в этом населенном пункте не было холостого парня-калмыка, то девушка скорее оставалась «старой девой», потому что найти мужа среди сибиряков было практически невозможно. Одиноких мужчин было намного меньше женщин, статус репрессированной клеймил невесту и отпугивал женихов. Имела значение и внешность. Монголоидный фенотип среди подавляющего европеоидного населения не воспринимался как эстетически привлекательный, особенно в первые годы депортации.

Публичными маркерами этнической культуры, кроме языка и имени, были калмыцкие праздники. Там, где проживало более десятка семей в одном населенном пункте, люди продолжали отмечать калмыцкие календарные праздники: Зул – Новый год, с приходом которого калмыкам прибавлялся год, и Цаган Сар – Праздник весны. По воспоминаниям, это были скромные вечеринки: «ели картошку в мундире, пили чай из листьев яблони, и давай петь и танцевать». Однако многие говорили, что отмечали «только

советские праздники, а калмыцкие отмечали номинально, песен не пели и не танцевали»[516], потому что отмечать калмыцкие праздники «не приветствовалось, только после смерти Сталина было нам дано послабление в плане своих песен, танцев и праздников»[517].

> Калмыцкие праздники отмечали редко, иногда зажигали лампады и тайно молились. Угощений не было, веселья тоже не было[518].
>
> Зул и Цаган Сар мы справляли узким кругом, не афишировали[519].
>
> Сначала в нашем селе были две калмыцкие семьи, и калмыцкие праздники мы старались отмечать нешумно, тайком: варили калмыцкий чай, жарили борцики. Потом таких семей стало больше, и мы уже отмечали вместе, пели и танцевали[520].

Чем дольше калмыки жили и более адаптировались к местным условиям, тем проще им было отмечать калмыцкие праздники. Все-таки местным жителям, людям советской/русской культуры, не отреагировать на праздник трудно. А когда после войны «жить стало лучше, жить стало веселее», устоять перед соблазном погулять было трудно и местным жителям.

> В последние годы нас на Цаган Сар с работы отпускали. Местные жители вместе с нами ходили с хаты в хату, даже руководящий состав ходил. Каждый хозяин (калмык) варил мясо, находил самогон. Молодежь танцы устраивала, песни пели калмыцкие и русские[521].

Религия – тибетский буддизм заметно выделяла калмыков среди окружающего населения в Поволжье. Но культурный

---

516 ПМА – ДИШ. Улашкина Р.А. Элиста, 2002.
517 ПМА – ДИШ. Манжиева С.Г.
518 ПМА – ДИШ. Мамонова В.Д.
519 ПМА – ДИШ. Кензеева Е.П.
520 ПМА – ДИШ. Очирова Р.Е.
521 ПМА – ДИШ. Дертеев Б.О.

штурм и борьба с религией как опиумом для народа в 20-е и 30-е годы привели к разрушению храмов и исчезновению всего буддийского духовенства из публичной сферы. Еще до депортации калмыки старались не показывать на людях свою веру. Однако почти все, кто собирал вещи в дорогу, а не думал, что к вечеру их отпустят, брали с собой в ссылку буддийские тряпичные и бумажные иконы, статуэтки божеств, лампады. На местах выселения эти предметы прятались от постороннего глаза. Но люди молились, вера помогала в сложной жизненной ситуации, давала надежду на улучшение, примиряла с горем в наиболее приемлемой для утраты форме. Наиболее яркий маркер этнической культуры – религиозность строго ограничивалась приватной сферой.

За эти тринадцать лет многие устраивали свою судьбу, было сыграно немало свадеб. Однако калмыцкая свадьба с билокальным пиршеством вначале в доме невесты, затем в доме жениха, развернутым дарообменом, сложной предварительной системой сватовства и послесвадебных визитов сородичей и сватов, переодеванием невесты из девичьего платья в женское, заменой девичьей прически на женскую и многим другим в лучшем случае заменялась вечеринкой с танцами. Во многих случаях людям просто было не до того, и весь свадебный ритуал заменялся походом к фотографу, который и скреплял своей вспышкой и снимком создание новой семьи.

Как уже отмечалось выше, многие калмыки избегали пользоваться калмыцким языком на людях, особенно это относилось к детям и молодежи. Многие «сибирские» дети вспоминали, что домашним языком в их семье был русский, а калмыцким языком пользовались родители для своих разговоров. Известный в республике деятель культуры Клара Сельвина вспоминала, что до поступления в 1958 г. в театральный институт она ни слова, ни полслова по-калмыцки не знала. Многие калмыки, выросшие в Сибири, говорили на

родном языке уже не так свободно, как их родители, и бесспорно русский язык они использовали в своей жизни активнее.

> Я хорошо знал хантыйский, мансийский языки, русский, а с калмыцким было плохо. Помню, в 1956 г. я участвовал даже в олимпиаде народов Севера в Ленинграде[522].

Было стыдно говорить по-калмыцки, было опасно молиться на людях, было неразумно отмечать шумно калмыцкие праздники, было позорно быть калмыком. Все маркеры этничности как бы отступили в приватную сферу. Калмыцкая этничность оказалась запятнанной в первую очередь из-за факта репрессии на этнической основе, но стигма была много раз усилена иным фенотипом, иной религией, иным языком.

Однако при этой временной, но, как тогда казалось, вечной стигматизации этничности уникальным было сохранение калмыцкого танца в репертуаре ансамбля народного танца под руководством Игоря Моисеева. Мужской танец *ишкимдык* был поставлен хореографом Евой Марголис, женой калмыцкого поэта Санджи Каляева, вернувшейся в Москву после ареста мужа в 1937 г. и работавшей у Моисеева. С тех пор калмыцкий танец до последнего времени сохранялся в репертуаре ансамбля в том виде, в каком он был поставлен в конце 1930-х. Это было настолько невероятно, что народное сознание пыталось освоить мужественный поступок Моисеева с помощью мифа. Сохранилась легенда: как-то Сталин пришел на концерт ансамбля и в первом отделении посмотрел калмыцкий танец. В антракте он спросил у Моисеева: «Почему вы сохраняете этот номер, разве вы не знаете, что калмыки сосланы и слово «калмыцкий» запрещено?» – «Что же делать, Иосиф Виссарионович, ведь танец хороший?» – «Вот что,

---

522 Борликов Г.М. Знаки ранящих мгновений // Мы - из высланных ... С.247.

калмыки делятся между собой на торгутов и дербетов. Переименуйте этот номер и назовите его торгутским или дербетским».

Стигматизация способствовала консолидации этнической группы. Сибирь смешала всех калмыков и разбросала так, что при встрече уже не имело значения, кто из какого улуса происходит: все были одинаково бесправны. Именно тогда пришло осознание народного единства, которое в значительной мере ослабло по возвращении. Упрекая сегодня кого-то в местничестве, называемом в Калмыкии улусизмом, старики всегда ставят в пример сибирские годы, когда улусизм был преодолен.

> Беда всегда людей объединяет. Ссылка вдвойне сблизила калмыков. Все держались друг за друга. Никого в беде не оставляли[523].
>
> Вот случилась высылка, и вдруг калмыки стали объединяться. Я помню по Сибири, как друг к другу ездили через все посты, все знали, кто как где живет. Беда всех сравняла[524].
>
> Так как семья моего деда жила в городе Минусинске, многие земляки, приезжавшие по делам, переночевать шли к ним. Иногда негде было ступить, все полы были заняты спящими людьми. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде[525].

3.5. Поезда Памяти

В 1994 г. впервые был организован Поезд памяти «Калмыкия – с благодарностью сибирякам», который совершил тот же скорбный маршрут в Сибирь: Тюмень, Омск, Барнаул, Томск, Красноярск, Новосибирск. 15 ноября 1993 г. 324 человека поехали вновь посетить места, «где мой народ, к несчастью, был». Хотя инициатива снаряжения Поезда была местной, его

---

523 Джиляев М.М. Сибирская природа давала нам силы, вселяла надежду // Мы – из высланных ... С.62.

524 ПМА. Манджиев О. Москва. 2004.

525 ППТП. Сангаджиев О.

мероприятия были согласованы с крупными политиками и чиновниками Министерства по делам национальностей. Р.Абдулатипов, С.Шахрай и др. одобрили акцию, что облегчило организацию встречи в сибирских городах. Были выбраны крупные города – центры тех областей, в которых в годы депортации жили калмыки, хотя людей распределяли в сельскую местность и глухие уголки. Переселиться в города, особенно расположенные на узловых железнодорожных станциях, и найти там работу было труднее. Целью организаторов было не только выразить благодарность, но и показать, каких успехов достигли калмыки на своей родине, чтобы старожилы могли сравнить социальное продвижение бывших спецпереселенцев. Для этого в составе поезда ехали четыре творческих коллектива: ансамбль песни и танца «Тюльпан», народный ансамбль «Эрдем», камерный оркестр народных инструментов, группа актеров драматического театра. Многие пассажиры хотели посетить места своей молодости, встретиться с друзьями, при этом почти все надеялись совершить поминальные обряды по оставшимся в сибирской земле родственникам. Поэтому в состав участников был приглашен известный в республике Санджи-лама, с молитвы которого по внутреннему радио поезда начинался день.

Поехать поездом Памяти было непросто: желающих было гораздо больше, поэтому организаторы решили, что каждый населенный пункт республики будет представлять один человек, а для элистинцев был выделен один вагон. Получив разрешение медицинской комиссии, посланцы становились членами делегации.

Первый Поезд памяти шел с большим транспарантом на борту: «Калмыкия – с благодарностью сибирякам». Для этой акции СКЖД были выделены самые новые теплые вагоны и привлечена самая квалифицированная поездная бригада, работавшая на международной линии «Минеральные Воды -

Варшава». Расписание движения было составлено так, чтобы проходить большие расстояния без остановок. Кроме маршрута этот состав немного походил на предыдущий также тем, что в нем ехала охрана, в каждом вагоне выбирался старший, а также, не полагаясь полностью на организацию питания в поезде (может, помнилось, что в 1943 г. в вагонах плохо кормили?), был заготовлен запас продуктов. В отличие от составов полувековой давности охрана была предоставлена в интересах пассажиров, а вместо бесплатной баланды (один мешок, два ведра) пассажиров кормили два вагона-ресторана. Начиная с Урала люди все чаще стояли в коридорах у окон, поскольку стали проезжать узнаваемые таежные места. Началась работа скорби, люди стали зажигать поминальные лампадки в своих купе.

> В одном из тупиков мы увидели печально известный в нашем народе двухосный, зеленый вагон. Дай Бог, чтобы он оттуда никогда не выходил. Многие, в том числе и художники, путают его с четырехосным «пульмановским» вагоном. Вагоны, использовавшиеся для перевозки калмыков, – это примитивные, деревянные ящики на четырех колесах[526].

Так же, как и памятные эшелоны зимы 1943-44 гг., Поезд памяти отличался от других железнодорожных составов, его тоже называли специальным. В этом специальном составе ехали преимущественно пожилые люди восточного облика.

> Он приходил и уходил без обычного объявления по радио. Двери вагонов не открывались, люди не выходили, в окнах многих купе горели лампадки. К тому же на вагонах остались таблички с надписью «Минеральные Воды – Варшава». А если люди выходили на короткое время из вагонов, то отправляли незнакомый для сибиряков обряд поминовения, оставляя

526 Панькин А., Папуев В. Дорогой Памяти. С.27.

лампадки из теста, картофеля, продукты, деньги и уезжали дальше[527].

На станции каждого запланированного города Поезд встречали с хлебом-солью. Среди встречавших неизменно присутствовали представители администрации города, ответственные за встречу калмыков, как некогда председатели колхозов встречали сосланных. Таким образом Поезд Памяти стал новой редакцией сценария «эшелонов бесправия», переписанного в гуманном варианте, показывающей, как все изменилось к лучшему: и в стране, и у калмыков.

Эта акция была нужна и людям, и властям. Почему? Не потому ли, что память – не только хранитель текста коллективной идентичности, но, прежде всего, и редактор этого текста[528]. Поэтому, когда появилась возможность создания новых дискурсивных практик, руководители республики не упустили шанс направить энергию травмы в наиболее безопасное русло, создавая официальные оценки, приемлемые и для властей и для населения. Моральная терапия депортационной травмы, осуществленная акцией, оказалась очень эффективной. Это был настолько успешный опыт, что Поезд Памяти за эти годы четырежды отправлялся в места выселения.

Поезда Памяти типологически близки акциям движения «Редресс» американцев японского происхождения. Они также имели двух адресатов – большое общество и свою этническую общность. Калмыцкие Поезда были не только акциями выражения благодарности сибирякам как части большого общества за добро и сочувствие, но и психологической терапией собственно калмыцкого сообщества, которому необходимы были эти мобильные путешествия в прошлое, чтобы позитивно пережить и переоценить депортационный

---

[527] Там же. С.27.

[528] Сандомирская И. Указ. соч. С.265.

опыт. Желающих поехать с Поездами Памяти всегда было больше, чем поезд мог вместить.

> Осознание этой мудрой, щадящей сдержанности старших пришло во время поездки на Поезде Памяти зимой 1993 г. Сибирские заснеженные пейзажи, перестук колес на рельсах, поминальные обряды на старых кладбищах настраивали бывших ссыльных на откровения. Их свидетельства, рассказы сквозь слезы невозможно ни описать, ни забыть. Для тех, кто мог, наконец, излить свою боль, бросить на могилы близких горсть родной земли, это путешествие стало настоящим исцелением. В обратный путь в Калмыкию возвращались совершенно другие люди – духовно обновленные, повеселевшие, жизнерадостные. После той поездки стали другими и мы, представители нессыльного поколения[529].

Второй Поезд Памяти в мае 2001 г. поехал в Барнаул, и он уже был рассчитан на 450 человек. Третий Поезд Памяти назывался «Дети войны – дети Сибири», в мае 2002 г. он посетил города Омск, Барнаул, Новосибирск, Томск и Красноярск и состоял уже из двадцати железнодорожных вагонов. В эту поездку отправились 500 человек. Прежде всего – это дети репрессированных, родившиеся на сибирской земле.

> В воскресенье в Новосибирск из Калмыкии прибудет необычный поезд. Его пассажиры – дети тех, для кого в годы сталинских репрессий Сибирь стала вторым домом. От имени всего калмыцкого народа они передадут слова благодарности сибирякам, когда-то приютившим их родных, почтят память погибших, выполнят обряды поминовения. По памятным местам Поезд Памяти проследует уже в третий раз. В прошлом году представители Калмыкии установили в Сибири знаки памяти жертвам сталинских репрессий. На этот раз предполагается завершить архитектурное оформление комплексов, в частности, водрузить их на пьедесталы... Предваряя поездку, президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов высказал в адрес новосибирцев

529 Куменова Н. В ответе перед теми, кто не вернулся. ИК. 2003. 30 декабря.

> слова благодарности и глубокой признательности за тепло и гостеприимство, оказанные в прежние годы, а также за предоставленные возможности для выполнения миссии Поезда Памяти. Нынче по местам проживания калмыков в Сибири отправились 494 человека. В пути они уже с 20 мая. Завершить миссию и вернуться на родину участники поезда планируют к 10 июня[530].

Для людей, юность которых пришлась на те годы, место высылки стало родным, дорогим и даже «малой родиной». Врач М.Эренценов сказал на митинге «Поезда Памяти – 3» в Новосибирске:

> Не могу поверить, что снова нахожусь там, где бегал и играл в прятки... Здесь живут мои учителя и одноклассники. Я по духу сибиряк. Здесь я получил профессию. Это мой город. Есть калмыцкая пословица «Кто забывает прошлое, у того нет будущего». И мы приехали поклониться и поблагодарить[531].

На следующем митинге перед отправлением Поезда памяти – 4, следовавшего по маршруту: Элиста – Астрахань – Атырау – Аральск – Атырау – Элиста, один из элистинцев так сформулировал свои чувства:

> Мы отправляемся той же дорогой, что и наши родители. И если для них декабрь 1943-го, когда всех увозили в неизвестность, стал страшной датой в истории калмыцкого народа, то сегодня мы уезжаем в Страну детства и юности[532].

Во время визита делегации Поезда Памяти в Аральске местную экологическую трагедию – высыхание Арала стали связывать с отъездом калмыков после снятия режима спецпереселения. Будто бы как только ушло людское море по

---

530 Вечерний Новосибирск, 25 мая 2002 г.

531 Дорогой сибирского детства - 4. ИК. 2 июля 2002.

532 «Поезд памяти» свяжет прошлое и настоящее. ИК. 1 октября 2002.

воле власти, так же по воле сверху ушла вода из Аральского моря.

> О том, что Аральское море стало мелеть с отъездом калмыков, говорили многие. И считали доброй приметой возвращение бывших спецпереселенцев в места былого проживания. Верим, что ваш приезд благоприятно отразится на нашей жизни, говорили аральцы. Может, и море вернется[533].

Поезда Памяти совершили путешествия в прошлое и помогли многим людям позитивно переосмыслить травму депортации. Не случайно эти акции были не стационарными, а мобильными, связанными с дорогой в оба конца – в Сибирь и домой. Кстати, Поезда Памяти уже стали привычными, и многие жители республики уверены, что они совершают свои маршруты ежегодно. Один из многих знаков того, что депортационная травма пережита, – приводимый ниже текст из интернетского форума. Поезда памяти помогли переопределить историю депортации, увидев в прошлом немало позитивного, смириться с пережитым.

> Вопреки замыслам Правителей и Власти по депортации многих народов – "высланы навечно!", остатки депортированных вернулись на свои исконные земли предков. БЛАГОДАРЯ именно русскому народу, мы ВЫЖИЛИ! Вначале было непонимание "не надо нам врагов и изменников", потом появились жалость и сострадание, далее – помощь! Только благодаря "простому русскому народу" мы не вымерли окончательно. Осознание этого факта, для нас – калмыков (второе-третье поколение), пришло через воспитание от наших бабушек и мам. Они сами не озлобились, передали нам не обиды, горести и страдания, а именно благодарность русским женщинам, которые как могли, помогли выжить нам, сами ведь жили впроголодь в войну и послевоенные годы! Такое не забывается, важно нашим детям передать и сохранить это народное единство, а не противостояние и озлобленность. Именно поэтому в Калмыкии

533 Без нас мелеет Аральское море. ИК. 9 октября 2002.

нет национального противостояния. Мы помним доброту. В этом наш калмыцкий менталитет "чти предков, помни радости, не опозорь свой род, будь благодарен и уважителен к старшим, будь гостеприимным и т.д.". Каждое лето из Калмыкии отправляются Поезда Памяти в Сибирь, на Север и Казахстан не только почтить Память погибших калмыков в ссылке, но и сказать СПАСИБО русским, казахам, что помогли нам выжить[534].

3.6. Память в третьем поколении

В процессе освоения депортационной травмы ключевым понятием является принадлежность к поколению: к первому, имеющему личный сибирский опыт, второму – их детям или к третьему поколению – внукам спецпереселенцев. Для трех поколений характерны различные подходы к этой проблеме.

С конца 1980-х гг. проснувшаяся коллективная память стремилась освободиться от вытесняемых внутренних переживаний и проговорить свою боль вслух. Сочетание семейных рассказов стариков и государственной политики памяти имело результатом то, что третье поколение калмыков знает о депортации больше, нежели их родители. Большую роль в этом процессе узнавания истории своего народа и процессом этнической идентификации молодежи сыграли школа и Уроки Памяти, проводимые каждый год 28 декабря в каждом классе каждой школы. Существенную лепту внесли телевидение и республиканская печать, мобилизованные на освещение истории депортации.

В такой атмосфере старики высвобождали свои воспоминания. Однако второе поколение, к которому я отношусь, выросшее в незнании или очень сдержанном отношении к теме депортации, зачастую знает о ней гораздо

---

534 http://forum.buhpravda.ru/showthread.php?s=e0d6d8ff1aae24be8ce87409e576647a&threadid=486&perpage

меньше следующего поколения. Как показывает опыт, исторические представления у людей закладываются в школьные годы. То, что написано в учебниках истории об Иване Грозном или о II съезде РСДПб, остается в сознании как образовательный стандарт, так же, как и дважды два. Политические режимы меняются, уже давно нет СССР, а дважды два – все равно четыре... В то же время исторические события, которые не упомянуты в школьном курсе истории, остаются в сознании не такими важными, как те, которым посвящены параграфы школьного учебника. Как будто знания о таких событиях не являются необходимыми, а всего лишь факультативными – только для тех, кто интересуется.

Во втором поколении особый интерес к теме депортации имеют те, у кого есть профессиональная потребность в разработке этой истории: педагоги, журналисты, научная и творческая интеллигенции. Интерес большей части представителей второй генерации ограничивается семейной историей.

Третье поколение информировано об исторической травме лучше, чем их родители. Они выросли в обществе, которое только открыло тему депортации для публичного обсуждения и активно осваивало ее. Не случайно молодые люди неплохо знают не только депортационные судьбы своих семей, но и общий социально-политический контекст страны того периода. Как показывают тексты школьных сочинений, современные подростки знакомы с основной литературой по истории депортации, многие читали произведения Солженицына и Шаламова. Молодежь воспринимает депортацию как событие личной биографии, имеет к ней свое эмоциональное отношение. Устные рассказы о депортации приобретают особенное звучание, когда передаются в семейном кругу, потому что исчезает пафос и общие слова, но остаются родные имена, щемящие детали. Место выученной истории занимает живая память.

Именно такие беседы легли в основу школьных сочинений, ставших материалом для анализа в моем исследовательском проекте «Память третьего поколения». Было проанализировано сто сочинений, написанных старшеклассниками Элистинского лицея в 1993-2004 гг.

В них отражены подлинные семейные истории, услышанные из первых уст. Они позволяют сохраниться таким редким подробностям, которые рассказчику могли бы показаться ценными только для причастных лиц. Бесхитростно описанные детьми такие детали становятся яркими свидетелями истории, красноречивыми, как гора пинеток в Бухенвальде.

> Она запомнила только желтые носочки и красивое платье мамы.
>
> Когда умер братик, девочка только обрадовалась, что яйцо теперь можно съесть.
>
> В вагоне очень хотелось пить, и они с сестрой по очереди обсасывали обледенелый гвоздь, торчащий в стене.

Многоголосие сочинений складывается в один текст. Этот текст – не только история депортации, какой она представляется современной молодежи, но история калмыцкого народа, в которой отразились важные для народа ценности: семья, родня, степь, животные, песни. Казалось бы, современные дети, выросшие в городской семье, для которых работа с компьютером ближе экзотики общения с лошадьми или овцами, должны иметь свои, соответствующие эпохе и среде нарративы. Но, видимо, тема депортации в их сознании настолько исторична, прочно увязана со старым укладом, преимущественно доиндустриальным, что от него остались ассоциации с указанными символами калмыцкой этничности.

Совокупность устных рассказов очевидцев лицеистка назвала «Большой книгой депортации». Память о депортации – травматическая. Так же, как и первое поколение –

депортированные калмыки и их дети, современные школьники, транслируя рассказы старших, фиксируют внимание на наиболее драматических страницах. В совокупном тексте можно выделить следующие опорные даты: 28 декабря (один день), дорога (две недели), период начальной адаптации (три-четыре года), адаптация (десять лет). Чем травматичнее и концентрированнее события, чем более обострены чувства, тем дольше они удерживаются в памяти. Поэтому большая часть рассказов посвящена дню выселения и дороге.

Многие сочинения, основанные на биографическом интервью, начинаются в третьем лице, а продолжаются в первом. Современное поколение идентифицирует себя с теми, кто был выслан. Дети также почувствовали себя частью коллективного репрессированного «Мы», ставшего неотделимым от общей судьбы народа.

Становление этнической и гражданской идентичности у этого поколения совпало со становлением Республики Калмыкия как одного из субъектов современной Российской Федерации. Школьники были свидетелями небывалой общественной активности в республике в начале 1990-х, запомнили первые выборы президента РК, торжественные инаугурации, утверждение гимна, флага и герба РК в 1993 г. Становление новой калмыцкой государственности происходило на их глазах. Этот же период сопровождался переопределением истории, в которой основной фокус был направлен на депортацию калмыков. Они должны были неминуемо усвоить из СМИ, что быть калмыком означает относиться к народу, который был выслан в 1943 г. Осознать свою этническую идентичность означало принять и депортацию как часть недавней истории народа. Поэтому в отличие от своих дедов они считают своей родиной Калмыкию и в знак признания пишут Родина с большой буквы.

> А мои родители относятся к тому поколению, которое в наше время называют «сибиряками». Они родились в Сибири. Какая ни есть, но это была их родина. А о настоящей Родине, о Калмыкии, они знали только по рассказам родителей. Они рассказывали своим детям о тюльпанах, о больших арбузах, о раздольной степи[535].

Процесс идентификации происходил нелегко. Он требовал привлечения не только общественных сил – СМИ, школы и науки, но и семейных историй. Однако старшее поколение не так просто возвращалось к своему прошлому и не всегда желало рассказывать внукам о своей жизни в Сибири. Третьему поколению было непросто получить рассказы о Сибири от своих родственников.

> Что с нами сделали? Что мы делаем с собой? Настоящее и прошлое соединяет только тонкая нить воспоминаний. Порой они жизненно важны. Эту нить необходимо сохранить, потому что покидают нас последние свидетели тех злосчастных дней.
>
> Не любит она вспоминать об этом, все как-то отмалчивается со смущенной улыбкой, когда начинаешь расспрашивать. На лице улыбка, а в глазах – боль. Боль, прошедшая пятьдесят лет и глубоко осевшая в сердце. И я вижу, я чувствую эту боль, но если сам не спрошу, не узнаю, об этом мне никто не расскажет[536].
>
> Когда я попросила маму рассказать о том, что она помнит об этих страшных годах, она согласилась. Я видела, что она пыталась скрыть волнение, но это ей не очень удалось, и мне даже стало как-то не по себе, пожалела, что спросила[537].

В то же время история депортации относится молодыми людьми к давно прошедшей эпохе сталинизма, к истории СССР, страны, которой уже нет. Так, в рассмотренных сочинениях имя Сталина редко называется напрямую. Оно стало символом беззакония, символом государственного террора. Дети чаще использовали иносказания типа «человек, стоящий во главе

---

[535] ППТП. Нюденова Б.

[536] ППТП. Шараев А.

[537] ППТП. Эрдниева Б.

государства». «Почему так получилось: один человек решил, а другие подчинились!». Связано ли это с калмыцкой традицией табуации имени хана или с христианским правилом не поминать дьявола?

Советский штамп «враги народа» используется то в прямом, то в иносказательном смысле. «Врагами народа» именуются то кулаки, то калмыки, но назван так, – и нам как будто заново открывается смысл этого выражения, – тот, кто выселяет народы, и есть враг народа.

Некоторые авторы сочинений чтобы лучше показать тяжелую повседневность ссылки и обреченность мирных людей, в которых государство увидело своих врагов, подсознательно используют грамматические конструкции, лучше передащие субъектность народа. Например, они используют глаголы в форме, которую я бы назвала «неизбежное будущее время».

> Предчувствие чего-то страшного, нереального не обманет мать моей бабушки, когда умрет от голода и холода Аркашка, когда будут отдирать от холодного пола вагона труп ее брата, когда люди, точно мухи, будут падать со вторых полок замертво, на головы сидящих внизу и когда она с ужасом увидит, что половина людей в вагоне уже не спит и не шевелится…
>
> Затем их погонят, точно скот, в спецпомещение, которое с трудом можно так назвать. На следующий день за ними придут несколько человек в военной форме и заберут работать на рудник еще стоявших на ногах мужчин. И так изо дня в день постепенно калмыки переживут зиму, начнется весна, опять зима и так 13 лет [538].

Один из основных вопросов при обсуждении депортации калмыков, который долгое время не был вербализован, – можно ли считать ее геноцидом? Что является основным критерием в определении геноцида – количество жертв, процент погибших или основания, по которым гибли люди? Мне

---

538 ППТП. Санджиев Э.

приходилось слышать, что депортация калмыков, как и другие сталинские депортации на этнической основе, не может быть квалифицирована как геноцид, поскольку калмыки, чеченцы, ингуши в отличие от евреев во время Холокоста имели шанс выжить. Люди, придерживающиеся этого мнения, полагают, что депортация калмыков – большая трагедия, но все же ее масштабы не так чудовищны, чтобы называть ее геноцидом. Это, конечно, мнение некалмыков. Калмыки же в начале 90-х, когда о депортации заговорили, без сомнения квалифицировали ее геноцидом. Часто народы, пережившие геноцид, не замечают чужие геноциды, концентрируясь на своей трагедии. Однако, изучая свою горькую историю, нельзя забывать о таких же событиях в жизни других народов. И мериться геноцидами вряд ли нравственно.

Красноречивым аргументом в этом споре является грустная статистика семейных рассказов.

> Сто пятьдесят человек было завезено в то село – к весне осталось пятьдесят.
>
> Бюри осталась в живых одна из одиннадцати детей.
>
> Выжил один из девяти сыновей.
>
> В Сибири бабушка потеряла десять братьев и сестру.
>
> Моя бабушка – единственная выжившая девочка в семье, кроме нее было еще три сына, а всего девять детей. Никто не знает, как их звали.
>
> У нее было семь детей, выжило только двое: мой дед и дед Евдоким.
>
> В вагоны для скота погрузили по сорок человек. По прибытии осталось двадцать четыре человека.
>
> Из этой группы, уехавшей на Север, человек сорок, в живых остался лишь один парень.

Школьники Элисты, опираясь на документы ООН, уверены, что депортация калмыков была геноцидом.

> Геноцид – это политика уничтожения отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Они в равной степени ужасны по своим масштабам и по последствиям. Геноцид – это борьба не за победу, а за истребление. Амбиции главарей двух могущественных государств, сознательно подписывавших смертный приговор целым народам, погубили миллионы людей.

Современные школьники эпохи Интернета не могут осознавать историю народа в отрыве от всей отечественной и всеобщей истории. Некоторые школьники сравнивали труд заключенных в Широклаге с рабским трудом в нацистском концлагере. Не зная работ Ханны Арендт, они интуитивно приходят к знаменитому положению об одинаковой тоталитарной сущности разных на первый взгляд политических режимов Сталина и Гитлера.

> Думаю, что вина за все случившееся лежит на всех советских людях. У многих немцев есть «комплекс Гитлера», а из наших мало кто испытывает чувство вины за прошлое[539].

В приведенных цитатах руководители государств названы *главарями*, подсознательно автор акцентирует внеправовую природу политических режимов сталинизма и гитлеризма. Здесь же ставится вопрос об ответственности народа за деяния своих лидеров и формулируется вопрос об общественном покаянии.

Не менее красноречивы описки. Особенно такая: Указ Президиума Верховного Совета о *ликвидации калмыцкого народа.* Детские уста глаголили истину: условия депортации были такими, что ликвидация государственности вполне могла привести к ликвидации народа, потому что *человека можно убить штыком, пулей, но можно и погубить массу людей просто так, выгнав их из родных мест*... Арслан Басанов написал *взошли на вагоны*. Современный читатель привык, что в вагон

539 ПРТП. Санджиев А.

заходят, но в вагонах для перевозки скота порог был высокий, и в него надо было взбираться. Примененное из нашего сегодня слово *взошли* приравнивает вагон к эшафоту, к орудию смерти. Зная, сколько людей погибло в дороге, подсознание подсказывает глагол, который квалифицирует вагон как транспорт смерти.

Не случайна и такая описка: в 1957 г. *репрессированные были реабилитированы*. Разрешение на выезд на родину неумудренные в юридической казуистике дети воспринимают как реабилитацию. Им кажется, что наказали – выселили, простили – вернули. Но многие старшие жители республики как раз недовольны современной формулировкой проблемы, и вместо, по их словам, *амнистии* они жаждут Указа о полной реабилитации, включая территориальную.

В целом депортация калмыков как всенародная трагедия уже освоена сознанием, пережита и отнесена к прошлому. Этот период оценивается как испытание народа на крепость духа, на верность родине. Несмотря на демографические и культурные утраты тех лет, Сибирь воспринимается не как сплошная черная полоса, а как отрезок жизни народа, в котором было много плохого, но и немало хорошего.

> Безусловно, это черные страницы в истории нашего народа. Страшные годы ссылки, депортация навсегда «врезались» в нашу историческую память. Однако даже в самом ужасном, плохом, страшном всегда интересно найти что-нибудь полезное, хорошее. Может быть, было хоть что-нибудь светлое, какие-то радостные мгновения, которые запомнились людям, которые это пережили. Я вовсе не хочу приукрасить, оправдать это страшное событие. Но все-таки нужно научиться видеть все не только в черном свете, а находить и белые, светлые пятна. Тогда наши знания, понимание будут более обширными, объективными[540].

Память о депортации, на взгляд учеников, выходит за пределы истории калмыцкого народа, и становится частью

[540] ПТПП. Эняева.Э.

истории человечества наряду с геноцидом в Руанде и в Тибете. Если старшее поколение говорило о ценности каждого народа, то современные дети уверены в ценности каждого человека.

> Сталина уже давно нет, а его дела еще живут и, наверное, еще нескоро исчезнут. Но несмотря ни на что надо помнить о них, о том ужасе, страданиях, причиненных людям, чтобы этого больше не повторялось никогда, чтобы человечество больше не имело такого опыта. Ведь все зависит от нас. Почему человек, рожденный, чтобы жить, должен умирать только потому, что у него не такой цвет кожи, не такая форма глаз или носа? В чем виновен он? Да ни в чем. И давайте беречь каждого человека с его неповторимостью, ведь больше такого шанса у него не будет никогда[541].

[541] ППТП. Чурюмова Л.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Депортация калмыков в антропологическом отношении началась с момента, когда калмыки были исключены вначале из советского общества и почти сразу же – из человеческого сообщества. Это зафиксировано в воспоминаниях множеством слов, например: скотские вагоны, скотская еда, нечеловеческие условия, околевшие трупы. «Привезли нас, мы сидели молча, озираясь, как звереныши в зоопарке... Жили в первую зиму в конюшне… Они устроились в амбаре для домашних животных… Люди, точно мухи, будут падать со вторых полок замертво... Жили в первую зиму в конюшне… Даже мышей с крысами там уже не было, да и не могло быть – уж очень холодно было там… Тебя осматривают как какой-то скот... Если подыхала лошадь, ели мясо… Отец Батра Манджиевича, уйдя в лес за дровами, вскоре был найден околевшим… Ее, такую страшную дикарку, увидели дети и погнали по селу, как собачонку, с улюлюканьем... Местные подростки с огромными дворняжками ради забавы устраивали облаву на изголодавшихся людей...». Слово «людоеды» должно было закрепить практики исключения из человеческого ряда. И первые шаги в адаптации калмыков на новых местах начались, когда «сибиряки увидели в нас людей».

Депортация была настолько существенной для этнокультурного облика калмыцкого народа, который так или иначе становился иным в связи с этим событиям, что ее временные границы стали основными рубежами в процессе изменения этничности. Гражданская война послужила рубежом смены приоритета примордиальных идентичностей классовыми. Это был период стремительной и часто вынужденной модернизации: смена традиционного хозяйства –

кочевого экстенсивного скотоводства, на стационарное повлекла за собой отказ от мобильного поселения и жилища – хотона и юрты. В этот период началась консолидация калмыцкого народа: терские и оренбургские калмыки были переселены в образованную автономную область/республику. Появившаяся столица Элиста привлекала население из разных улусов.

Люди учились жить в землянках и домах, в поселках и селах. Замена «Ясного письма», которым пользовались калмыки с XVII века, сначала на латиницу, а спустя несколько лет на кириллицу сделала недоступной старописьменную литературу. Борьба с религией, уничтожение буддийских храмов, преследования священнослужителей заставили людей строить жизнь без этого ранее важного института. В то же время доктрина равных прав человека по рождению независимо от пола и происхождения существенно поменяла ориентиры в социальной организации общества. Это было время создания калмыцкой прессы, современного издательского дела, профессионального театра, системы среднего и высшего образования по европейской модели и появления новой творческой и административной элиты. Новая идеология потребовала переоценок прошлого, которое презентировалось как классовый и национальный гнет, как «бесконечная цепь страданий». Русский язык стал активно входить в общественную жизнь, но в приватной сфере языком общения оставался калмыцкий язык. Репрессии священников, аристократов, кулачества, белоэмигрантов-репатриантов, неугодных партийных и государственных деятелей, писателей и других «врагов народа» не прекращались. Исход части народа с отступившими оккупантами показал, что процесс формирования новых идентичностей не был завершен, гражданское самосознание находилось в становлении.

28 декабря 1943 г. калмыки были высланы в Омскую, Томскую, Новосибирскую области, Алтайский край, затем в

Казахстан, Салехард, на Таймыр. Это дисперсное расселение в регионы иной экологии, хозяйственной традиции, вероисповедания при отличительном фенотипе наряду с депривацией и обвинениями в измене родине ставили людей вне социума. Чтобы выжить, а затем войти в местное сообщество, калмыкам надо было освоить русский язык, приобрести новые хозяйственные навыки, а все этнически окрашенные стороны жизни ограничить приватной сферой. Этноним «калмык» был запрещен в общественном дискурсе. Этничность приобретала стигматизированный характер. Стигматизированная этничность в сочетании с иным, нежели в доминирующем сообществе, фенотипом побуждала этническую группу во время депривации, а также и в посттравматический период отказываться от наиболее ярких маркеров этнической культуры: личных имен, языка общения, демонстративной религиозности и народных праздников.

Калмыки, оказавшись в тяжелых условиях выживания перед угрозой физического или культурного исчезновения, должны были адаптироваться к новым условиям и выработать механизмы выживания. Несмотря на признанную многими исследователями за женщиной консервативную природу, представляется, что в экстремальных условиях она может быть менее консервативной, нежели мужчина, если это связано с наиболее важными жизненными вопросами. Одним из таких механизмов выживания в годы депортации у калмыков стал пересмотр гендерных отношений, который позволил калмыцкой женщине сделать многое для спасения народа. В результате длительной депривации изменились гендерные роли, и женщина приобрела равные права и равный статус в семье и в сообществе, изменилась норма поведения и восприятие мужчин, а также восприятие мужчинами женщин. Именно экстремальные условия и депривационный статус калмыцкого народа стали основанием для изменения гендерных стратегий.

Ключевую роль в восприятии травмы играла религия. Буддистская этика направляла поиск виноватых вовнутрь группы, учила не множить зло обидой, что благотворно отражалось на реабилитационном процессе, который, тем не менее, нуждался в специальных акциях, направленных на позитивное переживание травмы.

Исследование показало, как за драмой вынужденного перемещения могут стоять позитивные процессы приобретения нового опыта. Например, можно говорить о консолидации как одном из следствий депортации. До декабря 1943 г. административно-территориальное деление республики строилась по улусной модели, в основе которой лежали этнотерриториальные различия. Имеющие множество идентичностей родового или этнотерриториального порядка (род, кость, хотон, аймак, улус, станица и др.), калмыки до ликвидации республики жили согласно дореволюционному административному районированию, основанному на этих различиях. Дисперсность расселения в Сибири и общность экстремального опыта привели к тому, что этническая идентичность стала доминировать над локальными формами самосознания. Основной уровень идентичности отражался словом «калмык». Эта же тенденция была отмечена в этнографической литературе о депортации чеченцев, чья идентичность в годы репрессий также укрепилась «от противного»[542].

После восстановления государственности в республике начался процесс активной хозяйственной и культурной реконструкции. Однако новое административное районирование территории было изменено и уже в меньшей степени увязывалось с прежним улусно-аймачным принципом. Два больших района, где проживали торгуты, остались в Астраханской области, в Ростовской области остался Калмыцкий район, где ранее жили донские калмыки. Русский

---

[542] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С. 83.

язык активно вошел в общественную сферу, где стал доминировать, а с 1970-х гг. – и в семье. Сибирские дети, для которых калмыцкий язык был материнским, но с семи лет основным языком общения становился русский, уже со своими детьми везде говорили по-русски. Среднее и высшее образование велось на русском языке, калмыцкий язык не давал мотивации к изучению и преподавался так же формально, как и иностранный язык в закрытой стране. Общество в целом стало атеистическим, календарные праздники воспринимались как пережитки в религиозной сфере. Так же, как и многие американцы японского происхождения третьего поколения (сансеи), калмыки при советской власти отходили от традиций этнической группы и предпочитали стандарты большого общества. Это было во многом следствием депортационного периода.

В постсоветской Калмыкии произошли существенные изменения в самосознании и культуре народа. Создание новой формы государственности в 1993 г., введение поста президента РК, создание парламента (хурала) вызвали к жизни поиски другого, отличного от советского, образа народа и репрезентации этого образа для внешнего мира, переписывание и переосмысление своей истории, отношение к проблеме памяти как к проблеме социальной власти. Вместо образа народа-предателя стал развиваться образ народа-страдальца. Память о депортации становится одним из определяющих самосознание калмыцкого народа факторов, независимо от того, артикулируется травма или нет.

Исторический опыт является главным для идентичности калмыков России. Так, основным маркером взаиморазличения калмыков России от, например, самой крупной диаспорной группы – калмыков США являются депортация для одних и эмиграция для других. Этничность трансформируется и реконструируется через реинтерпретацию прошлого опыта в социальном контексте.

Помнить нельзя, забыть! – Так считало первое поколение спецпереселенцев, и забвенье длилось, пока не кончилась эпоха застоя. Для калмыков эта эпоха закончилась, когда заговорили о депортации публично и вне жестких партийных регламентаций. В новом дискурсе оказалось, что не калмыки были виноваты перед государством, а наоборот – государство было виновато перед народом.

Помнить, нельзя забыть! – Было решено после перестройки, и началось активное усвоение депортационной травмы, пошла работа скорби и работа памяти. Выплеснув травматические воспоминания, люди избавились от комплекса неполноценности, который незримо присутствовал в сознании, они почувствовали себя полноправными гражданами своей страны.

Опубликованные воспоминания о депортации стали перезаписью памяти, Поезда Памяти – опытом позитивного переживания трагического события, принесшим катарсис не только участникам акций, но благодаря широкому освещению СМИ всему народу.

Усвоение интериоризованного исторического переживания продолжается, но, как показывают сочинения школьников, его пределы очерчены, пространство для драматизации прошлого ограниченно. Драматическая история в течение десятилетия была центральной для исторического воображаемого, усвоение травмы открывает перспективу ее рутинизации.

Эта книга – первая попытка антропологического исследования депортации калмыков, темы, безусловно, имеющей богатую исследовательскую перспективу. На мой взгляд, важно было бы изучить формы протеста калмыков против репрессированного статуса, биографии калмыков, которые избежали депортации, но должны были скрывать свою этническую принадлежность, и конечно, нужны компаративные исследования того, как разные наказанные

народы в СССР переживали стигму этничности и как они лечат свои депортационные раны.

Библиография

Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. М.1991. http://www.hro.org/editions/karta/nr9/avt0.htm

Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб.: Ювента. 2003.

Бакаев П.Д. О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: Джангар. 2003.

Бакаев П.Д. Размышления о геноциде. Элиста: Джангар. 1992.

Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII вв. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста: Джангар.1992.

Бимбаев М.Т., Гучинов М.И., Заднепрук А.И., Заярный А.С., Илишкин Н.У. В годы суровых испытаний. Боевой путь 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1981.

Борисенко И.В, Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: Джангар.1998.

Бугай Н.Ф. Депортация народов в Советском Союзе. Нью-Йорк. 1996.

Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: Джангар. 1991.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: Инсан. 1998.

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп. 1994.

Бутовская М.Л., Гучинова Э.Б. Мужчина и женщина в современной Калмыкии: традиционные гендерные стереотипы и реальность // Гендерные проблемы в этнографии. М.: ИЭА.1998.

В боях за Северный Кавказ. Воспоминания воинов 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1973.

В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1976.

Викторин В.М. Калмыцкий этнический ареал в Нижнем Поволжье и проблема реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука. 1994.

Вклад трудящихся Калмыкии в победу над фашистской Германией. Сб. научных трудов. Элиста: Джангар.1999.

Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3.

Гилязов И. На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань: Издательство Казанского университета. 1998.

Годаев П. Боль памяти. Элиста: Джангар.1999.

Гулиев М.О. Этническое самосознание балкарцев в период их насильственного выселения и его отображение в современной национальной поэзии (на примере творчества К.Кулиева) // Национальные отношения и межнациональные конфликты. Владикавказ. 1997.

Гучинова Э.-Б.М. Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии. СПб.: Алетейя. 2003.

Гучинова Э.-Б.М. Улица «Kalmyk roud». История, культура и идентичности калмыцкой общины США. СПб.: Алетейя. 2004.

Депортации народов СССР (1930-е -1950-е годы). Вып. 12. Часть 1. Документальные источники. М. ИЭА. 1992.

Дробязко С., Каращук А. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. Военно-историческая серия «Солдатъ». Униформа. Вооружение. Организация. М.: Астрель. 2001.

Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951 годы // История СССР. М. 1990. №4.

Земсков В.Н. Массовые освобождения спецпереселенцев и ссыльных в 1954-1956 годы // Социологические исследования. 1991. № 1.

Земсков В.Н. Спецпереселенцы (1930-1959) // Население России в 20-50-х гг.: численность, потери, миграция. Сб. научных трудов. М. 1994.

Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1992. №11.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. М.: Наука. 2003.

Ибрагимбейли Х.М. Необоснованные построения // Вопросы истории. №2. 1989.

Ибрагимбейли Х.М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. №1. 1989.

Иванов М.П. Годы ссылки: воспоминания и мысли. Элиста: Джангар. 1997.

Илюмжинов К.Н., Максимов К.Н. Калмыкия на рубеже веков. Исследование истории калмыцкого народа. М.1997.

Илюмжинов Н.Д. Предки, факты, время. Элиста: АПП «Джангар». 1997.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…» Документы, факты, комментарии. М.:1992.

Истоков Б. Калмыцкое право и трагедия маленького народа. Нью-Йорк. 1952.

Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М.: Посев. 1994.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сб. документов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1966.

Калмыкия в истории СССР. Пособие для изучающих историю родного края. Элиста. Калмыцкое книжное издательство. 1968.

Калмыкия. Этнополитическая панорама. Т.1. Под ред. Гучиновой Э.-Б.М., Комаровой Г.А. М.: ИЭА.1995.

Калмыкия. Этнополитическая панорама. Т.2. Под ред. Гучиновой Э.-Б.М., Комаровой Г.А. М.: ИЭА.1996.

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Вопросы истории. 2001. №7.

Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1970.

Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было. Сборник документов и материалов. Т.1. Кн. 1. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 1993.

Книга памяти ссылки калмыков: как это было. Высланы... Оставлены навечно. Поименный список. Т.2. Кн.1-3. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 1993-1998.

Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Широкстрой: Широклаг. Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участвовавших в строительстве Широковской ГЭС. Т.3. Кн.2. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 1994.

Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990-1992. Документы и материалы. М. ИЭА. 1993.

Котов В.И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выборы пути национального развития. Майкоп. 1994.

Кромиади К. За землю, за волю. На путях русской освободительной борьбы. Сан-Франциско. 1980.

Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941-1942) // Свободная мысль. 1993. № 14.

Ленкова М. История Калмыкии XX века в современной историографии. Элиста: Джангар. 2001.

Максимов К.Н. Развитие советской национальной государственности. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1981.

«Мусульманская плаха» для России. Публикация В.П.Ямпольского // Военно-исторический журнал.1996. № 5.

Мы – из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943-1957 гг.). Элиста: Джангар. 2003.

Наминов-Бурхинов Д. Борьба за гражданские права калмыцкого народа. Элиста: Джангар. 1997.

Народы Калмыкии: перспективы социокультурного и этнического развития. Сборник научных трудов. Элиста: Джангар. 2000.

Народы Калмыкии: современные социокультурные и этнические процессы. Элиста: Джангар.1997.

Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк.1978.

Номинханов Д.Ц.-Д. В семье единой. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1967.

Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. №2.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука. 1967.

Очиров У.Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР // Великая Отечественная война: события, люди, история. Сб. научных статей. Элиста: Джангар. 2001.

Паин Э.А. Возвращение (о репатриации депортированных народов) // Социологические исследования. 1990. №12.

Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. Элиста: Джангар. 1994.

Подвиг ратный, подвиг трудовой. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1968.

Политические репрессии в Калмыкии в 20-40-е гг. XX века. Отв. ред. Максимов К.Н., Очирова Н.Г. Элиста: Джангар. 2003.

Поль М. «Неужели эти земли нашей могилой станут?» Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944-1957 гг.) // Диаспоры. 2002. №2.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал. 2001.

Полян П.. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: Росспэн. 2002.

Проблемы отечественной и всеобщей истории. Элиста: Джангар.1998.

Реабилитация народов и граждан. 1954-1994. М.: ИЭА.1994.

Репрессированные народы: история и современность. Материалы Российской научно-практической конференции. Элиста: Джангар.1992.

Репрессированные народы: История и современность. Материалы Российской научно-практической конференции. Нальчик.1994.

Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы депортации. Тезисы Всероссийской научной конференции. Элиста: Джангар. 1993.

Рошин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: ИЭА.1993.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Росспэн. 2000.

Стецовский Ю. История советских репрессий. В 2-х томах. М. 1997.

Так это было. Национальные репрессии в СССР.1919 – 1952 годы. В 3-х томах. Составитель, редактор и автор комментариев С.Алиева. М.1993.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М.: Наука. 2001.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. Наука. 2003.

Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж: Имка-пресс. 1988.

Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943-1957 гг. Элиста: Санан.1991.

Устная история и биография. Женский взгляд. М.: Невский простор. 2004.

Хатаев А. Эшелон бесправия. М.: Иоланта. 1997.

Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш: белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Посев. 2001.

Чубарьян А.О. Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию Победы. М.: Наука. 1995.

Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Росспэн. 2003.

Эрдниев У.Э. Калмыки (историко-этнографические очерки). Элиста: Калмыцкое книжное издательство.1980.

Эрендженов К. Чудесная планета. Страницы воспоминаний. М.:Новый ключ. 2001.

Bormanshinov A. Kalmyks // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge, MA. Harvard University Press. 1980.

Bormanshinov A. Kalmyks // American Immigrant Cultures. Bilders of a Nation. Edited by David Levinson, Melvin Ember. Vol 2. Macmillan Reference USA. NY. 1997.

Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London. 1970.

Connerton, Paul. How Societies Remember. Cambridge. 1990.

Eidheim, Harold. When Ethnic Identity Is a Social Stigma // Ethnic Groups and Boundaries. Ed. Frederik, Barth. Boston: Little, Brown. 1969.

Halbwachs, Maurice. On Collective Memory. Edited, translated and with an Introduction by Lewis A.Coser. Chicago and London.1992.

Handlin, Oskar. The Uprooted. New York: Grosset and Dunlup. 1951.

Hobsbaum E., Rander T., ed. The Invention of Tradition Cambridge, England, 1883.

Hoffmann Joachim. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg: Rombah. 1974

Hoffmann Joachim. Die Ostlegionen. 1941-1943. Freiburg: Rombah. 1986

Hoffmann Joachim. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg: Rombah.1991.

Миленковиħ Тома. Калмици у Србији. 1920 - 1944. Белград: Traco. 1998.

Motzkin G. Memory and Cultural Translation // The Translatability of Cultures. Figurations of the Space Between. Stanford, 1996.

Poppe Nicholas. Reminiscences. Ed. By Henry G. Schwarz.Western Washington.1983.

Rubel Paula G. The Kalmyk Mongols. A Study in Continuity and Change. Indiana University Publications. Vol.64. of the Uralic&Altaic Series. 1967

Orwell S., Angus I(ed). The Collected Essays. Journalism and Letters of George Orwell. London, 1968, III.

Proudfoot Malcolm. European Refugees. London. 1957.

Sollors, Werner, ed. The Invention of Ethnicity. Oxford: Oxford University Press.1989.

Takezawa Yasuko I. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. Cornell University Press. Ithaka and London. 1995.

Список сокращений

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГЭС – Гидроэлектростанция
ИК – Известия Калмыкии
ИЭА РАН– Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук
КАССР – Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика
КГБ – Комитет государственной безопасности
КГУ – Калмыцкий государственный университет
ККК – Калмыцкий кавалерийский корпус
ККИ – Калмыцкое книжное издательство
КНК – Калмыцкий национальный комитет
КК – Комсомолец Калмыкии
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МТС – Машинно-тракторная станция
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
Нэп – Новая экономическая политика
ОККД – Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия
ОСП – Отдел спецпереселенцев
ПГС – Проектно-гражданское строительство
ПМА – Полевые материалы автора
ППТП – Проект «Память в третьем поколении»
ППШ – Пистолет-пулемет Шпагина
РК – Республика Калмыкия
РОА – Российская освободительная армия
РСДП – Российская социал-демократическая партия

СКЖД – Северо-Кавказская железная дорога
СМИ – Средства массовой информации
СНК – Совет Народных комиссаров
СК – Советская Калмыкия
СР – Советская Россия
УМВД – Управление министерства внутренних дел
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков